

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2005

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертез (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Редактор: *Людмила Бусуек*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Агентства Международного Развития США (USAID),
Комиссии Европейских Сообществ*

Содержание

№ 3 (34) 2005

К читателю 5

Семинар

Гражданское общество и политическая система в России 7
Александр Аузан

Дискуссия 15

Заметки с семинара 20
Евгения Иванкова, Екатерина Золотухина, Александр Радевич

Тема номера

Зачем нам гражданское общество и что нам с ним делать? 24
Глеб Тюрин

Просвещение: вчера и сегодня 33
Александр Согомонов

XXI век: вызовы и угрозы

Враги свободы всегда недооценивают своих противников 40
Мартин Вольф

Современный терроризм 43
Чарльз Гатри

Российско-американские отношения: проблемы и возможности 49
Дмитрий Тренин

Дискуссия

Альтернативная избирательная философия 56
Сергей Егоров

Проблемы наши и общероссийские 61
Магомед Алхазуров

Кто не с "НАшиМИ"... 66
Лида Рыгина

Наш анонс

Школа. О смыслах и чувствах 72
Зоя Ерошок

Свобода и культура

Либерализм и свободомыслие 75
Ефим Смулянский

Личный опыт

Михаил Кузнецов: рациональный оптимист 79
Юрий Гиренко

Идеи и понятия

Консерватизм 82
Ирина Бусыгина, Андрей Захаров

Горизонты понимания

Индустрия информационных технологий 89
Ольга Дергунова

"Послушным деньгам" вдогонку 96
Максим Сергеев

Книги

Сталин с нами 100
Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение 101
*Александр Волков,
Андрей Никитин*

Контрапункт 104
Александр Архангельский

In memoriam

"Держись моих правил..." 107
Алексей Салмин

*В оформлении номера использованы работы художников
из Великобритании, Германии, Италии, США, Франции и Швейцарии.*

К читателю

Говорят, надо принимать жизнь такой, как она есть.

С этим трудно спорить, а тем более опровергать эту точку зрения во время войны, болезни близкого человека, несчастья. А когда вам лгут, лицемерят, творят беззаконие, ссылаясь на так называемую ментальность, то есть на склад ума и психологию народа? Полагая, что с этим тоже невозможно не считаться, а поэтому приходится приспосабливаться.

Почему это происходит? Потому что в обществе отсутствует здравый смысл — критерий объективности, нет точек отсчета, что считать нормой, а что отклонением от нее. Нет ясного понимания, что такое закон, а что такое право, каким должно быть государство, в чем заключается позиция консерватора, а в чем либерала и т.д. Обо всем этом у нас практически не говорят и это не обсуждают. А если говорят, то опять же в контексте оправдания существующих нравов, привычек, взаимно исключая друг друга норм, а не с позиций объективного анализа. В связи с этим встает вопрос: можно ли в таком случае вообще быть объективным и сохранять объективность — в ситуации поистине торжества разгула субъективности и своекорыстного знания?

На мой взгляд, можно, если мы действительно начнем понимать, что, хотя идеальная объективность и абсолютная честность недостижимы, это не значит, что мы не должны стремиться к восстановлению *духовной традиции*. Когда предпосылкой объективности и честности является именно здравый смысл — самая устойчивая человеческая добродетель, а также способность непредвзято (не только ради личной выгоды) вникать в содержание того дела, которым мы занимаемся, а значит, думать о последствиях своих дел и поступков.

То есть, другими словами, если мы согласимся с тем, что, с тех пор как существуют «евангелическая точка отсчета и мировая история, существует одна простая закономерность: *реальная* культура и духовность чело-

Ю.П. Сенокосов,
главный редактор
журнала «Общая тетрадь»

веческая не могут быть ограничены тем *этническим* материалом, в котором они выполняются»*.

Почему это важно и почему в приведенной цитате сделан акцент на выделенных словах? Во-первых, потому что иначе любая этническая (как и национальная или социальная) общность, какой бы значительной она ни была, оставалась бы замкнутой в себе частностью, границы которой преодолеваются только *личностным началом*. Именно проявление и действие в культуре и общественной жизни личностных начал, являющихся одновременно историческими началами человека как такового, независимо от его этнической принадлежности, способствуют формированию национального характера в его лучших качествах. Об этом свидетельствует история народов, исповедующих не только христианство, но и буддизм, ислам, конфуцианскую мораль и т.д. То есть практикующих универсальные духовные и этические ценности мировых личностных «религий спасения».

И, во-вторых, сказанное выше актуально в том отношении, что позволяет понять, каким образом народ на определенном этапе своего развития становится вначале нацией, «забывая» о своем этническом происхождении, а затем — *гражданской нацией*, создавая гражданские общественные ассоциации для защиты прав и свобод личности. В Европе это заняло целую эпоху, называемую эпохой Просвещения.

Что же касается современной России, то мы лишь в последние десятилетия открываем для себя значение и смысл таких понятий, как гражданская солидарность, гражданское чувство, гражданское общество, права человека. Но начинаем сомневаться, когда слушаем тех, кто самоуверенно заявляет, что все это якобы привнесено в нашу «самобытную культуру» как нечто чужеродное ей. То есть соглашаясь, по сути, с тем, чтобы нас и впредь называли «новыми русскими», а не гражданами России.

Повторяю, личностные начала универсальны и вненациональны и именно они являются условиями нормального существования общества и полноценного живого функционирования черт национального характера. В противном случае, когда эти начала исчезают, исчезают и лучшие черты нации.

Да, надо принимать жизнь такой, как она есть, но при этом нельзя соглашаться с теми, кто призывает к ней приспособливаться.

Государство по определению должно защищать суверенитет страны, а граждане отстаивать свои права и свободы, так как это и есть основа, фундамент становления и развития гражданского общества и гражданской нации.

* Мераб Мамардашвили. *Как я понимаю философию. 2-е издание. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1992. – С. 207.*

Гражданское общество и политическая система в России*

*Александр Лузан,
директор Института
национального проекта
«Общественный договор»*

Для меня образ 2005 года во многом сформирован метафорой, которая принадлежит Геннадию Зюганову. В прошлом году, выступая на радио «Эхо Москвы», он сказал: «Такое впечатление, что все кругом заасфальтировано». Но, видимо, как обычно это делают в России, асфальт положили на неподготовленную почву, и теперь складывается впечатление, что все кругом трескается. Асфальт, конечно, латают, но, похоже, проехать по нему к тем целям, которые намечались в 2004 году, уже не удастся. Поэтому для начала надо понять, почему все так происходит?

Сейчас довольно много рассуждений и дискуссий об авторитаризме и даже угрозе тоталитаризма в России. Я в принципе согласен, что у нас за последние годы сложился авторитарный режим власти. Но, видите ли, авторитаризм не всегда бывает устойчивым и успешным. Нужны определенные условия для его устойчивости. Речь идет о том, какова схема общественного договора. Возможны, я бы сказал, три схемы, при которых авторитаризм оказывается устойчивым.

Первый вариант. Власть, забрав многочисленные гражданско-политические права и ограничив свободы, обеспечивает гарантии прав собственности и проводит жесткие либеральные экономические реформы под лозунгом «Ребята, потерпите!» А кто не хочет потерпеть, тот имеет дело с сильной властью. Думаю, что именно эта модель планировалась в 2000–2001 годах, однако после дела ЮКОСа этот вариант отменяется, так как гарантий прав собственности нет.

Второй вариант. Власть обеспечивает социальные права граждан. При этом под лозунгом «Справедливость выше права собственности» перераспределяется собственность. Режим опирается на те группы населения, которые получают государственную помощь за счет перераспределения. Думаю, что после истории с монетизацией льгот и этот вариант можно считать отошедшим в прошлое.

И есть еще один непростой вариант: прямые инвестиции в силовые структуры. Мы можем проследить такую тенден-

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 29 мая 2005 года.*

цию по бюджетам силовых ведомств (например, МВД). Но этот вариант создает устойчивость авторитарного режима только в случае высокодоходного бюджета, иначе такие структуры содержать довольно сложно и неэффективно, а реформировать трудно. Как реформировать пол, на котором ты стоишь? Теоретически возможно, практически ничего не получится.

Именно поэтому я считаю, что опасность авторитаризма в России сильно преувеличена; не успев родиться, он начинает издыхать. Он очень малоэффективен. Все реформаторские попытки второго президентского срока по существу провальны. Административная реформа в тупике; это дорога в никуда, корабль плыть не может. Социальные реформы не идут. В чем же проблема? Дело не в том, что кто-то чего-то не понимает, что какие-то дураки принимают неправильные решения. Я думаю, что есть гораздо более весомые и незримые основания того, почему не сложилась устойчивая схема нового российского авторитаризма. Объяснение состоит в том, что у нас во влиянии на власть доминируют мелкие перераспределительные группы. За пиночетовским режимом, например, стояли крупные монополии, в основном американские, с длинными планами, с серьезными инвестициями. У нас же правят бал мелкие перераспределительные коалиции.

Возьмем дело ЮКОСа и его экономические последствия для отдельных групп. Все лето 2004 года на бирже шла так называемая игра в «ЮКОС», когда сливали инсайдерскую информацию, играли на повышение, на понижение. Кто игроки? Не президент Путин, а люди, имеющие доступ к информации в прокуратуре, люди из правоохранительных органов, которые знают, какое решение завтра примет суд и чего потребует прокуратура. Эту группу пытались остановить из Кремля — не смогли, потому что армия мародеров оказалась сильнее. Политическая победа в деле ЮКОСа должна была принадлежать президенту Путину, но требовалось и «трехдневное разграбление города».

Берем социальные реформы и смотрим на фармацевтический рынок. Семь уполномо-

ченных компаний под гарантии бюджета продают лекарства по государственным ценам, которые выше рыночных! Конечно, это какие-нибудь несчастные сто миллионов долларов. В деле ЮКОСа разваливают бизнес на десятки миллиардов, чтобы получить сто миллионов. Но это же СВОИ сто миллионов!

Повторяю, ни одна устойчивая схема авторитаризма не возникла и не возникнет, потому что силы, реально доминирующие в воздействии на принятие властных решений, нацелены на то, чтобы здесь и сейчас ухватить и унести. У них нет даже годичной перспективы. Радоваться этому не приходится, но построить на этом сколько-нибудь устойчивую конструкцию авторитарной власти тоже не получается.

Поэтому мы вошли в затяжной кризис, который я называю периодом турбулентности. Не думаю, что этот кризис будет иметь форму цветной революции. Когда заходит разговор о революции, я сразу вспоминаю фразу Станислава Ежи Леца: «Ну, пробьешь ты лбом стену. Скажи, что ты будешь делать в соседней камере?» Значительная часть стоящих перед страной задач не меняется от формы перехода в соседнюю камеру. Их надо решать как в этой камере, так и в соседней. И я буду говорить как раз про такие задачи. На мой взгляд, многие из этих задач не решаются без реального участия гражданского общества.

Что есть гражданское общество в России — отдельная большая тема и об этом, как и об историческом его значении, я не буду рассуждать. Я буду говорить о функциях гражданского общества на политическом поле. Для начала его роль я бы обозначил как роль «Золушки на политическом балу». Как ставят вопрос о гражданском обществе и власть, и оппозиция? Власть говорит: «У меня тут на кухне замечательная девушка. Поскольку любая кухарка в принципе может управлять государством, я даже, возможно, приглашу ее поуправлять государством. Скажем, в Общественной палате». Оппозиция на это отвечает: «Да эта девушка наша лучшая подруга! Она нам платья шьет для следующих выборов. И пусть себе там шьет»...

Вот в чем реальная проблема для обсуждения. У этой Золушки есть какие-то функции? Ей надо на этот бал ехать? Что ей там делать? Почему этот бал не может происходить без нее? Если отойти от образов, то есть три вопроса, на которые я попытаюсь ответить.

Во-первых, каково отношение гражданского общества к тому, что принято называть политическим строем? Во-вторых, есть ли у гражданского общества свое политическое поле?

И в-третьих, что может гражданское общество в избирательном процессе? Чего можно от него ожидать и чего нельзя?

Начнем с отношений гражданского общества с демократией и авторитаризмом. Власть говорит: «С демократией у нас, ребята, не получилось. Давайте мы вместо демократии построим вам гражданское общество». Оппозиция отвечает: «Какое может быть в России гражданское общество без демократии, без разделения властей, без независимости судебной власти, без нормальной партийной выборной системы?» То есть власть предлагает гражданское общество *вместо* демократии. А оппозиция полагает, что гражданское общество возникнет *после* демократии.

Я утверждаю, что гражданское общество есть определенная, очень существенная предпосылка развития демократии. В последнем президентском послании, оглашенном 25 апреля, В. Путин заявил, что развитие демократии есть главная задача государства и нет никакого принципиального отторжения по историческим причинам демократии в России. Наиболее точную характеристику позиции президента дала газета «Коммерсантъ», где на следующий день после послания вышла статья под заголовком «Глава государства осудил путинский режим».

Послание все читали, и я не буду его касаться. Скажу о том, что мне удалось слышать от президента в декабре 2003 года, через три дня после парламентских выборов в России на совещании членов Комиссии по правам человека и руководителей правоохрани-

тельных органов. Людмила Михайловна Алексеева там делала доклад о результатах мониторинга выборов и предвыборной кампании Московской Хельсинкской группой, из которого следовало, что манипулирование было жестким и массовым. На это

Управляемая демократия – это попытка управлять самочувствием людей с помощью изменения показаний термометра

президент сказал две вещи. Во-первых, «не мы это начали». Вспомните, сказал он, 1996 год, когда президент Борис Николаевич Ельцин, у которого рейтинг был три процента, победил во втором туре. И вы тогда не протестовали. Во-вторых, сказал он, реальная проблема в том, что население не умеет пользоваться демократическими институтами. В результате они используются для прохождения во власть криминала, денежных мешков и популистов. Из этого всего президент сделал вывод, что он вынужден корректировать политический процесс.

Давайте посмотрим на эту самую корректировку, на модель управляемой демократии. Управляемая демократия – это попытка управлять если не погодой, то самочувствием людей с помощью изменения показаний термометра. Если вам говорят, что сейчас не 23 градуса, а 27, то это еще ничего. Но если вам скажут, что сейчас минус четыре, вы в шубах выйдете. Тогда возникнут издержки сначала у вас, а потом у тех, кто это вам сказал. Чем больше управляемая демократия отклоняется от реальных сигналов, тем дороже становится. Это дорогая конструкция – управляемая демократия. Мы забываем, что сам административный ресурс не безграничен. Чем больше масштаб, а значит, и цена операций управляемой демократии, тем больше проблем.

Тогда возникает естественная идея: убрать структуры, которые создают издержки. Сначала убрать губернаторов из Совета Федерации. А как же обратная связь с регионами? Сделаем Госсовет. Но губернаторы в

Тони Крэгг. Линия мысли. 2003

консультативном органе ведут себя совсем иначе, чем когда голосуют в Совете Федерации. Поэтому сигнал обратной связи слабый. Установили контроль над парламентом с помощью конституционного большинства в нем одной партии. А как связь с остальными группами населения? Сделаем Общественную палату. Сделают, и будет какая-то связь с группами населения, но очень слабая, так как орган консультативный. Таким образом, сигнал обратной связи гаснет, падает эффективность и начинают заваливаться реформы. Поэтому управляемая демократия в России умирает — не потому что она отвратительна, а потому что неэффективна.

И что же делать? Ведь президент правильно сказал, что есть проблемы с использованием демократии. Существует понятие (из области экономики) спроса на институты, в частности на институты демократии. Сегодня спрос населения на институты демократии действительно невелик. Ситуация напоминает положение в США во второй половине XIX века. Когда там перешли к всеобщему избирательному праву, резко упала цена голоса, снизился спрос на демократию, коррупция приобрела огромные размеры. Именно тогда Марк Твен дал знаменитое определение члена Конгресса Соединенных Штатов: «Человек, который принимает законы в перерывах между отсидкой за уголовные преступления».

Так было при выборах в Конгресс, при губернаторских выборах. Но судью и шерифа американцы выбирали себе сами и отстреляли бы любого, кто попытался им назначить шерифа. Дело в том, что кроме спроса на институты, существует еще предложение институтов. Кроме спроса на демократию, есть еще предложение демократии. Нельзя говорить, что если у нас не все умеют водить автомобиль, то из этого следует, что автомобили производить не надо. Из того, что национальной парламентской системой демократии у нас еще не умеют пользоваться и не очень понимают, для чего она существует, не следует, что нет других видов демократии: муниципальной, акционерной, кооперативной и т.д.

У демократии форм много, а суть их очень простая: это достижение договора о коллективных действиях. Когда удастся достичь такого договора на низовом уровне, то это зародыш национальной демократии. Например, если в жилищном кооперативе, кондоминиуме или товариществе собственников жилья «новые русские» решили договориться с интеллигентными старушками о том, как платить за установку домофона, то это зародыш национальной демократии. Если в кредитном союзе его участники в состоянии договориться с кредиторами, на каких условиях выдавать кредит малому бизнесу, то это зародыш национальной демократии. Таким образом, первый шаг от этих зародышей к реальной системе национальной демократии состоит не в выборности.

Хотя, я думаю, если бы кто-то попытался не отменить выборность губернатора или мэра, а назначить правление гаражного кооператива, то сопротивление было бы существенно сильнее. Но первый шаг не в выборности. В России умеют избирать царей, но от этого они царями быть не перестают. Первый шаг к демократии — это превращение власти в сервис. Потому что царь, который оказывает вам массу мелких услуг, — это уже не царь. Задача перехода от форм самоорганизации, где разные люди договариваются между собой о коллективных действиях, к национальной государственной демократии состоит в том, что мы начинаем спрашивать не с власти вообще, а с ее представителей в частности.

Первый закон гражданской политики состоит в том, что, как положено Золушке, нужно «перебирать фасоль», отделять белую от черной. Нужно сделать довольно много работы для того, чтобы двигалось развитие демократии. Потому что когда мы к демократии прибавляем немножко авторитаризма, то получаем совсем другую сказку. Это уже сцена из фильма «Тот самый Мюнхгаузен», когда арестованного барона сопровождает оркестр и герцог спрашивает: «Почему оркестр?» Ему отвечают: «Сначала намечались аресты. Потом торжества. Потом решили совместить». Такая модель не работает, она тупиковая. Модель, о которой говорю я, конечно, не моментально да-

ет эффект, но не надо считать, что это модель только завтрашнего дня.

Вопрос номер два: надо ли вообще Золушке появляться на политическом балу? Популярное суждение состоит в том, что гражданским организациям, гражданскому обществу вообще не надо с властью общаться. Это дело политических партий. И если наладить нормальную выборную систему и конкуренцию партий, то все вопросы будут решаться и все будет хорошо. Это ложь. Причем так говорят люди грамотные, поэтому я считаю, что это ложь злонамеренная.

Еще двадцать лет тому назад была присуждена Нобелевская премия Эрнсту Перлу, американскому экономисту, который доказал теорему о предельных возможностях демократии. Перл доказывал, что, какой бы демократической процедурой принятия решений вы ни пользовались, всегда целый ряд вопросов не будет решаться оптимально. Ведь никакого большинства на самом деле нет, это миф. Существуют только меньшинства, а большинство складывается как коалиция меньшинств. И в зависимости от того, как именно складывается коалиция, получаются разные решения (это так называемый парадокс Кондорсе). Поэтому демократия может далеко не все. Вообще, не надо к ней относиться, как к изваянию в храме. Это машина, которая траву умеет стричь, а ботинки чистить не умеет. Мифологическое отношение к демократии мы с вами в девяностые годы уже попробовали. Но теорема о предельных возможностях относится не только к демократическим способам принятия решений, но и к авторитарным. Они тоже по ряду вопросов не могут дать оптимального результата.

Во-первых, в авторитарном режиме всегда слабая обратная связь. Год назад Путин летал в Грозный на похороны Ахмада Кадырова и был потрясен тем, насколько город разрушен. Он этого не знал! Я подозреваю, что это не единственный вопрос, по которому представление президента не совпадает с действительностью. И дело не в президенте, а в способе построения власти. Взять тот же 122-й закон. Я его всегда сравниваю с попыткой сшить костюм по инди-

видуальному заказу на нестандартную фигуру без встречи с заказчиком. В итоге получается костюм, который жмет до боли в самых деликатных местах.

Вторая причина принятия неоптимальных решений при авторитарном способе — агенты и интересы. Чиновники — это не винтики и не шпунтики, а люди очень неглупые, хорошо сознающие свои интересы. Одна из причин обостренного январского кризиса была в том, что жилищные тарифы поднялись очень резко. Этого не ожидали, когда компенсацию насчитывали. Почему? Перед этим приняли решение о том, что губернаторы не избираются, а назначаются. И поведение агентов изменилось. Один из полпредов мне пять лет назад сказал: «Мне стало просто — у меня теперь один избиратель и я его знаю в лицо». У губернаторов произошло то же самое. На кого они должны ориентироваться? На своего избирателя. А как ориентироваться на этого избирателя? Делать реформы быстрее остальных, бежать впереди паровоза, впереди собственного визга.

Как работает третий фактор — группа распределительных интересов — уже фактически говорилось. Авторитарный способ принятия решений закрытый, поэтому там всегда легче проталкивать те или иные варианты, если договориться с лицом, принимающим решения. Когда экономисты спорят, остановятся реформы или не остановятся, я говорю, что есть еще третий вариант, который меня пугает больше всего: они пойдут с разбойничьим посвистом, так как при каждой реформе найдутся охотники снять свои сто миллионов с вложенных пятидесяти миллиардов.

При чем же здесь гражданское общество? При том, что если ни принцип выборности, ни принятие решений большинством, ни принцип назначения не решают всех вопросов, это не означает, что они должны быть отброшены. Общественная палата плоха тем, что ее не избирают. Друзья мои, зачем вам два парламента? Вы с одним справиться не можете. Назначение? Но тогда зачем вам еще одно министерство? Гражданское общество работает другими способами. Золушке надо ехать на бал, но надо

ехать в тыкве, а не в раззолоченной карете. Гражданское общество сильно своей аморфностью и влиятельно своей многоликостью. Как только мы монополизировали канал передачи сигнала от гражданского общества, считайте, что ничего не получится. Ничего катастрофичного в Общественной палате нет, если она не будет единственным каналом неполитического воздействия на власть.

Третий и последний вопрос — о выборном процессе. Приехала Золушка на бал, а там одни тени. У нас же партий нет, одни тени. Почему так происходит? Мы никогда не думали над тем, что партии пытаются решить задачу, которая не имеют решения.

Партии жалуются, что их предвыборные программы избиратели в России не читают. Друзья мои, избиратели нигде не читают предвыборные программы. Ради чего им неделями сидеть с карандашом и сравнивать? Чтобы несколько минут заполнять бюллетень? И потом неизвестно, что получишь от этого выбора. Зачем читать предвыборные программы, если все партии ищут поддержки у так называемого «медиального» избирателя, у большинства.

На избирателя обижаются, что он на выборы плохо ходит. Но зачем избирателю из большинства идти на выборы? Он и так в большинстве. А зачем избирателю из меньшинства идти на выборы? От него ничего не зависит. Поэтому если мы на эту штуку посмотрим с точки зрения издержек и выгод избирателя, то решения-то вроде бы нет. Избиратель должен уйти из этой системы и никогда туда не возвращаться.

Уж чего только партии не придумывают, чтобы электорат соблазнить! Одни решают: «Скажем, что мы — против Кремля». Другие: «А мы скажем, что мы — за Кремль». Но массового избирателя это не сильно волнует. Потому что — за Кремль или против Кремля, а все равно не понятно, как будут решаться дела со здравоохранением, с текущим краном и с выплатой каких-нибудь пособий. Этот сигнал ни о чем не свидетельствует. Тогда партии приходят к испол-

нительной власти и говорят: «Ну, подкиньте нам какие-нибудь голоса; все-таки должно быть какое-нибудь разнообразие в природе». И мы получаем 2003 год...

Чтобы решить эту задачу, нужно руководствоваться законом «включенного третьего».

Первый шаг к демократии — это превращение власти в сервис

Без неполитических гражданских организаций она решения не имеет. Почему? Начнем с издержек избирательного процесса. Кто-то, во-первых, должен эти издержки снизить для избирателя, не читающего программу. Объяснить избирателю, когда надо, а когда не надо ходить на выборы. На выборы не всегда надо ходить всей толпой. Возьмем акционерную демократию. Акционеры не едут через всю страну на любое собрание акционеров, пока им независимые директора не скажут, что возникает прямая угроза их интересам.

Теперь с обратной связью. Ведь избиратель чего-то хочет от выборов. Реальная конкуренция политических партий выглядит ой как некрасиво, поэтому вряд ли избиратель пойдет на выборы из эстетических побуждений. Но у него какие-то запросы, которые надо удовлетворять. Кто эти запросы знает? Политические партии не знают. Они каждый раз открывают общественные приемные перед выборами, но не идут туда люди с настоящими нуждами. А куда они идут? Они идут в неполитические гражданские организации жаловаться на вырубку деревьев у своего дома, про протекающую крышу рассказать и про нарушение каких-то прав. Так в гражданских организациях складывается реальная картина интересов. Но ее же дальше надо транслировать, продвигать, контролировать решение вопросов. Это кто будет делать?

У нас абсолютно перекошены отношения политических партий с гражданскими организациями. У нас старшие сестры непрерывно примеряют тужельку, которая им на ногу не лезет. Почему у нас не получается ни

слева, ни справа никакого партийное строительство? Потому что это ярмарка агентов, а заказчиков нет. Происходит депрофессионализация политиков, они превращаются в радиокомментаторов. Политик, конечно, может интерпретировать события, но, вообще говоря, он должен на них воздействовать. И неправда, что воздействовать можно, только имея больше 50% голосов в Госдуме. Кроме голосования, есть такая вещь, как законопроектная деятельность. Это работа, которую далеко не каждый на себя возьмет и далеко не каждый с ней справится. И тот, кто этим занимается, получает при принятии решений влияние, непропорциональное количеству голосов.

Не надо пытаться осчастливить всех и представлять интересы большинства. Попробуйте решить конкретные пять проблем конкретной группы населения. Вот это и есть работа политических партий как агентов групп населения. И вот тогда у нас не будет таких сцен: «Я с этим не хочу за одним столом сидеть». Кто спрашивает, будешь ты за одним столом сидеть или нет? Если нужно решить вопросы — сядешь, и будешь улыбаться, и будешь руку пожимать.

Нужно еще говорить об альтернативной повестке дня, которая возникает не в политической среде. Альтернативная повестка дня — это не обязательно вопросы, отличающиеся от тех, которые ставит и пытается решать власть. Это может быть другое понимание тех же вопросов. В президентском послании вопрос о борьбе с терроризмом оказался где-то на 28-м месте. Было сказано только, что мы еще не одержали окончательную победу. Однако вопрос о безопасности — центральный, это бесспорная функция государства. Где здесь постановка вопроса от власти, а где альтернативная повестка? Мы ведь воюем не с Китаем, не с Соединенными Штатами Америки и не с Афганистаном. Мы воюем с преступностью. А терроризм — это организованная преступность.

Из всех факторов, влияющих на преступное поведение, есть два, которые влияют намного сильнее, чем остальные. Вспомним известную формулу «Суровость российских законов искупается необязатель-

ностью их исполнения». Гарри Беккер это формулирует как сомножитель уровня санкции и вероятности ее наступления. Тут обнаруживается, что власть и общество имеют разные представления об издержках и выгодах этого процесса. То, что для власти является издержками, то для общества выгодно, и наоборот. В чем реально заинтересована власть? Ведь преступника мало найти, надо еще доказать в присутствии мерзавцев-адвокатов, что именно он украл или убил. Эти издержки хотелось бы снизить. Что же касается наказания, то власти выгоднее всего либо смертная казнь, либо штрафы. Тюрьма власти не выгодна.

А у общества немножко другая последовательность этих сомножителей. И это отлично понимают жители города Благовещенска в Башкортостане. Там провели профилактическую операцию против преступности: пришел ОМОН и зачистил город. Ну побили тысячу человек, ну изнасиловали несколько женщин. Так ведь агенты должны были получить свое удовольствие от операции! Они применили наиболее дешевый метод профилактики преступности. А город почему-то встал на дыбы...

Вопрос о безопасности очень важен, только здесь возможны два противоположных подхода. Один подход — сокращать права человека, раз мы живем в условиях военного времени, при этом можно и смертную казнь ввести, да и конфискацию имущества тоже. Второй подход — не снижать стандарты прав человека, а заниматься антикоррупционными мероприятиями в правоохранительной системе. Это гораздо важнее, если смотреть с позиции наших интересов, чем то, что предлагает власть.

Хочу закончить анекдотом, очень важным для понимания ситуации. Снежная Королева подходит к Каю и спрашивает: «Кай, что ты делаешь?» Кай отвечает: «Я из этих ледяных букв пытаюсь сложить слово «вечность», но у меня никак не выходит». «А какие буквы у тебя есть?» — спрашивает Снежная Королева. «А буквы у меня — О, П, Ж, А»... Так вот, дорогие друзья, очень важно, из каких букв мы складываем свое будущее. Я утверждаю, что реальный алфавит — больше.

Дискуссия

Заурбек Мальсагов, председатель регионального отделения партии «Яблоко», Республика Ингушетия:

— Вы сами верите в создание гражданского общества в России?

Александр Аузан:

— Я не понимаю, почему я должен верить в то, что чувствую. Я живу в гражданском обществе. Гражданское общество это не храм с надписью «Оставь надежду всяк сюда входящий». Гражданское общество это очень простая вещь: люди, которые вместе решают некоторые проблемы, это и есть гражданское общество. Его может быть больше, меньше, но оно есть и я в нем живу пятнадцать лет.

Андрей Кайдаш, депутат Законодательного собрания Иркутской области:

— Количество субъектов Федерации уменьшается, идет их объединение. На уровне местного самоуправления количество муниципальных образований растет. К примеру, в Иркутской области их было 37, сейчас будет 392. Как они будут работать, мало кто знает. Ваше мнение: какие в этом плюсы и минусы? Что нас ждет?

Александр Аузан:

— Я был среди ярых противников этой редакции закона о местном самоуправлении. Нам, к сожалению, не удалось поменять в нем главное. Местное самоуправление — это не ресурсы, поделенные среди определенных территорий, а люди. Мы настаивали на поселенческой концепции: люди создают органы самоуправления, когда хотят самоорганизоваться. У принятого закона будут серьезные отрицательные последствия. Будет передел собственности. Эффективного развития не будет. Неизбежна коррекция в том же духе, как было с 122 законом. Мы добиваемся восстановления обратной связи, которая прервана по всем реформам.

Антоанета Миленкова, главный редактор региональной газеты «Вяра», Болгария:

— Из ваших слов я поняла, что в России нет сильного гражданского общества, которое могло бы корректировать политическую систему. Более того, политическая система в России не допускает развития гражданского общества. Так это или нет?

Александр Аузан:

— Я бы сказал, что ситуация меняется. Я ведь про 2005 год недаром сказал, что асфальт трескается. Очень много не только старых больших сетевых организаций, но и совершенно новых всплеск, вроде автомобильных или СМС-акций. В 2004 году этого было очень мало. Я бы сказал, что сейчас идет волна активизации. И самое интересное, что она идет в новых формах коммуникации. Мне кажется, что это очень важно. Потому что для власти это за-

гадочно и опасно. Как быть с большой солидной организацией, понятно. Там есть какие-то отношения и какие-то страхи. А вот когда неизвестно, откуда люди возникли, что делать? Власть очень долго искала подстрекателей пенсионерских демонстраций, но ни одна политическая партия, ни одна гражданская организация не была у истоков этих протестов, они уже потом прибежали. Это была самоорганизация. Происходит гражданское самозарождение жизни. Поэтому я считаю, что сейчас волна идет вверх. Но в период турбулентности волны активности могут спадать, а потом снова значительно подниматься.

Алексей Миронов, главный редактор газеты «Панорама Тольятти», Самарская область:

— О потере обратной связи. Мы теряем депутатов-одномандатников. Обсуждается отмена выборов мэров городов-миллионников. Вы упомянули, что выборность особого значения не имеет. Может быть, у нас сама система выборности не имела обратной связи? Выбирать нам давали, а отзываться — нет.

Александр Аузан:

— Я понимаю, что вы имеете в виду: может ли продолжиться тенденция строительства вертикали? Ну конечно, может. Потому что она давно вышла за пределы разумного и процесс стал во многом неуправляемым, неконтролируемым по ряду признаков. Когда начинают публичную операцию создания крыльев правящей партии, а через два дня эту операцию закрывают — это показатель. Поэтому я допускаю, что могут быть приняты еще какие-то шаги в этом направлении. Я сказал про выборность не потому, что выборность не нужна. Я говорил, что выборность не есть решающий признак демократии, это один из признаков. Сменяемость — более серьезный вопрос.

Марина Волкова, директор компании «Челябинский предпринимательский дом», Челябинская область:

— Вы сегодня первый, кто не употребил слово «ценность» по отношению к демократии, а продемонстрировал инструментальный подход. Соответственно вопрос: какой вы видите обратную связь, о необходимости которой говорили? Механизм этой обратной связи, наиболее эффективный сегодня?

Александр Аузан:

— Мы довольно много работали над этим. Могу сказать, что какие-то вещи заложены даже в законодательстве. Например, в России с 1 июля 2003 года действует закон «О техническом регулировании», где есть 9-я статья. Там предполагается, что создание проекта технического регламента может идти от кого угодно, что должны быть протоколы согласия и разногласия, что принятие политического решения парламентом и правительством происходит при наличии протоколов согласия и несогласия разных организованных групп. Это один из возможных механизмов. Разного рода комиссии, советы, палаты — другой механизм. Воздействие через парламентскую оппозицию, когда она в состоянии все-таки что-то делать, — третий. Судя по опыту прошедшего пятилетия, возможны и прямые отношения с правительством на основе разного рода рабочих групп. Механизмов несколько, но, к сожалению, все они сейчас почти не работают.

Андрей Булдин, заведующий отделом администрации Краснодарского края по взаимодействию с общественными объединениями:

— Я хотел бы поспорить с вами о том, что НКО в большей степени могут отражать интересы граждан. То есть в идеале это действительно так. Но по факту граждане идут со своими чаяниями и мнениями как раз к таким политическим партиям, еще больше к депутатам-одномандатникам, потому что считают, что те имеют рычаги власти. А НКО никоим образом не влияют на ситуацию, поэтому и обращаться к ним не стоит. И в целом НКО, может быть, из-за этого и по целому ряду других причин в регионах недостаточно развиты.

Александр Аузан:

— Не могу сказать, что я по Краснодарскому краю большой специалист, но продолжаю настаивать на своем тезисе по одной простой причине. В общественную организацию приходят жаловаться не потому, что считают ее политически влиятельной. Приходят за защитой. И я прекрасно знаю, как это делается. Однажды провели такой эксперимент. У общества защиты прав потребителей была конфликтная ситуация с государственным антимонопольным органом. Мы на дверях наших общественных приемных вывесили объявления «Обратитесь к государственным органам». Через три дня мне позвонил министр и попросил извинения за занятую им ранее позицию. Потому что государство не может переварить такого количества людей, которое переваривают общественные организации.

Алексей Черешков, председатель регионального отделения движения «Идущие вместе», Свердловская область:

— По поводу Общественной палаты, которая создается, — что это будет такое? Витрина гражданского общества или инструмент государства для манипулирования обществом?

Александр Аузан:

— Меня тоже очень волнует поставленный вами вопрос. Я считаю, что и та и другая возможности существуют.

Тимур Алиев, главный редактор газеты «Чеченское общество»:

— Вы сейчас очень интересно доказывали необходимость создания Общественной палаты. То есть практически говорили о том, что президент у нас просто душка, только не знает, какие на самом деле проблемы есть у простых людей. И если мы сейчас донесем до него эту информацию, то Он обо всем узнает, приведет в порядок и все будет замечательно. Но на самом деле президент — чиновник, просто очень высокопоставленный. Почему мы должны подстраиваться под этого чиновника, почему не он должен подстраиваться под народ, который выбрал его?

Александр Аузан:

— Понимаете, меня вообще не волнует вопрос — душка наш президент или не душка. Меня интересует, как устроено функционирование власти для оказания услуг мне. Если президенту все рассказывать, ничего по большому счету не произойдет. Но он должен знать, что творится в стране. Я об этом говорил, высказываясь о границах авторитарного управления, а не только демократического.

Светлана Емельянцева, главный специалист управы Хорошевского района, Москва:

— В недавнем послании президента действительно прозвучали очень громкие, красивые слова. В частности, там было сказано о необходимости реформы судебной системы. А через несколько дней началось оглашение приговора по делу ЮКОСа и мы могли наблюдать во всей красе объективность, всесторонность рассмотрения, абсолютную открытость и гласность. Может быть, это было послание не Федеральному Собранию, а обществу, чтобы, скажем, подготовить его к некоему образу президента как политика правого фланга?

Александр Аузан:

— Вы знаете, для меня тоже стоит этот вопрос. Я в чем-то согласен с посланием, в чем-то нет, но я не понимаю, где внешние силы для реализации того, о чем президент заявил. Я не вижу, с какими силами реально может работать президент, чтобы реализовать это. По судебной системе — отдельный и очень сложный разговор. Я вообще вижу четыре ключевых вопроса повестки дня: безопасность, правосудие, налоги и вопрос о справедливости, который на самом деле состоит в том, какие общественные блага мы хотим иметь. Поэтому правосудие — мощнейший вопрос, и главное в нем не коррупция, как нас пытаются убедить, а управляемость системы. Коррупция была главной болезнью пять лет тому назад. Сейчас она сохранилась, но главная болезнь уже другая.

Владимир Орехов, депутат Национального сейма, Литва:

— Вы сказали, что обществу нужно уважение его гражданского достоинства. Как вы считаете, насколько власть уважает свое общество в европейских странах, в Америке? Сегодня общество стало с недоверием относиться ко всем

партиям, без исключения. В этом контексте, как вы могли бы сформулировать ваше отношение к партиям вообще?

Александр Аузан:

— Я лично верую в Бога, поэтому для меня нет вопроса здесь. Конечно же, идеальна только партия Божья. Тут вопросов быть не может. И, конечно же, грешные люди на грешной земле никогда не смогут устроить идеальное общество. Конечно же, в Европе, Америке тоже грешные люди, там тоже есть коррупционеры. Но я веду речь о системных условиях. Еще раз говорю, партии — не потому, что они хорошие, а потому что так работает система, — вынуждены считаться с мнением людей, чтобы не проиграть очередные выборы. Вот и все. Система устроена так, что власть если не уважает, то демонстрирует уважение к обществу.

В послании апостола Павла «К римлянам» есть известная фраза, которую цитируют многие и которая как бы направлена против всякой критики и уж тем более против революции: «Ибо нет власти не от Бога». Но там есть и продолжение. Апостол говорит, что начальствующие страшны не для добрых дел, а для злых. То есть начальство служит для охраны добра. А значит, не всякой власти надо покоряться. В этом смысле статья американской «Декларации независимости» о праве народа на восстание против тирании несколько не противоречит Новому Завету.

Почему падает популярность партий? Лично я на прошлых выборах голосовал против всех по одной простой причине: я не хочу голосовать за партию, чтобы она просто получила какие-то думские портфели. Я готов голосовать за партию, которая передо мной через четыре года отчитается, но не в качестве законодворца: вот, мол, мы такие законы приняли. Я хочу голосовать за партию, которая берет на себя ответственность за проведение того или иного курса. Это в нынешней ситуации вредно для партии. Партии сейчас стоят, условно говоря, в конюшне и бьют копытами, а их не пускают на скачки. Они от этого жиреют, разлагаются, деградируют. Потому что им не дают самого главного: овладеть ответственностью. Вот почему люди отворачиваются от партий.

Александр Хрусталеv, помощник депутата Законодательного собрания Ленинградской области:

— Получается, что те люди, которые понимают суть изменений, происходящих в обществе, недостатков, существующих в политической, избирательной, властной системе, скорее всего на этих выборах, если придут, проголосуют против всех. Тем самым создав ситуацию, когда после выборов мы все скажем: ну и выбрали!

Александр Аузан:

— Я принимаю вашу критику. Обещаю, что на следующих выборах буду голосовать за конкретную партию. Не буду говорить, за какую, но думаю, что за нормальную. Я думаю, по моему выступлению вы поняли примерно мое мировоззрение.

Заметки с семинара

*Евгения Иванкова,
заместитель редактора газеты «Каскад»
(Калининград)*

С первого же дня семинара эксперты и слушатели взяли высокую планку. По истечении седьмого дня стало видно, что, по крайней мере, еще как минимум сто человек оказались зараженными вирусом Школы, пожалуй, единственным вирусом, от которого не хочется избавляться.

Как всегда, семинар стал уникальной площадкой для сопоставления позиций. Два выступавших друг за другом докладчика уже в первый день продемонстрировали противоположные по сути подходы к проблеме либерализма. На сессии председателя Комитета по конституционному законодательству Госдумы РФ Владимира Плигина чувствовалось стремление оправдать политику «закручивания гаек», проводимую руководством страны. «Мы идем на сокращение демократических свобод, чтобы выправить ситуацию», — сказал докладчик, комментируя, в частности, процедуру лишения полномочий отдельных губернаторов.

А вот в Европе явно противоположное понимание того, что такое либерализм.

«Сначала нужно дать поле свободы, созидавая на этом поле либеральное общество», — подчеркнул профессор Мадридского университета имени Карла III Томас де ла Куадра Сальседо.

В дополнение к этому основатель и директор Московской школы политических исследований Лена Немировская обратила внимание слушателей на то, что именно демократическое, либеральное общество позволило в странах Европы сформироваться среднему классу. Поэтому, сказала она, так актуален для нас вопрос либерализации рынка собственности.

Какой стиль управления страной избран сегодня в России? Отвечая на этот вопрос,

Александр Аузан предложил два художественных образа: «зона турбулентности, когда пассажиров самолета трясет и тошнит», и второй образ, не менее ярко характеризующий ситуацию, — «Золушка, раздумывающая, ехать ли ей на бал». Неумение населения пользоваться гражданскими институтами и неспособность власти создать нормальную политическую систему он объясняет отсутствием политической культуры.

Второй день в Голицыно начался с традиционной для семинаров Школы сессии, посвященной безопасности и пределам ограничения государством свобод и прав граждан в целях сохранения порядка. На эту тему рассуждал посол Великобритании в РФ Энтони Brenton.

Для России, это, безусловно, чрезвычайно актуальная область. Хотя бы в контексте властного решения о назначении губернаторов после событий в Беслане, чтобы таким образом якобы обеспечить более эффективную борьбу с коррупцией.

Значительная часть семинарских сессий была посвящена обсуждению международных отношений. Глава Совета по внешней и оборонной политике Сергей Караганов считает, что отношения России и ЕС находятся в состоянии глубокого кризиса. Евросоюз поглощен «перевариванием» новых членов. Россия, в свою очередь, на протяжении многих лет стремившаяся к Европе, при ближайшем рассмотрении выяснила, что это уже не та Европа, какой была ранее. Для тесного сотрудничества придется отказаться от силовых решений конфликтов, от авторитарного стиля управления и, главное, от идеи великодержавности. Готова ли на такие жертвы Россия? Этот вопрос также не раз вставал во время семинара.

Заместитель директора Московского Центра Карнеги Дмитрий Тренин убежден, что наиболее перспективное направление во внешней политике России — курс на выстраивание отношений с США, но проблема заключается в том, что их почти нет*.

Гораздо больше перспектив, по мнению западных экспертов, для развития российско-европейских отношений. Глава представительства Европейской комиссии в РФ Марк Франко уверен, что Европа заинтересована в России в качестве полноценного партнера. По его словам, последний саммит Россия—ЕС как раз и был ориентирован на обсуждение практических аспектов этой проблемы: чтобы общаться с партнерами на равных, России следует вступить в ВТО.

О сходстве российских и европейских интересов говорил и посол Германии в России Ханс-Фридрих фон Плётц: «Мы хотим видеть в России надежного партнера, страну, в которой провозглашено и соблюдается верховенство права».

Депутат Госдумы Владимир Рыжков задался вопросом, ценности или интересы составляют основу развития европейского пространства. В фокусе внимания либеральной идеологии лежат права и свободы личности. Это основа политики всех европейских государств. Но разделяет ли этот принцип Россия? Вряд ли сегодня кто-то ответит «да» на этот вопрос. До тех пор пока в стране не начнут уважать права человека, о подлинной, а не декларативной интеграции России (не на правах члена ЕС, а на правах полноценного партнера) говорить не приходится.

Четвертый день семинара можно по праву назвать днем общения с «большим» бизнесом. Не только в буквальном смысле этого слова. Речь идет о действительно современных подходах к ведению дел. Александр Зайцев, генеральный директор московского ресторана «Кафе “Пушкин”», рассказал о том, как создается легенда успешного бренда. Казалось бы, что общего у ресторанного бизнеса с мировой экономикой и уж тем бо-

лее с политикой, о которых чаще всего говорят на семинарах Школы? Тем не менее связь есть, и слушатели это почувствовали. Многие участники дискуссии задавали вопрос о том, как выстроить успешный бренд демократии, привить вкус не только к хорошему обслуживанию, но и к демократическим ценностям.

Правда было в этой сессии одно «но». Зайцев так «вкусно» рассказывал о своем заведении, что, по общему мнению, его сессию уместнее было бы провести в стенах ресторана на Тверской. А напоследок Александр Вячеславович поделился секретом, как правильно есть пельмени.

Еще одно великолепное выступление прозвучало в этот день на семинаре. Вся мужская часть слушателей буквально влюбилась в главу представительства компании «Майкрософт» в России и СНГ Ольгу Дергунову. Образ современной деловой женщины с острым чувством юмора и великолепной манерой речи прекрасно вписался в представление о новой формации бизнесменов современной Европы**.

В последний день семинара состоялась презентация книги Юрия Сенокосова «Власть как проблема». Ей дали высокую оценку профессор МГИМО Ирина Бусыгина, московский журналист испанской газеты «Эль Паис» Пилар Бонет, обозреватель «Новой газеты» Зоя Ерошок.

За неделю, проведенную в Голицыно, в России и в мире произошло несколько важных событий. Во Франции и Нидерландах проголосовали против единой европейской конституции, а М. Ходорковскому вынесли приговор — девять лет колонии общего режима. Есть над чем задуматься...

Зерно правды прорастает только в дискуссии. Радость общения с близкими по духу людьми — главная ценность, которую дает нам Школа. «Счастье — это когда тебя понимают», — говорил герой фильма «Доживем до понедельника». Нас понимают в Школе. И мы здесь счастливы. Это придает силы, когда чувствуешь, что в стране идет что-то не так.

* См. его выступление в настоящем номере журнала.

** См. рубрику «Дискуссия»

Екатерина Золотухина,
помощник депутата городской думы
(Липецк)

Если бы во время семинара был день самоанализа на тему «Я и гражданское общество», его стоило бы, пожалуй, назвать красным днем календаря. Очень уж редко вспоминаем мы про свои права, про то, что живем в эпоху новых технологий и демократических ценностей. Рядовой российский гражданин, отвечая на вопрос о том, знает ли он что-нибудь о гражданском обществе, наверняка начнет рассказывать о собственных проблемах, а не состоянии демократии. И наверняка скажет, что даже если демократия — это всечеловеческое благо, то что-то положительных результатов от нее не видно, не делает ничего эта самая демократия для него — простого жителя самой большой и великой страны. И едва ли кто-то скажет, что читал Конституцию, разве что студенты юридического факультета, а об институте правозащитных организаций, скорее всего, знают только самые дотошные и не разочаровавшиеся в жизни люди.

Неужели все дело в нашем менталитете и тяге к сильной власти, в боязни развития и надежде, что вот-вот кто-то придет и все сделает и все мы будем жить долго и счастливо?

Сколько бы ни говорили о российском пессимизме и политической пассивности, сколько бы ни убеждала нас статистика в отсутствии перспектив, не хочется и невозможно поверить, что все это правда.

Мне кажется, есть несколько важных причин, которые мешают нам понять, что гражданское общество, демократия и свобода — это насущное требование XXI века.

Во-первых, сохранение иллюзий по поводу того, что мы совершенно особенные. Пора осознать, как это ни тяжело, что мы больше не сверхдержава, мнение которой априори ложится на чашу мировых весов.

Другой немаловажный фактор — отсутствие культуры гражданского общества в нашей стране в силу как объективных, так и субъективных причин.

Как граждане мы не воспитываем в себе уважение к общественным институтам, не признаем их очевидную необходимость для развития России. То ли не хотим, то ли не можем. Когда в начале девяностых нам дали вдохнуть легкий ветерок свободы, никто не объяснил, что такое демократия, которая позиционировалась как в свое время коммунизм — что-то неосязаемое, нужно только подождать, и скоро мы будем жить гораздо лучше, чем какая-то там Америка. Догоним и перегоним... Не получилось.

Государство, прежде всего люди, стоявшие у руля корабля с непонятным названием «Демократия», не открыли нам один маленький секрет, что лишь большой труд и работа по самовоспитанию, поиск *своего* места на корабле позволяет войти в манящие воды нового общества, которые на деле оказались не такими уж теплыми и приятными. И сегодня со стороны государства мало что делается для формирования в нас культуры уважения к себе, своей стране, своим правам и свободам. Но, как корабль ни назови, он плывет, вот и мы плывем куда-то, а куда — никто не знает. И назад поворачивать не хочется, и вперед идти страшно.

Наконец, мне бы хотелось затронуть проблему средств массовой информации. Как реклама — двигатель торговли, так и СМИ являются катализатором развития демократии и гражданского общества в государстве, провозгласившем человека главной ценностью. Российские же СМИ, увлеченные плюрализмом, часто забывают, что демократический контекст подразумевает не только развлечение людей, но и оказание им помощи в постижении того, что на самом деле происходит в стране.

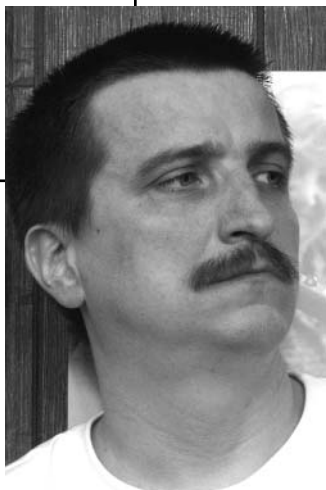
*Александр Радевич,
председатель совета городской общественной организации
«Центр социальных и образовательных инициатив»
(Ижевск)*

Дефицит гражданских знаний и практик, мировоззренческая неразбериха, предубеждения и стереотипы имперского прошлого — этого много в России. Все больше убеждаешься в важности гражданского просвещения общества. Семинары Школы — образец такого просвещения, своеобразная площадка современной критической мысли, основанная на ценностях правового демократического содержания, толерантного отношения и эволюционного понимания сути общественно-политических явлений. При разных точках зрения экспертов в оценке экономических, общественных, политических составляющих настоящего и будущего России, Европы и США восхищает их открытый и аргументированный взгляд, а не борьба за лидерство и монопо-

лизм в понимании сути любых проблем. Культуры и история многолики и специфичны, но есть нечто общее: граждане различных государств хотят жить в свободном и справедливом мире, жить по закону и общим моральным правилам человеческого общежития. Ценность прав человека, гражданская ответственность и солидарность — основа жизни в глобальном мире. И это стержень прошедшего семинара.

Федеральный семинар — гармоничное событие, которое невозможно описать фрагментарно, члени на части — эксперты, слушатели, организаторы и т.д. Все очень целостно. Это своеобразный путь, который пройден вместе, путь осмысления, развития, интеллектуальной уникальности, нахождения общих смыслов и ценностей. Путь, который способствует появлению современных граждан, а значит, и современного государства.

Глеб Тюрин,
президент межрегионального
Фонда развития местных
сообществ «Инициатива»
(Архангельск)

Зачем нам гражданское общество и что нам с ним делать?

Гражданское общество – это наша новая священная корова, которую иногда можно немножко подоить. А что с ней еще можно делать?

Из прессы

Версий много, единства нет

Что такое гражданское общество (ГО)? Почему оно необходимо? Каким образом (за счет чего) оно может развиваться?

Ответы на эти вопросы порой различаются настолько, что складывается впечатление, будто речь идет об абсолютно разных, если не взаимно исключающих явлениях.

Есть, например, такое понимание: гражданское общество – это объединение нации вокруг своего политического лидера. Премьер-министр М. Фрадков: «...Это такая система управления страной, где, начиная от президента, министров, губернаторов и мэров, все сведено в единую четкую систему, в которой все управляется»*.

Еще одна версия: *вся нация в ее политических связях* (Г. Павловский). Недавно мне довелось слышать еще одну вариацию на эту тему: гражданского общества больше всего было при Иосифе Виссарионовиче, тогда общество было единым и все гордились тем, что они граждане великой державы.

Среди *самых гражданских организаций* сегодня наиболее распространенным пониманием природы и задач ГО является его предназначение *как противовеса и оппозиции государству*. То есть гражданское общество – это независимые от власти общественные структуры, созданные гражданами снизу для защиты своих прав и свобод. Их сотрудничество с властью не исключается, и все же основная задача ГО – противостояние государству, осуществление гражданского контроля над могущественной и настроенной против общества бюрократией.

С гражданским обществом широко связываются и идеи благотворительности, что является своеобразным развитием моделей религиозной добродетели.

Благотворительность сегодня самая востребованная форма гражданской активности. Но филантропическое понимание гражданских инициатив по сути не разработано. Часто это формулируется так: «А чего мудрствовать? Надо делать добрые дела!»

* «Новая газета», 4 ноября, № 82, 2004.

Противостояние как звезда программы?

Словом, сплошной плюрализм мнений и пониманий. Единой, объединившей бы всех концепции нет. То, о чем чаще всего говорят или пишут представители общественных организаций, сводится по-прежнему к формуле противостояния и противостояния общества власти, государству. И это естественно, так как государство в России всегда тяготело к авторитарности, а интеллигенция всегда была «против». Не говоря уже о правозащитниках с их яркой сорокалетней историей и традициями.

Но мне кажется очень непростым вопрос о том, насколько продуктивна в наши дни эта формула в качестве центральной идеи.

Разумеется, противодействие необходимо. Есть масса вещей, которым мы, конечно, должны сопротивляться. И гражданский контроль необходим. Но разве это все, что должно делать гражданское общество? По-моему, главным должно быть продвижение новых ценностей, создание новых отношений, новых связей. Или, иначе говоря, продуктивная работа, которая не обязательно требует противостояния. Даниил Дондурей замечательно сформулировал: негативное, всегда враждебное отношение к власти является одним из «рудиментов феодального сознания... и приводит к тому, что целый ряд феодальных принципов устройства жизни консервируется»*.

Если общество будет по-прежнему видеть свою задачу лишь в том, чтобы противостоять власти, оно не сможет развиваться. Не найдет ресурсов. И не только потому, что этого не допустит сама власть, то есть не позволит расти силам, направленным против нее.

Проблемы-то наши не столько в том, каково государство, а в том, каково наше общество. Большинство наших сограждан не считает права серьезной ценностью, не знает своих прав и не умеет ими пользоваться. Они за просто готовы ими поступиться. Ведь всегда легче верить в доброго и справедливого царя. Авторитарность коренится в первую очередь в сознании миллионов людей. Поэтому надо развивать граждан, общество, это самое главное.

Вопросы роста и развития: «Приходите завтра»?

Растет ли сейчас гражданское общество? Вопрос непростой, поскольку не совсем ясно, какими критериями пользоваться для оценки, какими мерилками мерить. Можно ли основываться в данном случае, скажем, на статистике только числа зарегистрированных некоммерческих организаций (НКО)? Когда вроде бы наблюдается их некоторый рост (и количественный, и качественный), но одновременно кто-то уходит в бизнес, кто-то уезжает, кто-то просто разочаровывается. А. Аузан приводит такие цифры: в 1997 году по подсчетам Института экономики города два процента валового продукта страны создавал некоммерческий сектор. В 2003 году только один процент**.

Как будет развиваться гражданское общество дальше? Мне лично кажется весьма сомнительным тезис о возможности его независимого существования

* Д. Дондурей. Проблема самоцензуры. // *Общая тетрадь*. – М., 2005, № 1 (32). – С. 12.

** См.: А. Аузан. *Экономические основания гражданских институтов*. – www.polit.ru

и роста, если учесть, что во многом он был обусловлен в последнее десятилетие поддержкой западных фондов. Возможно и останутся организации, которые будут существовать исключительно на основе добровольчества, но культура добровольчества в России очень слаба, да и работа с добровольцами также требует наличия средств.

Думается, что «само по себе», произвольно гражданское общество расти не может. Сами собой растут сорняки. Гражданское общество — это цветущий сад, это культура. За садом надо ухаживать. Любая культура требует усилий, а это значит, что необходимы средства на эту работу. Но самое главное, необходимо понимание, зачем эта работа нужна, есть ли спрос на нее?

Таким образом, встает очень непростая проблема спроса. Насколько востребовано гражданское общество?

Востребовано ли оно *народом*? Судя по всему, пока нет. Наш народ в основной своей массе с гражданским обществом даже не знаком. Исследования исследовательской группы Циркон по заказу «Форума доноров» в 40 регионах России осенью 2004 года показали, что большинство опрошенных ничего не знает о деятельности НКО в своем регионе. Лишь три процента наших граждан ответили на вопрос, что такое НКО*.

А как насчет *власти*? Власть про гражданское общество знает, говорит о нем, даже место ему подыскивает в особых палатах. Но часть власти оно явно пугает и она хотела бы держать его в слегка придушенном состоянии, хотя и есть люди, осознающие, что это полезный институт, и сотрудничающие с ним. Их становится больше, особенно в регионах, в глубинке, но в целом ресурс гражданского общества властью не востребован.

Бизнес. Здесь тоже не весело, хотя и есть исключения. Большая же часть бизнес-сообщества воспринимает гражданское общество на уровне разговоров. Ах, надо кого-то защищать? Гражданская ответственность, говорите? По-человечески это понятно и даже похвально. Но вы уж там сами, ребята, разберитесь. Нам надо заниматься делами. Вот если бы вы могли что-то реальное. Короче, приходите завтра.

Но что будет завтра, если ничего кардинально не изменится? Пройдя за последние годы немалый путь, ГО остается *вещью в себе*, по-настоящему не востребованной. Оно не стало частью реальной жизни в такой степени, чтобы это увидели и почувствовали на себе все.

Производительная сила и отрасль модернизации страны

О модернизации. Представляется, что сегодня нужен совершенно иной подход. У нас нет сейчас задачи важнее модернизации. Мир сегодня — это глобальный рынок, но мы на этом рынке фактически полностью неконкурентоспособны! И мы или изменим ситуацию, или у нас самые невеселые перспективы на будущее. Вопрос о модернизации — это по сути вопрос выживания страны.

Что такое модернизация? Если коротко, это действия, направленные на рост производительных сил общества — не только количественный, но и качественный. Это сокращение издержек (советник Президента РФ Андрей Иллари-

* См.: *Отношение населения к деятельности некоммерческих организаций в России*. — М. 2004. — www.zircop.ru

Брюс Науман. Музыкальный стул. 1983

онов: «сокращение издержек — наша основная задача и базовый принцип»). Это преодоление затратности, переход от накопления средств к их инвестированию. Тогда при чем здесь гражданское общество?

Весь мировой опыт XX века говорит о том, что развитие экономики определяется в значительной степени неэкономическими факторами. Это доказали видные западные экономисты и социологи (Эрнандо де Сота, Роберт Патнэм, нобелевские лауреаты Дуглас Норт, Рональд Коуз). Речь идет о ценностных установках, договоренностях, коллективной идентичности, создающих те «электромагнитные поля» в обществе, благодаря которым и достигается его развитие.

Эту позицию разделяют и российские экономисты, которых трудно заподозрить в пренебрежении экономическими факторами. Например, Евгений Ясин или Игорь Юргенс, который сказал на одном из семинаров Московской школы политических исследований: «Все, что происходит в нашей стране, зависит, разумеется, не от злой воли какого-то человека или клана, а от отсутствия прежде всего демократических традиций... из-за слабости гражданского общества и цивилизационного импульса».

Важно понять: национальная модернизация не может быть осуществлена на основе чисто экономического проекта.

О государстве и бизнесе. Многим этот подход покажется неубедительным. Мол, все это ерунда! Есть две реальные силы: власть и бизнес. В конечном итоге все будут решать именно они.

Но так ли это? Не является ли эта парадигма очередной иллюзией или мифом, учитывая, что до этого у нас безраздельно господствовал миф о том, что *все может и должно государство*. Только государство и ничего, кроме государства! А в начале девяностых возник новый миф, что *все может и должен бизнес*. Дескать, рынок все расставит по своим местам. Либерализм и еще раз либерализм! И бизнес на самом деле многое «расставил», после чего власть разводит руками: «Не можем же мы на каждом углу поставить по милиционеру!» Потому что те инструменты, которые находятся в ее распоряжении, чаще всего не работают.

Власть всегда решает свои задачи, опираясь на упорядоченные, формализованные процедуры, методом *регулирования и принуждения*, когда она может принять некое решение и спустить его «вниз». Остается лишь понять, на какие средства и кто это будет делать? На специально выделенные из бюджета, нанятые подрядчики? Магическое слово здесь — «дотации». Но ведь внутри административной системы все определяется соответствующими правилами и тарифами, которые сама система и разрабатывает. Поэтому у подрядчиков обычно нет особого стимула снижать издержки. (Глава Минэкономразвития Герман Греф совершенно справедливо замечает, что власти вообще сложно быть инвестором.)

При таком подходе чрезмерные издержки неизбежны. И чем сложнее проблемы, тем выше издержки. А в сочетании с тем, что бюджетных средств у нас хронически не хватает, это приводит к тому, что многие проблемы вообще не решаются. Есть такая аксиома: административного ресурса недостаточно для решения общественных проблем. Нигде и никогда, не только у нас.

А бизнес? Работать с тем, что не сулит хорошей прибыли, терять в конкурентоспособности? Конечно, бизнес может из своих доходов выделить какую-то часть на то, чтобы решались социальные проблемы. Но опять же встает вопрос, кто это будет делать: те же чиновники, которые не преминут этим воспользоваться? Сам бизнес? Но ему некогда этим заниматься, ему надо зарабатывать деньги.

Что могут власть и бизнес сделать с беспризорностью, преступностью, наркоманией и множеством прочих острейших социальных проблем, стоящих перед страной? Конечно, они что-то могут. Но почему-то у нас растет количество наркоманов и по-прежнему огромное число беспризорных.

Гражданское общество как производительная сила. Итак, существующие проблемы — это проблемы общества.

Гражданское общество рождается там, где появляется объединенная, структурированная часть общества, готовая думать, решать и делать. *Это автономные от власти и бизнеса общественные организации, созданные на добровольной основе для решения проблем, защиты своих интересов и производства социальных благ и услуг.* Это тоже экономика, тоже предпринимательство, но только особое, по-особому организованное, поскольку оно ориентировано на решение общественных задач, которые не сулят прибыли. Но которые важно решить. Как экономическая модель имеет ряд отличительных свойств, которые позволяют ему быть эффективным.

Например, нечто подобное было за несколько лет «раскручено» возглавляемой мною организацией в Архангельской области, когда в десятках разрушенных северных сел удалось создать группы развития и они стали решать очень сложные

проблемы своих территорий, связанные с водоснабжением, строительством мостов и переправ, переносом и строительством домов, с поддержанием медпунктов, клубов и т. д.*. Было реализовано около 60 сельских проектов, которые при вложении чуть более полутора миллионов рублей дали экономический эффект почти в 30 миллионов рублей! Если можно было такое сделать в суровых условиях северной глуши и бездорожья, то, я уверен, это можно делать где угодно.

Люди, вовлеченные в эти проекты, перестали быть агрессивными и завистливыми. Они (о чудо!) хорошо относятся к власти, потому что получили опыт сотрудничества с ней.

Местная власть выиграла от такого развития. Но ведь это придает устойчивость системе власти в целом и экономическим реформам в стране.

Гражданские объединения – это своеобразная национальная вакцина против затратности.

Социальный капитал. Социальный капитал – это система ценностей и отношений, которая позволяет стимулировать развитие, включая дополнительные, не материальные и не принудительные, стимулы. Это то самое загадочное явление, когда у людей появляется энтузиазм, желание проявлять инициативу, думать. В его основе доверие, защищенность прав, умение договариваться, самодостаточность (осознание своих интересов и целей).

Это позволяет капитализировать главный ресурс национального развития – человеческий, без которого все прочие ресурсы капитализировать очень сложно.

Коллективная энергия не увеличивается принуждением, а после определенного порога почти не зависит и от материального стимулирования. Зато она может многократно вырасти в группах, возникших в результате сложения интересов и целей. Но для этого требуется умение договариваться.

Прагматичные американцы давно исследуют этот феномен, считая, что именно в этом корень экономического роста. «Япония, Германия, США стали ведущими мировыми промышленными державами во многом благодаря тому, что эти страны имели в достаточном количестве социальный капитал и естественную способность к общественному поведению»**.

Производя социальный капитал, гражданское общество создает условия не только для решения острых социальных проблем, но и закладывает фундамент для производства национального богатства как такового, для становления и роста эффективного бизнеса.

Инновационность. Новые технологии. Еще одной отличительной чертой ГО является использование им инновационных подходов и новых технологий.

Простой пример: несмотря на скромные материальные возможности уровень освоения гражданскими организациями Интернета и электронной почты в несколько раз выше, чем в государственных и муниципальных учреждениях. Это легко объяснить: инновационность – один из тех ресурсов, который как раз и позволяет им, опираясь на коллективный поиск, искать нестандартные решения общественных задач. Умение работать с идеями также одна из типологических характеристик гражданского сектора. Я имею в виду при этом социально-психологические техники, адаптированные для работы с разными группами людей: технологии обучения взрослых, гражданские образовательные программы и т.д.

* См.: «Общая тетрадь». – М., 2004, № 4 (31). – С. 88–92.

** Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – С. 146.

Инвестиционное использование ресурсов. ГО как экономическая модель открывает нестандартную возможность использования инвестиционных ресурсов. Многие НКО сегодня, получая даже крошечные средства, соединяют это с добровольным участием, энергией, новыми идеями, своими, порой также небольшими, средствами и в итоге добиваются успехов.

Это может показаться малозначительным. Но как важно, как здорово, что и эти «незначительные» ресурсы включаются в процесс воспроизводства общественных благ. Если эта работа получит широкое распространение, суммарный результат может оказаться значительным.

Вызовы и перспективы гражданской модернизации

Против нищеты и безысходности. Сегодня принципиально важно говорить о модернизации всего общества.

То, что возможности НКО до сих пор не востребованы, это не только ошибка, это таит в себе значительную угрозу для всех нас, ибо альтернативы гражданскому обществу в данном случае не существует. Без него ни власть, ни бизнес не смогут развиваться и развивать страну, не смогут найти достойные ответы на такие грозные вызовы, как противоречие

— между склонностью к патернализму большинства населения и либеральными реформами;

— между необходимостью сокращения издержек и ростом числа общественных проблем, их нерешенностью (то есть генерированием новых издержек);

— между ростом богатства и желанием значительной части населения их просто перераспределить.

Патернализм. Это чудовищный вызов. Миллионы людей, сталкиваясь с проблемами, продолжают ждать, как и в советские времена, лишь помощи «сверху». Они считают, что им «должны» и не понимают, что может зависеть от них. Их причили к этому. Как развивать страну, где большая часть населения находится на содержании у государства? Преодоление патернализма — одна из главных задач. Она объективно стоит и перед властью, но попытки решать ее принудительно «сверху» приводят лишь к взрыву напряженности и дополнительным огромным издержкам.

Социальная несправедливость и кризис идентичности. Еще один из вызовов — утрата миллионами людей ориентиров в жизни, своей идентичности, удручающее углубление пропасти между уровнями доходов богатых и бедных (а таких подавляющее большинство), социальное унижение последних. Им сложно понять, почему исчезло доверие, почему ничего не стоят их труд и человеческая жизнь.

Чувство несправедливости — главная причина массовой ненависти к богатым (пока глухой и скрытой); большая часть россиян уже готова горячо поддерживать перераспределение собственности, изъятие «неправедно нажитых состояний». А это значит, что владелец любого (даже не очень большого) состояния в принципе не может чувствовать себя в безопасности и в один прекрасный день может лишиться всего.

Любой российский предприниматель должен понимать, что без решения названных проблем нормальное развитие бизнеса в стране невозможно.

Особая отрасль модернизации. Встает традиционный вопрос: что с этим делать? Что делать с патернализмом? Можно, конечно, снова все отнять у богатых. Можно продолжать платить нищенские пособия.

Луиза Буржуа. Слепой, ведущий слепого. 1947–49

А можно, наконец, понять, что существующие проблемы в состоянии решать и гражданское общество.

Можно (и нужно, прежде всего власти) содействовать становлению гражданских организаций, которые будут работать с людьми и вовлекать их в решение местных проблем, в становление местных сообществ, развитие различных инициативных групп, клубов по интересам, кооперативов, кредитных товариществ, органов территориального самоуправления и всяких иных форм объединения.

То есть тем самым создавать условия, чтобы люди смогли подняться, поверить в себя, были способны находить единомышленников, смогли учиться проявлять инициативу. Чтобы их инициативы вырастали в дела, чтобы дела заканчивались успехом и на основе этих успехов возникали новые дела. Чтобы люди научились решать свои проблемы, чтобы они думали о развитии, о перспективах, о возможностях. Чтобы учились видеть и использовать местные ресурсы, чтобы сами захотели вырваться из бедности и беспросветности и стали жить достойнее, создав тем самым большую устойчивость нашей страны. То есть особенно важно, чтобы это было результатом их собственного труда, собственных усилий, их веры в себя.

Знаю, многим это покажется чем-то невысказанным, фантастическим. Но ведь этот жизненный опыт имеет место в России. Это существует на практике!

Следует наконец понять, что нужно учить общество развитию. Нужно учить людей решать свои проблемы. Это надо продвигать. Только будучи запущенными, процессы развития постепенно наберут силу, будут расширяться, поднимать самодостаточность и успешность наших территорий. Это и есть модернизация.

Гражданское общество не может развиваться без социального партнерства, без определенной поддержки. И поскольку это важно, должен появиться треугольник отношений «власть — бизнес — гражданские организации», построенный на взаимном усилении, на сложении разных ресурсов, разных видов деятельности, разных методов решения проблем.

Подчеркну, очень важна при этом активная партнерская роль не только власти, но и бизнеса. Если бизнес по каким-то причинам в этом участвовать не будет, то ничего не получится. Я был рад услышать слова Л.П. Мишустинной, референта Президента РФ на одном из семинаров Школы: «Существование гражданского общества без помощи бизнеса трудно себе представить».

Вызовы и задачи

Но будем честными: пока ни бизнес, ни власть по большому счету не поверили в созидательные возможности гражданского сектора.

Сошлюсь в этой связи на характеристику состояния умов нашей элиты Е. Гонтмахером при обсуждении нового закона о местном самоуправлении: «Все говорят красивые слова о демократии, но испытывают глубочайшее разочарование в собственном народе, я бы даже сказал — усталость в собственном народе. Делаем реформы экономические, социальные, а народ не откликается. Здесь есть развилка. Давайте подумаем, может быть, наша политическая элита в чем-то виновата, не поняла, в какой стране живет, какие ценности тут доминируют. Может быть и другой поворот: не получилось на данном этапе, давайте спустим народу решение сверху, раз он такой непонятливый, не умеет жить по демократическим нормам»*.

Осознавая всю сложность стоящих перед ними задач, гражданским организациям надо показать свою значимость. Надо двигаться, выстраивая партнерство и пытаясь находить понимание. Нужно создавать и продвигать в обществе взаимовыгодные модели взаимодействия. Формулировать и нести обществу те послания, те предложения, которые позволят привлекать на его сторону силы и ресурсы. У гражданского общества есть что сказать, есть что предложить.

Необходимо преодолевать собственную разобщенность и внутреннюю слабость различных ассоциаций, объединений, сетей. Нужно развивать и продвигать концепцию гражданского общества как важнейшей производительной силы общества, выстраивать его как отрасль, нацеленную на модернизацию страны. Как открытую систему, способную транслировать опыт из региона в регион. Нужно создавать стандарты собственной деятельности, учиться понимать интересы бизнеса, говорить с ним на понятном ему языке, показывая реальную значимость и экономическую целесообразность своей работы. Нужно выстраивать диалог с властью, нацеленный на модернизацию, помогать представителям власти на разных уровнях создавать успешные истории развития на их территориях, распространять информацию. Надо научиться ставить задачи в практической плоскости: что и как можно сделать, чтобы, например, снизить затраты бюджета на столько-то процентов, увеличив количество решенных проблем. Нужно искать формы объединения трех сил — власти, бизнеса и гражданских организаций.

Так что давайте предлагать, давайте делать!

* Семинар «Проблемы и перспективы местного самоуправления в России: независимая экспертиза и реформы. — См.: www/liberal.ru

Просвещение: вчера и сегодня

«Если задаться вопросом, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения», – таков был вердикт Канта, сформулированный им чуть более 220 лет назад*.

Для Канта было очевидно, что начавшаяся в его время социальная и культурная трансформация европейской цивилизации означала принципиально новый этап «взросления» человека через просвещение. При этом он фактически полностью исключил из своих рассуждений о просвещении измерение *завтра*, сосредоточившись на времени *сегодня*. Последнее его интересовало именно своим *происходящим*, а не будущей его завершенностью. Волновал вопрос, как «сегодняшнее» соотносится со «вчерашним», поскольку Просвещение, согласно его мысли, было исходом человечества из прошлого состояния, которое он определил как состояние несовершеннолетия: «неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то»**.

Далеко ли человечество продвинулось за прошедшие два столетия по выверенному Кантом курсу?

Вопрос этот, конечно же, некорректный, если учесть, что научение пользоваться собственным умом в нашей цивилизации никак и ничем не может быть ограничено. Социальная и культурная ломка, которая постоянно сопровождает человечество в новую и новейшую историю, собственно, и провоцирует *постоянство просвещения* в кантовском смысле. Общество, политика, практики повседневного взаимодействия, образование и воспитание, культурное производство и искусство – все это, как и многое другое, выступает в западной цивилизации производными перманентного процесса выхода человека из состояния несовершеннолетия (разумеется, весьма различного по социальному и культурному типу).

Очевидно, что процесс просвещения в разные исторические моменты обладает разной природой и люди прибегают к различным техникам обретения искомого качества «совершеннолетия», прежде всего через всевозможные образовательные и воспитательные практики. Все они

Александр Согомонов,
академический директор
Центра социологического
образования Института
социологии РАН

* И. Кант. *Ответ на вопрос: что такое Просвещение?* // *Сочинения*. Т. 6. – М.: «Мысль», 1966. – С. 33.

** Там же. – С. 24.

ориентированы на аутентичное понимание времени и опираются на актуальные для своего времени установки и ценности (при сохранении фундаментальной приверженности к универсальным смыслам морали). Словом, *в постоянстве просвещения мы различаем разные времена и меняющуюся этику.*

Но я хочу подчеркнуть, что наше время – особенное в силу невиданной скорости и масштаба социальных и культурных изменений. Выход из состояния несовершеннолетия осложняется сегодня хроническим *отставанием Человека от Времени.*

То есть, иначе говоря, само время начинает означать все меньше в постсовременной цивилизации. Оно уже не подчиняется человеку, его «кварцевый ход» трудно вообразить и метафорически описать. В этом времени нет ни бывшего различия рабочего времени от досугового, ни многих других антропологических форм хронометрии.

Hi-tech-время глобальной эпохи необратимо отчуждено от «биологических часов» человека и автономно от социального времени. В социальной организации жизни старые временные стереотипы постепенно стираются. Становится все сложнее определить временные границы между поколениями. Все более условными, а порой и бессмысленными становятся временные границы в образовании, спорте, культуре и т.д. Растет число тех, кто трудится «неполный» рабочий день, кто предпочитает гибкие графики занятости. Короче говоря, социальное время индивидуализируется.

Постсовременное общество перестает жить по единым социальным часам, в нем исчезает то, что для прошлых эпох было, пожалуй, самым существенным, – солидаристское понимание исторического времени, направленного в будущее (идея соци-

ального прогресса). Историческое время нашим современником радикально пересматривается, причем настолько, что он вообще перестает воспринимать социальное время как прогрессирующее, движущееся вперед, и, следовательно, отказывает ему в этой важнейшей – для уходящего проекта – сущности*.

Разрушение времени деструктивно морально и психологически. Не замечать и не верить во время означает утрату некоего бывшего культурного свойства человека – его желания быть в ногу со временем, сравнивать себя вчерашнего с собой сегодняшним, то есть жить и действовать в кантовской логике просвещения, а не консервировать в себе состояние несовершеннолетия.

«Леность и трусость – вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (*naturaliter maiorenes*), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним!»**

Итак, Кант утверждает, что неумение опираться на собственный разум – продукт лени и/или трусости. Вполне возможно. Но только в том смысле, насколько использование собственного разума предполагает волевое усилие человека, но отнюдь не в смысле отказа от культуры, как, создается впечатление, мог бы полагать Кант.

«Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т.п., то мне нечего и утруждать себя. Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие»***. Не прав-

* В одной из своих книг немецкие социологи У. Бек и Э. Бек-Гернсхайм пишут: «Все, к чему бы вы ни обратились, – Бог, природа, истина, наука, технология, мораль, любовь, семья, – все трансформируется в рискованно свободные сущности» (*Risikante Freiheiten. Zur Individualisierung der Lebensformen in der Moderne.* – Frankfurt am Main: Campus, 1994. – P.11). То есть в гипериндивидуализированном мире историческое время естественным образом элиминируется.

** И. Кант. Ук. соч. – С. 27.

*** Там же. С. 27.

да ли, в этом пассаже Кант выступает в амплуа древнегреческого софиста, скептически настроенного к любым проявлениям обыденного опыта, пестующего мудрость в ее универсальном или исключительно индивидуализированном значении.

Но ведь именно включенность человека в контекст культурного опыта (или невключенность в него) способствует (или, соответственно, мешает) преодолению им своего состояния несовершеннолетия.

Стать таким как все или сохранить в себе исконную от рождения особенность — в чем же все-таки смысл научения пользоваться собственным рассудком? *Сглаживание особенностей* — такова суть образования, заявил в начале XIX века Гегель, развивая идею просвещения*. Образование, истолкованное как освобождение, есть «тяжкий труд»**, направленный на преодоление чистой субъективности человеческого поведения, суетности чувств и произвола желаний. Природная простота, непосредственность и единичность — таковы качества *непросвещенного сознания*, преодолеваемые прежде всего через образование — включенностью в некий универсальный опыт.

Между тем идейные «шоры» свободной социальной и культурной субъектности современного человека вовсе не свидетельствуют об отсутствии у него смелости пользоваться собственным рассудком. Вне универсальных смыслов невозможно ни современное общество, ни его институцио-

нальное наполнение. Жить «под опекой» идей — не легко и не просто, а *естественно*, в смысле истинного для-себя-бытия сообразно современной природе вещей. С этой точки зрения трудно согласиться с просвещенческим морализаторством относитель-

Неумение опираться на собственный разум — продукт лени и/или трусости

(И. Кант)

но лени и трусости как главных барьеров в преодолении человеком состояния своего несовершеннолетия.

Впрочем, Кант и не мог рассуждать по-другому, поскольку в его опыте присутствовала просвещенческая *модель образования*, которую в наши дни, после двухсотлетней истории, можно назвать «первичным» образованием.

Несовершеннолетний разум в этой модели — *tabula rasa* — реципиент систематического образовательного (а параллельно и воспитательного) воздействия. Знание и навыки — универсальны и дробны. И именно благодаря этому постепенно сглаживались особенности необразованного (невоспитанного) человека как такового и формировалась «совершеннолетняя» всеобщность, апеллирующая к культуре и умело пользующаяся собственным рассудком.

Польза, истина, прогресс, рациональность, солидарность и прочие идеи (не-

* «Образованными можно в первую очередь считать тех людей, которые способны делать все то, что делают другие, не подчеркивая свою частность, тогда как у людей необразованных бросается в глаза именно эта частность, поскольку их поведение не следует всеобщим свойствам вещей. В своих отношениях с другими людьми необразованный человек легко может их обидеть, так как он действует по своему побуждению, не предаваясь рефлексированию о чувствах других. Он не хочет задевать других, но его поведение не согласуется с его волей. Следовательно, образование есть сглаживание особенности, необходимое для того, чтобы она вела себя согласно природе вещей. Истинная оригинальность, создавая предмет, требует истинного образования, тогда как неподлинная принимает форму тех безвкусовых проявлений, которые приходят в голову лишь необразованным людям». (Г.В.Ф. Гегель. *Философия права*. — М.: «Мысль», 1990. — С. 233.)

** «То обстоятельство, что освобождение представляет собой этот тяжкий труд, и является отчасти причиной того нерасположения, с которым к нему относятся» (Гегель. *Ук. соч.* — С. 232.)

Макс Эрнст. Из книги «Неделя доброты». Вторник. 1934

редко именуемые метанарративами) составляли жизненную рамку обретшего совершеннолетия современного человека. Именно таким образом он обретал в себе искомую просвещенную всеобщность. Так выстраивалось образование в западном ареале культуры в течение двухсот лет.

И совершенно естественно, что в рамках этой модели образования сформировались свои «правила игры» и свои ценности. Образование — свет. Знание — самоценно. Научение — тяжкий труд. Учитель для обучающегося почти святой. Его интеллектуальный статус и моральный авторитет неоспоримы. Совершеннолетие (понятое также и как нравственное освобождение) — результат длительного процесса освоения знаний; и чем фундаментальнее знания, тем ближе человек к состоянию современного «профессионала» (современность и есть исторический проект, сконструированный и «приватизированный» профессионалами).

В основе модели «первичного» образования лежало убеждение, что знание во всей его полноте пакуемо и передается от учителя к ученику, надо лишь грамотно и эффективно использовать все возможности стандартных образовательных практик и учреждений. И тогда на выходе мы получаем образованного человека*, поступающего сообразно кантовской логике повиновения**, то есть действующего, как сказал бы Гегель, «согласно природе вещей», а не в соответствии со своей волей. Ибо человек отныне просвещен универсальным знанием, воспитан сообразно известным моральным стандартам и главное «делает все то, что делают другие, не подчеркивая свою частность». Он обретает свою идентичность в

универсальности морального опыта, а значит, и просвещен не столько волей собственного разума, сколько в соответствии с идеями современности. И если ему порой удавалось выйти за пределы внешнего авторитета (книги, духовника, врача и т.п.), то

*«Мне нет надобности мыслить,
если я в состоянии платить;
этим скучным делом займутся
вместо меня другие».*

(И. Кант)

вряд ли он был способен одновременно легко освободиться от идейной зависимости. В противном случае он пренебрег бы коммуникативной природой современных институтов.

Однако времена меняются и на смену достаточно ограниченному набору моделей высшего и среднего образования приходит эпоха более свободного институционального формотворчества в образовании и воспитании. Да и само понятие «образование» уже не трактуется столь узко, как это было вначале.

Чуть более четверти века назад в Европе заговорили о «вторичном» образовании, истолкованном как *обучение самому процессу обучения*, и уж совсем недавно — о «третичном», задачи которого уже не являются исключительно образовательными, а скорее выступают в виде просвещенческого вспомоществования постсовременной личности в деле *освобождения* ею себя самой от ненужного бремени старого, консервативного знания, *историческое время которого исчерпано*.

«Вторичное» образование становится актуальным, когда среднее и высшее образова-

* В век Просвещения грань между «образованным» и «необразованным» человеком была предельно наглядной, прозрачной. О феномене «образованного» человека в истории языка см.: R. Williams. *Keywords. A vocabulary of culture and society*. — London: Fontana, 1976. — P. 111–112.

** Кантовская формула: «... публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям. Но частное пользование разумом нередко должно быть ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения». (См.: Ук. соч. — С. 29.)

ние окончательно утрачивает свою словесную природу и становится массовым явлением. А объем накопленных фундаментальных знаний в свою очередь приводит к тому, что его «пакуемость» оказывается сомнительной процедурой. Огненные образовательные инструменты уже невозможно сохранять в качестве педагогического ноу-хау, открытого лишь узкой касте учителей и воспитателей. Практики обучения (и самообучения) постепенно начали открываться тем, кто ранее выступал лишь реципиентом педагогического воздействия.

Обучение самому процессу обучения в определенном смысле можно назвать институциональной уступкой времени, поскольку профессиональная структура общества усложнилась и требует большей самостоятельности субъектов образовательного взаимодействия. Знание сегодня приращивается быстрее и масштабнее, чем его удается педагогически «упаковать и раздробить».

И тем не менее высвобождение самого «ученика» по-прежнему остается в старом пространстве «храма знаний» и при идеологическом контроле со стороны власти. Хотя само по себе высвобождение образовательного «духа» и привело к серьезным культурным, в том числе моральным, последствиям, укрепив автономию личности.

Метаморфозы нашего времени, ускорение процесса производства знаний, бесконечная череда всяческих модернизаций, возникновение «информационного общества» — все это способствует формированию модели «третичного» образования. Сегодняшний профессионал нуждается и в формально-институциональном, то есть школьно-университетском, и одновременно в гораздо менее формализованном, но *постоянно* образовании, выходящем в публичное пространство без участия прошлых «учрежденческих» форм*.

Во многом новизну этих условий создает ускорившийся технический прогресс. «По-

стоянная и непрерывная технологическая революция превращает обретенные знания и усвоенные привычки из блага в обузу и быстро сокращает срок жизни полезных навыков, которые нередко теряют свою применимость и полезность за более короткий срок, нежели тот, что требуется на их усвоение и подтверждение университетским дипломом**». С этим утверждением Зигмунта Баумана трудно не согласиться, тем более что мы все отчетливее различаем в сфере профессионального образования успешный рост всяческих «краткосрочных переподготовок» (зачастую проводимых без отрыва от работы), которые становятся более привлекательными, чем длительный и тернистый путь, к примеру, университетского цикла. И поскольку запрос на профессиональные навыки постоянно меняется, то понятно, почему *систематическое обучение* превращается сегодня из привилегии скорее в обузу. А это значит, что сегодняшнему профессионалу необходимо не только поспевать за скоростью информационных перемен, но и успевать меняться самому как индивиду.

Гибкая, просвещенная личность сегодня нуждается в большей эмансипации от «шор» современности (хотя полностью освободиться от них ей вряд ли удастся). В ней проявляется воля к опоре на собственный разум и к большей независимости от внешних авторитетов, чем даже в эпоху Просвещения. И поскольку подобная культурная и моральная эмансипация также нуждается во вспомоществовании извне, параллельно с традиционными педагогическими учреждениями отнюдь не случайно стали появляться в России *инновационные образовательные площадки*.

При этом показательно, что все это реализуется, как правило, малыми ресурсами в «узком пространстве» семинаров, круглых столов, летних и зимних школ, дискуссионных клубов и т.п. То есть образовательный «импульс» в этой модели образования пере-

* Подробнее о проблемах современной трансформации образования см.: З. Бауман. *Индивидуализированное общество*. — Москва: «Логос», 2002. — Гл. 10.

** Бауман З. *Ук. Соч. С. 165.*

мещается из формальных институций в «третий сектор» — сферу гражданских инициатив. Там меньше внешнего контроля и педагогического диктата. Эти площадки практически вышли за пределы круга государственной политики и институционального надзора. Хотя финансируются они нерегулярно, на средства частных благотворительных фондов.

В определенном смысле эти инновационные практики уже не являются образовательными. Преследуя цель раскрепощения человеческого сознания и помогая ему избавиться от устаревшего знания и стереотипов, площадки «третичного» образования превращаются в своего рода плацдарм публичного пространства.

В них поистине идет массовый процесс просвещения в кантовском смысле понятия. Власть же и другие субъекты общества могут вступать с ними в партнерские отношения.

Эти площадки вновь возвращают нас в век Просвещения, создавая условия и открывая возможность для реализации кантовской просвещенческой утопии публичного пользования собственным разумом в его парадоксальном сочетании с принципами и нормами гражданской морали.

«Только тот, кто, будучи сам просвещенным, не боится собственной тени, но вместе с тем содержит хорошо дисциплинированную и многочисленную армию для охраны общественного спокойствия, может сказать то, на что не отважится республика: *рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!* Так проявляется здесь странный, неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще они кажутся парадоксальными, когда их рассматривают в целом. Большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед

свободой духа народа... И так как природа открыла под этой твердой оболочкой <свободы духа народа> зародыш, о котором она сама нежным образом заботится, а именно склонность и призвание к свободе

Профессионалу необходимо не только попевать за скоростью информационных перемен, но и успевать меняться самому как индивиду

де мысли, то этот зародыш сам воздействует на образ чувствования народа (благодаря чему народ становится постепенно более способным к *свободе действий*) и наконец даже на принципы *правления*, считающего для самого себя полезным обращаться с человеком, который есть *нечто большее, чем машина*, сообразно его достоинству»*.

Так лишь в начале XXI столетия проявились смыслы этического предвидения Фридриха Ницше, когда мы как будто бы и не искали, но все же *нашли самих себя в настоящем времени*. И начинаем понимать, что именно просвещение формирует в человеке целый комплекс установок — на свободный выбор, рефлексию настоящего, способ действий, «который разом отмечает нашу сопричастность текущему моменту и представляется как некое задание. Наверное, это несколько похоже на то, что греки называли словом *этос*»**.

Этическое начало в просвещении не только предопределяет содержание и последствия образовательных и воспитательных практик, но и участвует сегодня в институциональном формотворчестве постоянного просвещения вне его внешней заданности. То есть в смысле возвращения нас к кантовскому пониманию свободного разума.

* И. Кант. Ук. соч. — С. 34–35.

** М. Фуко. Что такое просвещение. // Фуко М. Интеллектуалы и власть. — Москва: Праксис, 2002. — С. 335–359. И далее: «Современность — не в том, что мы чувствуем убегающее настоящее, это — воля «геоинформировать» настоящее» (С. 345).

Враги свободы всегда недооценивают своих противников*

Мартин Вольф,
политический обозреватель газеты «Financial Times»

Я был в Хельсинки, когда водитель такси спросил меня, известно ли мне о взрывах в Лондоне? «Нет, — заволновавшись, ответил я, — а что произошло?» Услышав его рассказ, я тотчас попытался связаться с членами семьи. Два часа спустя, удостоверившись, что все домашние целы, я почувствовал облегчение, которого тут же устыдился, ибо понимал, что повезло в этот день далеко не всем. Событие, которого я давно ждал, в конце концов произошло.

Я лондонец. Этот город был мне домом почти всю мою жизнь, и другого дома я себе не желаю. Лондон — это сочетание деревни и мегаполиса. Это место, где появился театр Шекспира, это колыбель представительной демократии, это один из крупнейших коммерческих центров. Я люблю его за толерантность, многогранность и жизнелюбие. Лондон — воплощение космополитизма. Это город, бросивший вызов нацизму. Для приверженцев абсолютной истины во всех ее проявлениях мой город сделался символом всего, что им столь ненавистно.

Нам пока неизвестно, кто совершил преступления. Но если, как предполагает большинство, произошедшее — дело рук «воинов джихада», более того, наших местных, английских «воинов джихада», нет никаких сомнений, что мы вовлечены в длительный и острый конфликт. По крайней мере в одном отношении этот конфликт имеет сходство с «холодной войной»: это противостояние идей. Борьба идет между толерантностью и религиозной ненавистью, между свободой и деспотизмом, между открытым обществом Лондона и замкнутым обществом «Талибана».

Это война, которую мы не можем позволить себе проиграть. Но как ее выиграть?

Прежде всего, мы не должны отказываться от собственного политического курса под давлением терроризма. Испания отреагировала на теракты прошлого года, отправив правительство в отставку и выведя войска из Ирака, что стало для террористов заметной победой. Британцы не должны следовать этому примеру.

* Статья была опубликована в газете «Financial Times» 13 июля 2005 года.

Во-вторых, нам надо продолжать жить, а не прятаться по домам в страхе перед соседями. Мы должны жить, как жили, полагаясь на порядочность миллионов других людей, с которыми делим наш город.

В-третьих, необходимо свыкнуться с тем, что мы не защищены. Мы не в состоянии полностью оградить себя от всех грозящих нам опасностей. Этого можно было бы добиться, отказавшись от привычной жизни или даже от самого города. Что действительно необходимо, так это установить баланс между столь дорогой нам свободой и усиливающимися требованиями безопасности. Чем

...Необходимо установить баланс между столь дорогой нам свободой и усиливающимися требованиями безопасности

выше потенциальная угроза, тем большую осторожность необходимо проявлять. Но нельзя заходить слишком далеко. Сейчас никто не спорит с тем, что дополнительные меры безопасности необходимы при авиаперелетах. Но вот при посадке в автобус или поезд аналогичные процедуры явно будут неприемлемыми.

В-четвертых, мы должны сохранять верность принципам, которые составляют наше главное оружие в нынешней битве идей. Нам следует твердо придерживаться верховенства права. Отступить от этих убеждений – значит признаться в собственном лицемерии и таким образом отдать пропагандистскую победу нашим врагам. Тюрьма в Гуантанамо была бы исключительно полезна, если бы ее с умом использовали для восстановления подорванной веры в то, что США на деле руководствуются провозглашаемыми ими ценностями.

В-пятых, нам необходимо инвестировать средства в системы сбора данных и поддерживать взаимное сотрудничество, без которого подобное обобщение информации невозможно. Это особенно важно в пределах Европейского союза. Свободу передвижения – важное достижение ЕС – можно сочетать с достаточным уровнем безопасности только при активном взаимодействии государств-членов. Одновременно необходимо предпринять энергичные усилия для повышения способности европейских стран контролировать деятельность потенциально опасных лиц на собственной территории.

В-шестых, мы должны быть безжалостны к людям, занимающимся подстрекательством к насилию или подготовкой молодых людей к совершению террористических актов. В случае необходимости виновные должны подвергаться депортации или тюремному заключению. Для обеспечения этого следует наладить систему мониторинга религиозных выступлений и проповедей, принимая немедленные меры против тех проповедников, которые славят терроризм. Недопустимо, чтобы религия стала прикрытием для пропаганды терроризма.

В-седьмых, мы должны сблизиться с мусульманами, живущими бок о бок с нами. Как написал в «Financial Times» Мансур Айджаз, умеренные мусульмане Запада должны противостоять злокачественным метастазам джихада, поразившим их религию. Мы подвергаемся атакам террористов, которые

якобы действуют во имя ислама. Только другие мусульмане способны опровергнуть эти заявления. Мирные взаимоотношения между нашими общинами будут зависеть от готовности мусульман бросить вызов своим единоверцам-врагам.

Наконец, мы должны признать, что главная борьба будет окончена только после того, как исламская цивилизация примирится с современностью. Из четы-

...Не стоит обманывать себя, полагая, что решение этой проблемы может ограничиваться только проведением военных операций

рех великих цивилизаций Евразии – европейской, китайской, индийской и исламской – именно для последней оказалось труднее всего принять изменения, привносимые и отстаиваемые первой. Китай и Индия

уже решились на включение в современный мир. Но большинству исламского мира, особенно его арабской части, это пока не удастся.

В конечном итоге именно провалившаяся модернизация, некомпетентность, коррупция и тирания исламских правительств, многие из которых, увы, долгое время поддерживались Западом, питают движение «воинов джихада». Согласно данным Международного института стратегических исследований, в распоряжении «Аль-Каиды» имеется около 18 тысяч обученных террористов. Опасность, которую они представляют, очевидна.

Однако не стоит обманывать себя, полагая, что решение этой проблемы может ограничиваться только проведением военных операций. Война против террора может быть выиграна, только если в процессе ее ведения ряды террористов не пополняются все новыми и новыми бойцами. В конечном счете борьба идет за умы и сердца тех, кто их поддерживает.

Исходя из сказанного, факт, что все мотивы для оправдания войны в Ираке оказались лживыми, следует считать катастрофическим. Грубые ошибки послевоенного периода повлекли за собой не менее негативные последствия. Но мы не можем вывести войска сейчас, не обеспечив устойчивый и относительно демократический исход этой операции.

США много говорят о внедрении демократии по всему Ближнему Востоку. Это достойная цель. Американцам, однако, не стоит забывать о рисках такой политики, равно как и о еще более опасных последствиях провала демократизации.

Вместе с тем твердый отпор врагу остается нашим последним прибежищем. Враги свободы всегда недооценивают своих противников. Им надо объяснить, что они снова просчитались. Ценности, которыми живет Лондон, – это единственно возможный фундамент, на котором человечество может построить совместное существование. Это ценности свободы и разнообразия. И фанатиков-исламистов необходимо заставить понять, что им никогда не удастся сокрушить их.

*Перевела с английского
Дарья Захарова*

Современный терроризм

Терроризм отнюдь не недавнее изобретение. Но в XX веке от него пострадали многие страны: Франция, Северная Ирландия, Великобритания, Испания, Индия, Пакистан, Россия... Некоторым же странам повезло больше и для них террористическая проблема не была столь серьезной. В частности, еще недавно такой страной были Соединенные Штаты.

Хотя терроризм существовал всегда, до сих пор нет общепризнанного определения террориста. Политики, военные и ООН не могут по этому поводу прийти к согласию. Есть старое суждение, которое не очень помогает, но содержит в себе толику правды: «Террорист для одних и борец за свободу для других». Например, палестинцы, убивающие людей ценой собственных жизней, одними воспринимаются как самоотверженные герои, а для других они злые бомбисты-самоубийцы. Парадокс терроризма и насилия заключается в том, что их одновременно проклинают и прославляют. Насилие широко осуждается, однако часто применяется.

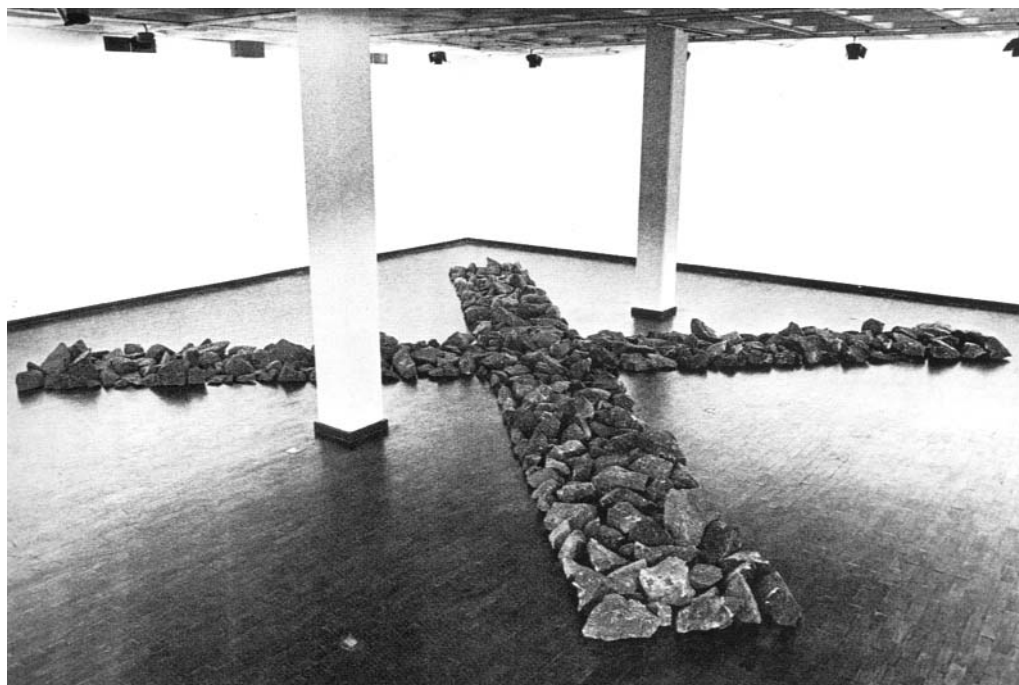
Действительно ли после 11 сентября мы живем в другом мире? В мире *войны* с терроризмом? Существует широкий разброс мнений по этому вопросу. Многие не принимают саму концепцию «войны», полагая, что правильная политика, хорошая разведка, справедливость, соблюдение прав человека и эффективное управление в состоянии решить проблему терроризма. Многие опасаются, что Соединенные Штаты втягиваются в бесконечную войну, не осознавая ее возможные последствия. Американцы сегодня постоянно твердят о «войне с наркоманией», о «войне с бедностью», «войне с преступностью», которые вряд ли могут быть выиграны.

Я думаю, что расхождения в оценках закономерны. События в Нью-Йорке породили в США реакцию, которую не могут разделить там, где недавно были уверены, что терроризм можно укротить демократическими мерами. Более того, риторика США — «ось зла», «крестовый поход», да и сам термин «война» — не способствует взаимопониманию. Поэтому не случайно многие европейские и другие правительства беспокоятся о том, чтобы не раздражать и не пугать мусульманское население в своих странах.

Названные различия в оценке проблемы не помогают нам, и я уверен, что требуется новый, международный подход к ее решению. Я говорю это как человек, который в течение своей 44-летней военной службы участвовал в том числе и

*Лорд Чарльз Гатри,
Начальник Генерального штаба (1997–2003),
советник правительства
Великобритании по вопросам
безопасности*

Ричард Лонг. Пересеченное место. 1983

в антитеррористических операциях в разных частях света: в Малайзии, на Кипре, в Восточной и Западной Африке, в Океании, Йемене, Омане, Северной Ирландии.

Возможно, это и не война, но сегодняшний терроризм отличается от того, с которым мы сталкивались в прошлом. Падение «башен-близнецов» поставило проблему грубо и зримо. «Аль-Каида» и Осам Бен Ладен были известны еще в восьмидесятых годах. Они уже тогда совершали жестокие преступления, но правительства не спешили что-либо предпринимать: не выделяли деньги, не думали о международном сотрудничестве разведок, об оценке угрозы, даже не обсуждали проблему и подходы к ее решению.

Современное состояние общества сделало его более уязвимым. Цивилизация с ее высокими технологиями делает нашу жизнь удобнее и проще, но многие системы жизнеобеспечения (автомобильные и железные дороги, информационные системы, энергетика и т.д.) представляют собой легко доступные цели для атак и разрушения. Чем сложнее государство, общество, бизнес, тем больше угроза для них.

Кроме того, технологии помогают террористам и в других отношениях. Сейчас можно создать оружие массового уничтожения малого размера, легкое и дешевое. Террорист за штурвалом современного самолета получает в свое распоряжение грозное оружие по цене авиационного билета! Информационная революция предоставила группам злоумышленников недорогие средства коммуникации. Раньше такие средства связи были дороги, а потому доступны только правительствам, военным, полиции и многонациональным компаниям. Сегодня террористы могут вообще не встречаться между собой до начала операции.

Еще одно существенное отличие сегодняшних террористов — мотивация. В середине XX века большинство террористов имело сравнительно ясные политические цели: освобождение от колониального владычества, борьба за социальные и этнические права, освобождение политических заключенных. Иногда правительства тайно поддерживали террористов в других странах. В конце столетия произошел подъем радикальных религиозных групп и возникло исламское движе-

ние, объединившее тысячи молодых людей, сражавшихся против советской оккупации Афганистана. Многие из них вошли в организации с крайними взглядами, терроризм стал более жестоким и неразборчивым в средствах. Эти черты усиливались религиозными обещаниями воздаяния в ином мире: нажимая на кнопку взрывного устройства, юный бомбист-самоубийца переносил себя в вечный рай.

Изменился характер террористических организаций.

Например, сеть «Аль-Каиды» имеет автономные ячейки в шестидесяти странах — это невиданный ранее масштаб. Второе поколение пакистанских иммигрантов в Британии, афганские джихадисты, исламские фанатики в США, чеченцы, алжирские и марокканские иммигранты во Франции имеют между собой мало общего, не считая почти одинаковой идеологии. У них нет системы управления в нашем понимании. Они могут действовать в международном масштабе, поверх границ. И поскольку между ними не просматриваются связи, нет общей структуры, иерархии, в них гораздо труднее проникать.

Таким образом, можно выделить два главных аспекта терроризма — технологический и идеологический, — умножающих сложность в решении проблемы.

Сегодня мы имеем дело с террористами в условиях глобализации. После 11 сентября в центре общественного внимания сейчас находится терроризм, связанный с исламским экстремизмом. Но мы не должны забывать, что это не только исламские террористы.

Например, самый ужасный террористический акт в США до 11 сентября устроил Тимоти Маквей в Оклахоме, убивший 168 и ранивший 600 человек. Он был местным фанатичным врагом правительства США. Второй известный пример — предпринятая японскими религиозными фанатиками газовая атака в токийском метро, от которой пострадали тысячи людей. В обоих случаях действовали не исламисты. Можно привести еще множество примеров неисламского терроризма.

Но число жертв растет. Без применения оружия массового поражения 11 сентября погибли тысячи, в Беслане — сотни людей. Новые террористы не похожи на террористов семидесятых годов (ИРА, ЭТА, «красные бригады»). Мне не хотелось бы преувели-

Парадокс терроризма и насилия заключается в том, что их одновременно проклинаят и прославляют

чивать угрозу, но нельзя игнорировать факты. Растет риск появления «радиологической» бомбы. В 1996 году было восемь случаев кражи радиоактивных материалов, пригодных для изготовления такого устройства. В 2003-м их было уже 41.

Что надо делать, чтобы победить терроризм? Возможно ли это? Не думаю, что мы когда-либо будем в состоянии остановить каждого террориста, но мы должны найти «приемлемый уровень» и не должны считать эту задачу невыполнимой. Многие с этим не согласны. Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер в свое время жестко критиковала меня, когда я сказал, что наша задача не уничтожить всех террористов в Северной Ирландии, а достичь приемлемого уровня насилия. Возможна ли такая стратегия?

Во-первых, с терроризмом нельзя справиться, действуя поодиночке. Международное сотрудничество исключительно важно. Некоторые страны — думаю, ошибочно — хотели бы избежать роста бюджетных расходов на международное сотрудничество в этой сфере. Еще опаснее искушение думать, что террористов можно умиротворить, откупаясь от них, и тем самым избавить себя от проблемы. В долгосрочном плане это не решение.

Во-вторых, существует неизбежное напряжение между потребностью в обеспечении безопасности и необходимостью защиты свободы. Интересы национальной безопасности не могут быть оправданием для нарушения принципа верховенства права. Но и право не следует интерпретировать таким

Макс Эрнст. Из книги «Неделя доброты». Воскресенье. 1934

образом, чтобы препятствовать законным мерам защиты общества от терроризма. В Лондоне сейчас обсуждаются изменения в законодательстве в связи с недавними терактами. Незаконные меры, такие как пытки, редко помогают в антитеррористических операциях. Они скорее ухудшают положение, особенно в долгосрочном плане. Они ожесточают тех, кто применяет пытки, и расширяют круг тех, кто симпатизирует террористам. Вспомните французскую армию в Алжире.

В-третьих, нужно сделать все, чтобы пресечь финансирование террористических актов. Это очень важная сфера, в которую включены правительства, банки, финансовые институты, и это международный вызов. Пока международное сообщество на него ответить не сумело.

В-четвертых, при всей важности роли военных, которую могут сыграть только они, не менее важна и роль общественных институтов. В частности, полиции, судей, законодателей, то есть тех структур, которые в отличие от «твердой власти» называют «мягкой властью». Прослужив в армии 44 года, я убежден, что суть самого конфликта всегда яснее, понятнее, чем способ его разрешения, на это уходят иногда десятилетия и тратятся немалые средства. Задача в том, чтобы правильно соединить «твердую власть» (военную силу) и «мягкую власть» (общественные институты); достичь такого баланса очень трудно.

Следует расширять сотрудничество разведслужб. Сделать это не так просто. Надо защищать источники информации; глупо делиться данными разведки со странами, значительная часть жителей которых открыто или тайно симпатизирует террористам. Тем не менее мы должны противостоять долгосрочным угрозам совместно, а потому налаживать взаимодействие стратегической и тактической разведок везде, где это возможно. Это дорого стоит, причем, на мой взгляд, в последнее время много средств тратится на техническую разведку, а вот затраты на людей — агентов, информаторов — неадекватны.

Прошлые администрации США, особенно при Картере и Клинтоне, не уделяли достаточно внимания агентурной разведке. Им не нравилась криминальная сторона деятельности некоторых агентов. Но если вы хотите что-то узнать о «темных личнос-

Мы и умеренные мусульмане во всем мире в равной мере являемся противниками экстремистов

тях», злоумышленниках, террористах, то вам придется направлять людей, которые смогут проникнуть в их среду. Чтобы выработать адекватный подход, требуется понять, почему террорист стал террористом и почему он следует за конкретным лидером.

В качестве иллюстрации: почему идут за Осамой Бен Ладеном? Нравится это нам или нет, но для многих мусульман он герой. Почему он стал столь привлекательным лидером? Для этого есть ряд причин. Он хорошо выглядит, что немаловажно, говорит на прекрасном арабском языке. Он точно выражает и защищает то, во что многие верят. У него есть простые мысли, которые он повторяет вновь и вновь: изгнать из региона арабских деспотов и американцев с их союзниками.

Он знает арабскую историю, которой интересуются многие арабы. Я редко слышал, чтобы араб говорил об истории пренебрежительно, считая, что прошлое не имеет значения. В Европе или США к истории часто относятся как к тому, что не имеет отношения к будущему. Осам Бен Ладен играет на интересе арабов к истории и на том, что некогда могущественный и цивилизованный исламский мир унижен всего через 80 лет после падения Османской империи.

Он необычен еще и тем, что разделяет опасности со своими последователями. Он рисковал своей жизнью, когда находился в афганских горах под американскими бомбами. Все это делает его харизматической фигурой и иконой для десятков тысяч му-

сультан во всем мире. В Кано, мусульманском городе в Нигерии, из ста новорожденных в правительственной больнице за одну неделю 72 получили имя Осамы.

На мой взгляд, тревожно то, что в мусульманском мире многие уверены, что «Аль-

им. Помощь, конечно, должна заключаться не только в финансировании. Эти государства неодинаковы, и если целью являются хорошее управление и права человека, то для международного сообщества лучше принять общий подход. Надо выявлять

проблему до того, как государство окончательно рухнет.

И последнее: религии и конфликты с древних времен идут рука об руку. Многие войны и конфликты в истории человечества начинались на религиозной почве. Но нельзя забывать, что именно религия лежит также в основе антивоенных и мирных движений. Тревож-

Интересы национальной безопасности не могут быть оправданием для нарушения принципа верховенства права. Но и право не следует интерпретировать таким образом, чтобы препятствовать законным мерам защиты общества от терроризма

Каида» победит. Они говорят, что она полна решимости и полностью предана своему делу. А США? Во что верят американцы? За что они готовы умирать?..

Например, многие пакистанцы считают, что США предали их, после того как Советский Союз ушел из Афганистана и необходимость в них отпала. К сожалению, такое мнение широко распространено в мусульманском мире. Что бы мы ни думали, важно, что думают они. Старое армейское правило гласит: «надо узнать своего врага», прежде чем предпринимать действия против него.

Мы также должны выработать общий подход к нераспространению оружия массового поражения, которое перестало быть научной фантастикой. Его могут использовать. Кроме этого, террористы могут самостоятельно изготовить ядерное оружие, если к ним попадут необходимые материалы. А не все такие материалы в надежных руках. Сегодня бомбисты-самоубийцы вооружены взрывчаткой, а завтра, если представится возможность, они смогут воспользоваться ядерным, химическим или биологическим устройством.

Далее, что делать с рухнувшими или рушащимися государствами, также представляющими собой благодатную почву для террористов? Я думаю, что в наших общих интересах согласование усилий для помощи

нынешней ситуации в том, что цивилизованные представители разных религий могут вести диалог между собой, но у них недостаточно влияния, чтобы противостоять своим единоверцам-экстремистам.

Мы и умеренные мусульмане во всем мире в равной мере являемся противниками экстремистов, которые видят в убийстве невинных людей свой пропуск в рай. Они представляют собой новую опасность. Самое худшее из последствий Иракской войны в том, что, многие умеренные мусульмане стали симпатизировать экстремистам. Но я уверен в том, что, хотя война делает эту перспективу трудноосуществимой, умеренные мусульмане в долгосрочной перспективе могут противостоять исламским экстремистам лучше, чем христиане или евреи.

Для терроризма не может быть оправданий. Мы стоим перед необходимостью борьбы с врагом, который относится к своему делу со всей страстью и уверен в своей победе. Слишком многие в современном мире хотели бы видеть Соединенные Штаты униженными и проигравшими. Если это случится, то не только мусульманские террористы, но и все террористы в мире обретут новую энергию. Поэтому нам нельзя поддаваться эмоциям и панике.

*Перевел с английского
Юрий Гиренко*

Российско-американские отношения: проблемы и возможности

Внешняя политика России XXI века отличается от ее внешней политики в XX веке тем, что Российская Федерация не является традиционной великой державой. Принципиально важно, что в XXI веке главная проблема России — это она сама, а не ее всемирная миссия. Поэтому задача российской внешней политики — не корректирование баланса сил, не помощь каким-то прогрессивным силам или, наоборот, подрыв позиции каких-то сил реакционных и т.п. В XXI веке главное для России — стать современной страной и войти в группу лидеров современного мира.

В этой связи внешняя политика — не ристалище, где мы соревнуемся с Соединенными Штатами, а ресурс для решения внутренних задач. Все, что помогает трансформации России в современную страну, полезно, а все, что мешает, — вредно и должно быть изжито.

Что значит «современная страна»? Я бы сказал, что это эвфемизм для того, что принято называть Западом. Не в географическом смысле, а в плане набора определенных институтов в экономической, политической, социальной, идеологической сферах. Такие институциональные конструкции Запада имеют тенденцию к распространению на весь мир. И в этом смысле любая страна может стать страной западной, а «вестернизация» не означает утраты национальной идентичности, религии, языка и пр. Она означает приобретение конкурентных преимуществ.

Возможно ли это? Думаю, что да. В опубликованном в самом начале 2005 года открытом докладе Национального совета по разведке Соединенных Штатов есть примечательная фраза: «Все смешалось, нет ни Востока, ни Запада, ни Севера, ни Юга». В каком-то смысле это действительно так. Парадокс: Россия в XXI веке вполне может стать Западом, и при этом не стать Европой. То есть страна, которая традиционно была европейской, но не западной, может трансформироваться в западную, но не европейскую, если под Западом понимать современное общество, а под Европой — Европейский союз. Мы идем по этому пути, и довольно успешно. Новое качество может быть приобретено через одно-два поколения. Это вполне нормально по историческим меркам.

Главная особенность мира, в котором действует, существует и конкурирует (точнее, будет конкурировать) Россия, заключается в том, что этот мир открыт и един. Он крайне

*Дмитрий Тренин,
ведущий исследователь
Московского Центра Карнеги*

изменчив, в нем нет и долго не будет определенности. Сложившаяся после Второй мировой войны картина мира была довольно стабильной, не менявшейся спустя 10, 20, 30 лет. И нынешний период будет продолжаться примерно 30–40, а то и 50 лет. Возможность очередного качественного изменения мира будет зависеть от того, сумеет ли Китай стать мировой державой. Когда Китай станет сопоставимым с Соединенными Штатами, а на каких-то важных

позициях даже превзойдет их, это будет следующая стадия эволюции мира.

*Европейцам и американцам
было бы легче понять Россию, если бы они
обратились к собственной истории*

Американцы это понимают уже сегодня. В том же докладе Национального совета по разведке делается очень примечательный вывод:

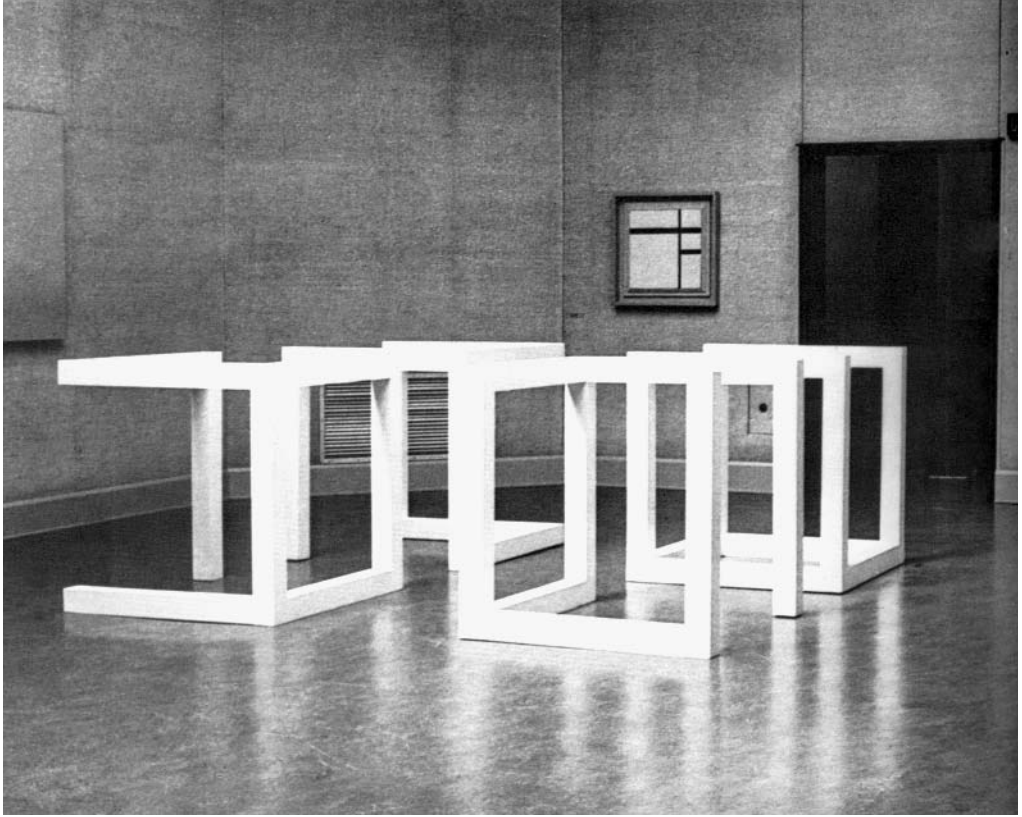
глобализация в XXI веке будет связана с азиатизацией, а не с американизацией. Впрочем, вестернизация все-таки будет развиваться, потому что азиатские страны будут успешными настолько, насколько они будут становиться частью нового Запада. И Китай в отдельных аспектах уже заметно вестернизируется. В то же время воображаемые конструкции многополярного мира кажутся мне экскурсами в XIX век, малоприменимыми к веку XXI-му. Сила и мощь государств измеряются иначе, чем прежде, они совершенно иначе соизмеряются друг с другом. Во времена создания великих колониальных империй Британия, Франция, Испания захватывали огромные территории; навязывали свою власть и волю многим народам. А сейчас небольшая Северная Корея представляет довольно серьезную проблему для такой мощнейшей страны, как Соединенные Штаты Америки. Существует целый ряд факторов, не позволяющих решить эту проблему простым силовым способом.

Международное право, о котором много говорят в последнее время, тоже претерпевает серьезные изменения. Такие понятия, как суверенитет, подвергаются фундаментальной эрозии. Монополия государств на международные отношения уходит. Некоторые неправительственные организации могут быть влиятельнее иных государств.

Хотя Соединенные Штаты Америки и находятся в центре системы международных отношений, структура современного мира не однополярна. Действительно, США занимают в нем центральное положение, потому что по всем значимым позициям они превосходят другие страны. Но это очень противоречивое положение. С одной стороны, США — центр системы. А с другой — это национальное государство. У США объективно две шапки, но носят они только одну — с американским орлом, а не корону «императора всея Земли». И это делает американскую внешнюю политику внутренне противоречивой. Иными словами, американцы не выстраивают мировую империю, как это делали европейцы, но и не являются обычным национальным государством.

Россия, хотя и находится вне системы американских союзов, по необходимости рассматривает отношения с США как имеющие первостепенное значение. Как подходить к содержанию этих отношений и их развитию? Внешняя политика обязана руководствоваться потребностями страны. Что могут дать для трансформации российской экономики, общества, государства отношения с США? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрим реальную ситуацию на сегодняшний день.

В политическом отношении первая потребность России — это международный статус, на котором она, можно сказать, зациклена. Кстати, статус играет

Сол Левитт. Незавершенный куб. 1974

не последнюю роль и в отношениях россиян между собой — начальственная иерархия глубоко въелась. И поэтому когда речь идет о международных отношениях, мы часто сразу же задаем вопрос: кто чей вассал? Сегодня для России крайне важно укрепить свое положение в клубе ведущих держав — «Большой восьмерке».

Во-вторых, России требуется признание. Она понимает, что реально не вполне соответствует тому статусу, на который претендует, а потому просит, требует, добивается признания этого статуса. И отчасти успешно. В 2002 году Россия получила признание Соединенных Штатов и Европы в качестве страны с рыночной экономикой, и это психологически для нее очень важно. Однако Россия не получила признания в качестве демократической страны. И здесь есть большие проблемы.

Третья потребность страны — сохранение автономии от Соединенных Штатов. Россия, с одной стороны, понимает, что Соединенные Штаты являются величиной, с которой ни у России, ни у кого-либо еще в современном мире не может быть отношений подлинного равенства. С другой стороны, Москве необходима автономия, возможность действовать самостоятельно, «не под диктовку Вашингтона». Этой цели служит, в том числе, такой инструмент, как ядерное оружие. Оно сейчас, после окончания «холодной войны», нужно не для того, чтобы реально удерживать Соединенные Штаты от нападения на Россию. Этой угрозы нет и не предвидится. Ядерное оружие обеспечивает

психологическую «подушку безопасности» для российского руководства и одновременно является зримым символом независимости России.

Еще есть потребность в том, чтобы сохранять с США отношения сотрудничества в тех областях, где интересы двух стран совпадают: борьба с терроризмом, с распространением оружия массового поражения, с региональной нестабильностью.

У России есть также интерес к тому, чтобы поправить свой международный имидж. На реализацию этого интереса Кремль тратит очень большие деньги, причем, на мой взгляд, далеко не всегда эффективно.

В области экономики России важен опять же международный статус (членство в ВТО), технологии, ноу-хау, опыт управления, школы менеджмента, инвестиции и доступ на американский рынок.

В области гуманитарной — это доступ к научным достижениям, обмен студентами, учеными, аспирантами. Приходится признать, что центр мировой научно-технической мысли, научных исследований, разработок сегодня однозначно переместился в Соединенные Штаты. Находиться вне постоянной связи с этим центром — значит обрекать себя на еще большее отставание.

Какие проблемы существуют в отношениях Россия — США?

Первая проблема совершенно очевидна — асимметричность отношений. Это не только различие в весовых категориях, но и тот прискорбный факт, что Америка для России значит гораздо больше, чем Россия для Америки. Это неприятно, это больно, но это приходится признать и из этого исходить.

Вторая проблема — это антиамериканизм, который существует в России. Этот антиамериканизм отчасти эмоциональный, отчасти дань традиции, отчасти политический инструмент. С эмоциями все понятно: еще пятнадцать лет назад считалось, что мы находимся на одном уровне, и очень обидно с такого уровня внезапно свалиться. Традиция заключается в том, что у нас в стране на протяжении сорока лет «холодной войны» Соединенные Штаты Америки рассматривали как врага. Это понятно. Вот на *антиамериканизме как инструменте* стоит задержаться подробнее. В России он в большей степени направлен не на сами Соединенные Штаты, а на своих же людей, которых надо оттеснить от каких-то очень важных позиций. Убедив общество в том, что чьи-то конкуренты являются «американскими агентами», или «ставленниками США», или даже просто относятся к Америке слишком тепло и дружелюбно, можно поставить под сомнение их патриотизм и успешно дискредитировать.

Третья проблема — это отношение американцев к России. Если в США в 1990-е годы преобладало патерналистское отношение к России, то на рубеже 1990-х и 2000-х годов его сменило игнорирование России, когда стало модным размышлять о «мире без России».

И наконец, это «картонность» изображения России в американских СМИ. Когда читаешь колонки комментаторов и колонки мнений в американской прессе, то испытываешь двойственное чувство. Факты обычно реальные, но они сложены в картинку, которая иногда существенно искажает реальность. Знание фактов не всегда означает понимание ситуации.

Четвертая проблема — ценностный разрыв. С одной стороны, как доказал в своей очень интересной книге «Долгое время» Егор Гайдар, Россия по отношению к лидерам мирового развития отстает на 60–80 лет по уровню валового внутреннего продукта на душу населения. Это определяет многое. Я не скажу все, но очень многое. И в этом смысле европейцам и американцам, может быть, было бы легче понять Россию, если бы они обратились к собственной истории.

С другой стороны, этот ценностный разрыв имеет не временное измерение. В его основе национальные особенности стран. В этом смысле между Россией и Америкой будет всегда существовать разрыв, точно так же как он всегда будет существовать между Америкой и Европой.

Еще одна проблема — узость базы человеческих отношений. Слишком слаб интерес друг к другу основных, определяющих политику России и Америки групп. В России, по большому счету, Америка мало кого сегодня интересует. То же самое и в Америке. На американском телевидении и в американских газетах слово «Россия» появляется, мягко говоря, не каждый

*Главная проблема российско-американских
экономических отношений в том,
что их у нас практически нет*

день. Поэтому вне стен Кремля и Белого дома, между которыми вроде бы есть контакт, он почти отсутствует. Среди российских политиков господствуют национализм и провинциализм. Удивительно, но в период глобализации на первое место в России выходят очень узкие, очень местные, очень специфические интересы. Понятно — политики должны избираться. То, что происходит в других странах, избирателям часто не очень интересно.

Еще одна довольно существенная и долговременная проблема — взаимные раздражители. Для России это действия Соединенных Штатов в странах СНГ. Это не только военные базы, но и то, что сейчас принято называть «цветными» революциями. Администрация Джорджа Буша нацелена на распространение свободы и демократии в некоторых из немногих союзников, сохраняющихся у России. Раздражители для США — это и Чечня, и дело Ходорковского, и многое другое. У России есть, я бы сказал, довольно обоснованные опасения в плане того, как будет развиваться американская политика в отношении Ирана и Северной Кореи. Она опасается, не приведет ли борьба с распространением ядерного оружия к региональным войнам, а может быть, и к прямому применению ядерного оружия в борьбе с распространением этого самого оружия? Кроме того, у российского руководства есть определенная ментальная близость к странам-изгоям. Все-таки СССР в течение многих десятилетий противостоял Западу, и в этом смысле многим в России Милошевич, Саддам Хусейн, даже Ким Чен Ир ближе, чем, скажем, конгрессмен Лантос.

Есть, конечно, и опасения, что Соединенные Штаты будут слишком активно и самостоятельно действовать на мировой площадке. Проблема не в том, что США зачастую действуют в обход ООН. Россию ведь ООН интересует не столько сама по себе, сколько как возможность использовать свое право вето в Совете безопасности. Действия Соединенных Штатов в обход Совбеза как раз лишают Россию возможности легально пресечь те акции, которые либо не соответствуют российским интересам, либо просто Москве не нравятся.

Есть еще один момент, который беспокоит, хотя в открытую о нем очень мало говорят. Это перспектива американо-китайского соперничества. Пока непонятно, как к этому относиться. Ясно, что Россия не может позволить себе втянуться в этот процесс, особенно в условиях, когда она поставляет Китаю оружие и военную технику на миллиард долларов в год. Это сложная проблема, которая дальше будет нарастать и становиться все более острой.

Претензии с американской стороны связаны в основном с российской внутренней политикой. «ЮКОС» и Ходорковский, Чечня, ограничение свободы средств массовой информации, обвинения России в имперских амбициях в

отношении Украины и Грузии, в поддержке авторитарных режимов в Белоруссии, Узбекистане, в других странах. Близкие отношения между Россией и противниками Соединенных Штатов американцев не столько беспокоят, сколько раздражают. Это и отношения (в прошлом) с режимами Саддама Хусейна и Милошевича, а сегодня – Ирана и Сирии. Американцев беспокоит безопасность ядерных объектов, которая в России, на их взгляд, не обеспе-

*«Вестернизация» не означает
утраты национальной идентичности,
религии, языка...*

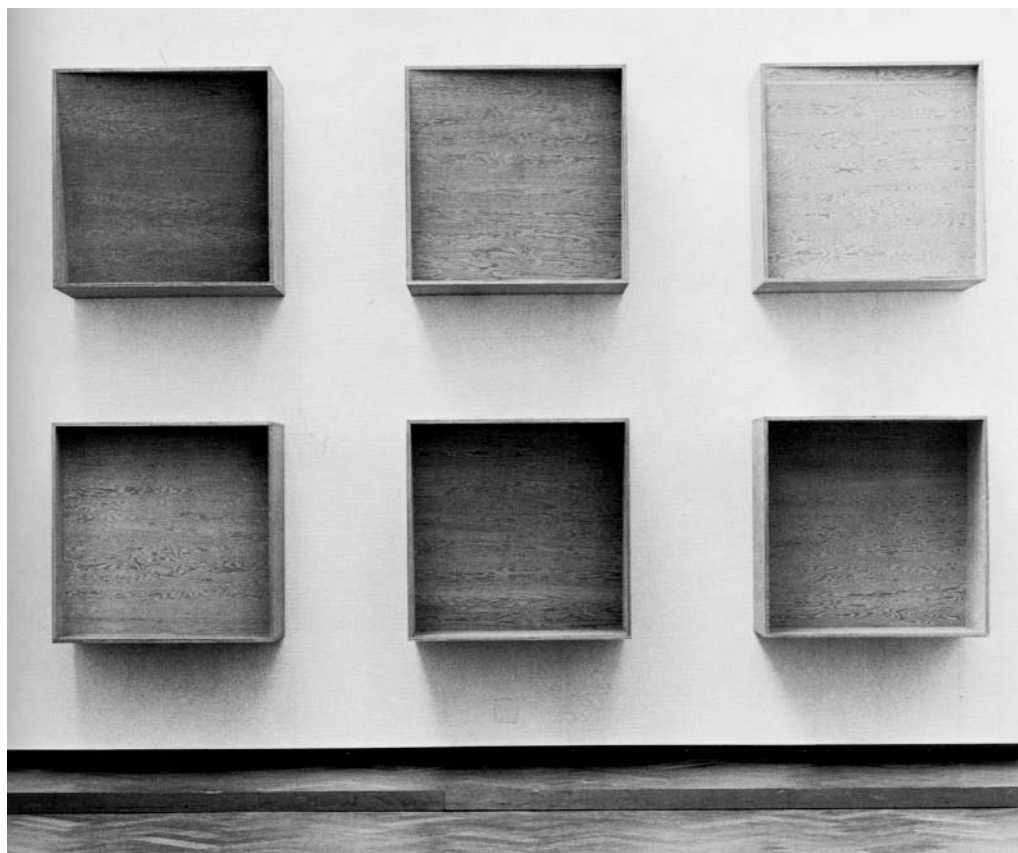
чивается на должном уровне. Есть и проблемы, связанные с торговлей оружием, – не только с Китаем, но и с некоторыми «нелюбимыми» в Вашингтоне режимами, например с Венесуэлой.

Отдельный вопрос – экономика. Когда-то глава «Автоваза» В. Каданников сказал, что «главная проблема российской автомобильной промышленности заключается в том, что она у нас есть». Так вот, главная проблема российско-американских экономических отношений в том, что их у нас практически нет. То есть они есть, но на очень низком, незначительном для Америки и для России уровне. Энергетический диалог, о котором очень активно говорили в 2002 году, фактически пробуксовывает. Отчасти это случилось потому, что стороны исходили из совершенно разных ожиданий. Россия – из того, что она получит доллары на американском рынке нефти, газа и так далее. Соединенные Штаты – из того, что получают долю, причем существенную, в российских нефтяных компаниях. Ни того ни другого не произошло. Дело Ходорковского в 2003 году и ставка, сделанная российским руководством в 2004 году на жесткий государственный контроль над топливно-энергетическим комплексом и газовыми компаниями, создали новые реальности, которые требуют внесения существенных корректив в прежние планы.

В гуманитарной области, наверное, самой большой проблемой является значительная закрытость Соединенных Штатов для внешнего мира после 11 сентября. Проблемы с выдачей виз, с пребыванием иностранцев в Соединенных Штатах наносят ущерб прежде всего самим Соединенным Штатам, поскольку ограничивают приток интеллектуальных ресурсов из внешнего мира.

Что делать? О нынешнем поколении политиков, в общем, все сказано. Что же касается политиков нового поколения, то им необходимо освободиться от негативных комплексов в отношении Соединенных Штатов. Им это будет легче, чем их предшественникам. Поскольку в американофилии Россия не замечена, то проблема в преодолении американофобии, которая прежде всего мешает России, так как Штаты практически не обращают на нас внимания.

Второе – поставить во главу угла национальные интересы. Проблема с национальными интересами России, на мой взгляд, заключается в том, что у них нет консолидированного субъекта. Те, кто определяет внешнюю политику Российской Федерации, руководствуются по большей части своими личными, корпоративными или групповыми интересами. Национальные интересы не сформулированы в том числе и потому, что все еще нет гражданской нации, которая о себе заявляет, проводит свои интересы через демократическую систему, через средства массовой информации. Надо актуализировать не просто национальные интересы, как они трактуются в книгах по внешней политике, начиная от Горчакова, а в их современном значении. Все-таки действовать придется в XXI веке, а не в XIX-м. И надо знать свои

Дональд Джадд. Картина из клееной фанеры. 1984

интересы; знать, что делаешь, для чего и как. В том числе знать и понимать Америку.

Мы очень любим говорить о том, что Америка не знает внешний мир, не понимает его. Но это проблема Америки, и этой проблемой заниматься американцам. Проблема остального мира в том, что он довольно плохо знает Америку. Если пытаться понять Америку только на основании того, что о ней говорят в Европе, России, Китае, на арабском Востоке, то получается картина, которая имеет мало общего с реальностью. Я бы сказал, что знание Америки и в России, и в Европе после окончания «холодной войны» явно пошло на убыль. Америкой у нас по существу перестали заниматься. Институт США и Канады Академии наук стал кузницей кадров для обеспечения внутренних российских потребностей (что хорошо), а вот американистика у нас практически иссякла.

Надо также отказаться от иллюзий эффективности тайной дипломатии. Кремль пытался в свое время договориться с вашингтонским Белым домом на такой основе: вы нам дадите «свободу рук» в странах СНГ, а мы закрываем глаза на ваши действия в остальном мире. Такие вещи не проходят, время не то. Нужно работать над собой и стремиться двигать Россию по стезе трансформации, превращать ее в современную конкурентоспособную страну. Именно в этом, на мой взгляд, и заключается национальная идея страны в XXI веке.

*Сергей Егоров,
доктор юридических наук,
профессор
(Санкт-Петербурге)*

Альтернативная избирательная философия

В День Конституции, 12 декабря прошлого года в Москве состоялся всероссийский Гражданский конгресс. В центре внимания его первой секции «Защита институтов демократии» вполне естественно оказалась тема функционирования в нашей стране избирательной системы. Удивительно не то, что все участники секции продемонстрировали неудовлетворенность существующей избирательной системой, а то, что они признали невозможным сколько-нибудь существенное ее улучшение и, более того, посчитали необходимостью разработку альтернативной избирательной философии.

Представляется, что именно это могло бы стать важнейшим реальным делом для Гражданского конгресса — организации, объединяющей людей разной политической ориентации, по-разному представляющих себе идеалы свободы, социализма-либерализма, необходимую степень либерализации экономики и многие другие элементы, составляющие политическую часть мировоззрения общества. Именно достижение максимальной степени демократии в стране может стать той объединительной идеей, которой нам так не хватает на фоне существующих авторитарных тенденций. Но для того, чтобы это могло произойти, такая идея должна быть ясно сформулирована, обсуждена обществом и хотя бы в рамках Гражданского конгресса принята.

Все участники секции тогда единогласно поддержали принцип всеобщего и равного избирательного права. Рискуно предположить, что общество в целом его разделяет. Но вот в том, как и ради чего этот принцип нужно реализовывать, мнений наверняка значительно больше. К сожалению, вульгарное представление, сводящее воплощение этого принципа к тому, что каждому (всем) гражданину в день голосования разрешается опустить в урну одинаковый бюллетень, очень распространено.

Демократичность выборов зависит от процесса, но определяется их результатом. Прежде всего, мы должны дать себе ответ на главный вопрос: ради чего проводятся выборы? Не для чего проводит выборы власть — это как раз понятно: главная ее задача — обязательно самовоспроизвестись и, желательно, чтобы со стороны это выглядело более или менее прилично. Мы должны решить, для чего нам, обществу, нужны выборы? Какого результата от них ждем мы — граждане? Статья 32 Конституции России гласит: граждане имеют

право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Очень узок круг тех вопросов, по которым мы можем управлять делами государства непосредственно. Но среди них есть один вопрос, который и является сутью, квинтэссенцией представительной демократии. Каждый из нас имеет право непосредственно решить — кто именно в процессе управления делами государства будет представлять его интересы. И буква, и дух этой конституционной нормы однозначно говорят: никто из нас, ни один гражданин не может быть ограничен в этом своем праве! Любая избирательная система, искусственно ограничивающая любого из нас в этом нашем конституционном праве, не может нас удовлетворить. Если в результате реализации той или иной избирательной системы кто-то из граждан лишается возможности управлять государством через своего представителя, такая избирательная система плоха. Причем она тем хуже, чем большее число граждан своих представителей для управления государством не получает. Тут уместно вспомнить высказывание У. Черчилля о демократии и признать, что плоха всякая избирательная система, но все избирательные системы (а их сегодня с модификациями насчитываются десятки) плохи в разной степени.

Чем меньше количество граждан имеет своего представителя (представителей — на разных уровнях власти) для управления государством, тем хуже избирательная система.

Как же нам определить, сколько граждан имеют своего представителя, а сколько не имеют? Оставим пока в стороне тех, кто на выборы не пришел. Если гражданин пришел на выборы и проголосовал за того, кто в результате не был избран депутатом, такой гражданин точно своего представителя в представительный орган не направил. Но если он проголосовал за того, кто был в результате избран, это еще не значит, что он имеет своего представителя. Для решения

вопроса — является ли представителем гражданина тот, за кого он проголосовал, необходимо разобраться, как этот кандидат попал в бюллетень. Если этот вопрос оставить без внимания, то получится, что в при-

Чем меньшее количество граждан имеет своего представителя для управления государством, тем хуже избирательная система.

снопамятные советские времена больше 90 процентов граждан своих представителей имели, а ведь это не так.

Любые барьеры на пути включения кандидата в бюллетень делают наш выбор не свободным. И чем выше барьеры, тем менее свободен наш выбор. Но и абсолютно свободное, вплоть до самовыдвижения, формирование бюллетеня, хотя и очень важно, само по себе проблему не решает. Если в бюллетене сто кандидатов, а избирается только один, то проголосовавшие за 99 неизбранных не будут иметь своего представителя. Получается, что сто кандидатов при выборе лишь одного так же плохо, как и их отсутствие.

Прежде чем начать решать поставленную задачу — максимальное увеличение представительства граждан в представительных органах власти, нужно рассмотреть и такой вариант формирования бюллетеня, когда в нем вообще нет персоналий для голосования — так называемую пропорциональную систему. Это как раз то, что сейчас нам предлагает Государственная дума. Тут опасности поджидают нас с другой стороны. Во-первых, голоса за партийный список, гражданин в принципе не получает собственного представителя для управления государством. Помните у Райкина: «Кто шил костюм?» — «Мы». Если даже, совершив насилие над здравым смыслом, нам удастся как-то преодолеть в своем сознании эту очевидную несообразность, перед нами тут же возникнет новый недостаток: обычный гражданин лишен возможности хоть как-то влиять на партийный список кандидатов. Не только в том случае, когда в имеющемся

Джулио Паolini. Инсталляция. 1978–1987

списке партий у него нет каких-либо предпочтений, но и в случае, когда такие предпочтения есть. Не будучи партийным функционером или хотя бы членом партии, он лишен возможности влиять на формирование самого партийного списка. Пропорциональная избирательная система имеет

принципиальный недостаток: вопреки статье 19 Конституции РФ эта система ставит наши избирательные права в зависимость от принадлежности или не принадлежности к партии. Фактически день выборов при пропорциональной системе для большинства граждан — своеобразный «Юрьев

день». Гражданам дают право выбрать — Буйносовы или Ягужинские будут править ими в следующие четыре года. Следовательно, пропорциональная система не только плоха, но и неконституционна. Это скрытая форма выборов псевдоаристократии (а значит, дискриминации), поскольку для членов партий слово «аристократ» подходит далеко не всегда.

Итак, на двух полюсах располагаются две системы-антипода: мажоритарная одномандатная система, при которой победитель получает все, и строго пропорциональная система, когда избиратель голосует не за представителя, а за список с часто ему неизвестными кандидатами. Все остальные десятки существующих избирательных систем располагаются между этими крайними точками. Существующая избирательная система Российской Федерации, пока сочетающая два этих крайних варианта, только суммирует все их недостатки, не исправляя ни одного из них. Оптимальная избирательная система, по-видимому, располагается где-то посередине этого спектра.

Сконструировать избирательную систему, полностью лишенную каких-либо недостатков, нам, конечно же, не удастся. В процессе этой работы нам обязательно придется чем-то пожертвовать. И это не страшно, лишь бы такая жертва была осознанной и минимально отдаляла нас от решения поставленной задачи — *обеспечить максимально большому числу граждан возможность направить в представительный орган власти каждого уровня своего представителя.*

Собственно говоря, особенно выдумывать ничего и не надо. Такая система давно придумана. Она называется *многомандатной мажоритарной системой*. Суть такой системы заключается в том, что избранными депутатами в округе считается не один, а несколько кандидатов при условии, что избиратель может проголосовать только за одного кандидата. Предположим, что мы договорились считать избранными не одного, а двух кандидатов, набравших в округе относительное большинство голосов. Даже в этом случае, практически почти ничем не отличающемся от действующего строго мажоритарного принципа, мы, не прилагая почти никаких

усилий, можем увеличить количество граждан, имеющих своих представителей, почти в два раза. А за счет дополнительных положительных эффектов, о чем ниже, и более чем в два раза. А если считать избранными трех, четырех первых кандидатов?

Оптимальной с точки зрения достижения поставленной задачи является многомандатная избирательная система при голосовании в едином (одном) округе по избранию представительного органа. Для Государственной думы таким округом должна быть вся Российская Федерация. Для Законодательного собрания Санкт-Петербурга — весь Санкт-Петербург. Для Государственного совета Дагестана — весь Дагестан.

И вот здесь настает момент обсуждения возможных компромиссов, принесения осознанных жертв. Мне представляется, что на уровне субъектов Российской Федерации и, тем более, при избрании представительных органов местного самоуправления, избирательный округ должен и может быть один. Другое дело — вся Россия с ее огромной территорией и Государственной думой в 450 депутатов. Организационно-технические сложности могут оказаться чрезмерными, и тогда мы должны будем чем-то пожертвовать. Мы можем пойти на то, чтобы лишить возможности, например, сторонников кандидата Черепкова, проживающих за пределами Приморского края, проголосовать именно за этого кандидата. Но нам нужно оценить, чем же мы пожертвуем, — увеличим организационно-технические трудности или лишим права какую-то часть избирателей?

При этом нужно учесть два обстоятельства. Во-первых, всегда будут кандидаты, которые не будут избраны, и, следовательно, граждане, проголосовавшие за этих избранных кандидатов, так и не будут иметь своего представителя. Во-вторых, добавление каждого последующего кандидата к списку избранных добавляет все меньшую и меньшую долю к числу граждан, получивших своего представителя. Анализ многочисленных избирательных кампаний показывает, что 5–6 кандидатов, набравших относительное большинство голосов в одномандатном округе, аккумулируют в сумме

более 90 процентов голосов пришедших на выборы избирателей округа.

Таким образом, удачным компромиссом для выборов депутатов Государственной думы представляется образование 89 избирательных округов, совпадающих по своим границам с границами существующих субъектов РФ. Тогда самые «многомандатные» округа будут насчитывать один-два десятка избираемых депутатов, а самые «маломандатные» — по одному. Кстати, возможно это обстоятельство послужит дополнительным стимулом для добровольного объединения субъектов РФ.

Предлагаемая избирательная философия, кроме обеспечения основополагающего принципа — равного избирательного права, обладает и другими положительными эффектами. Коснусь только двух из них.

Половина избирателей уже сегодня на выборы не ходит. Убежден, что значительная часть из них не ходит именно потому, что обоснованно считает, что им там делать нечего. «Сколько раз я уже ходил на выборы напрасно. Обычно в бюллетене не было приличных кандидатов и приходилось голосовать «против всех». Если же в бюллетене был кто-то приличный, избранным оказывался кто-то другой. И так всегда!»

Если мы дадим человеку надежду на то, что его кандидат, заняв третье, четвертое место, все равно может быть избран, этот человек, может быть, пойдет и проголосует. А ведь среди не голосующих сегодня очень велика доля именно демократически настроенных граждан.

И второе. Пользователи административного или финансового ресурса наглеют все больше и больше. Борьба с ними при помощи специальных законодательных ухищрений — тема отдельного разговора в рамках обсуждения альтернативной избирательной философии. Но об одном обстоятельстве необходимо сказать. Использование подобных ресурсов опирается на принцип: победитель получает все. Проплатить, подкупить, вбросить, оболванить легче, когда есть только один победитель. Сделать так, чтобы у победителя было на 100, на 10, на 1 голос больше, получается с завидной легкостью. А если победителей

должно быть 5, или 10, или 15? Эффективность грязных ресурсов резко снижается! Конечно же, члены «Единой России» тоже окажутся избранными. И это правильно. Но их в Государственной думе окажется меньше.

И в заключение снова вернусь к задачам всероссийского Гражданского конгресса. Сегодня это не политическая партия, а широкая коалиция людей, приверженных разным политическим взглядам. Вполне решаемой для конгресса задачей может стать формирование позитивного общественного мнения по неидеологическим вопросам, по которым между разными участниками избирательного процесса нет существенных расхождений. Не только между СПС и «Яблоком», но даже между ними и КПРФ с «Родиной». Таким вопросом, очевидно, может стать большая демократизация общества. Но не только. Совершенствование судебной системы, разработка антикоррупционного законодательства, закона об общественном телевидении и т.п. Участники избирательного процесса могут объединиться в коалицию вокруг пакета таких законов. Разработку такого пакета может и должен взять на себя Гражданский конгресс. Интеллектуального потенциала участникам конгресса не занимать.

И тогда во время избирательной кампании всероссийский Гражданский конгресс сможет обратиться к избирателям с обращением: «Мы создали демократическую коалицию, все участники которой обязались в ближайшие полгода принять пакет законопроектов, способный существенно улучшить демократическую обстановку в стране. Ни одна из политических партий не в состоянии сделать это в одиночку.

Граждане России! Мы призываем вас прийти на выборы и проголосовать за тех участников коалиции, которые политически вам ближе. Особенно мы обращаемся к тем, кто не хотел идти на выборы, считая, что это бессмысленно. Придите и проголосуйте за любого члена коалиции! Если мы сможем набрать половину голосов, демократия вернется в нашу страну, и мы уже не отдадим ее никакой «вертикали»».

Проблемы наши и общероссийские

Несмотря на то что чеченская проблема уже много лет находится в центре всеобщего внимания, рядовой гражданин России имеет очень мало достоверной и объективной информации о Чечне. Думаю, этот парадокс не случаен. Мы живем сейчас в информационном обществе, где ценность информации трудно переоценить. «Кто владеет информацией, тот владеет миром» — это давно уже стало аксиомой. И, я думаю, поэтому российские граждане имеют о Чеченской Республике и чеченцах именно ту информацию, которую руководители средств массовой информации хотят довести до них.

Между тем органы государственного управления должны получать объективную и точную информацию, которая обеспечивает рациональность и эффективность принимаемых управленческих решений.

В целом же информация о Чеченской Республике, циркулирующая в органах управления, разнородна и разнообразна. Для начала рассмотрим несколько фактов.

Численность населения Чеченской Республики на конец 2004 года составила 1 млн. 127 тыс. человек. В том числе детей 440 325 (почти 40 процентов); трудоспособного населения 643 609 человек, или 57 процентов. Общий уровень безработицы по оценкам специалистов составляет 78,6 процента, в том числе официально зарегистрированные безработные составляют 63,9 процента от числа трудоспособных жителей Чечни. При этом ожидается, что к 2015 году численность трудоспособного населения республики может достигнуть 850 тыс. человек, а общее число ее жителей — более 1 млн. 300 тысяч.

Таким образом, в Чеченской Республике велики неиспользуемые трудовые ресурсы и в ближайшее десятилетие ожидается дополнительный прирост трудоспособного населения. Казалось бы, в условиях послевоенной разрухи это является важным ресурсом для восстановления экономики и социальной сферы. Но проблема в том, что этот ресурс остается неиспользованным, а значит — большое количество незанятого трудоспособного населения представляет собой источник социального напряжения. Все это требует быстрых и решительных мер для улучшения ситуации в сфере занятости.

*Магомед Алхазуров,
советник президента
Чеченской Республики
по инвестиционной
политике*

В первую очередь надо обратить внимание на большое количество безработной молодежи (256,5 тысячи человек), что, учитывая криминогенную ситуацию в республике, представляет собой серьезную потенциальную угрозу для стабильности не только в Чечне, но и на всем юге России.

Если не предпринять срочных мер, количество «выброшенных из жизни» молодых людей в ближайшие годы будет только увеличиваться. Вот сухая статистика: сегодня в республике насчитывается 440 325 детей, из них 2145 – круглые сироты, 28 192 – полусироты, 239 464 детей растут в многодетных семьях и 43 269 детей живут в малоимущих семьях. Всего же в Чечне насчитывается социально не защищенных детей 328 703 человека, или примерно три четверти от их общего количества.

Вот где источник сохраняющейся и грядущей нестабильности.

А что делается для того, чтобы эта мина, заложенная под будущее Чеченской Республики, не взорвалась? Да практически ничего. За прошедший год государственные детские пособия составили 381,3 млн. рублей. А сумма ежемесячного пособия на одного ребенка 70 рублей и 140 рублей для детей матерей-одиночек.

Никто не станет спорить с тем, что в современных условиях государство не может полностью взять на себя заботу о детях и молодежи. К тому же немалые средства, выделяемые на восстановление экономики республики, не дают должного эффекта. Таким образом, особую актуальность обретают два вопроса: о роли государства в восстановлении социальной сферы Чеченской Республики и об эффективности федеральной программы ее восстановления. Но прежде чем перейти к этим вопросам, мне хотелось бы отметить следующее. Развитие ситуации в Чеченской Республике неминуемо приведет к социальному взрыву, если все оставить так, как есть.

Мы поставлены в ситуацию, когда комплексного механизма решения республиканских проблем нет ни на федеральном, ни на республиканском уровнях власти. Безусловно, данный вопрос нужно рассматривать через призму прошедших событий и общей социально-экономической и политической обстановки в самой Российской Федерации. Многонациональный характер российской государственности предопределяет как взаимодействие, так и конфликтность внутри нее, что неоднократно имело место как в прошлом, так и в настоящем. Государственная система управления царской России, СССР, а теперь и Российской Федерации постоянно имеет дело с национальным фактором и поэтому требуется выработать политику с учетом специфики культурно-исторического наследия и религиозных конфессий населения.

Однако существующий государственный аппарат унаследован от советской системы. В нем сохранены менталитет и привычки прежнего аппарата, но при этом значительно окрепли тенденции к коррумпированности, бюрократизации, налицо стремление подминать под себя и граждан, и нарождающиеся институты гражданского общества. Аппарат управления действует не только в обстановке бесконтрольности со стороны общества, но и слабой регламентированности, он не защищен нормативами, обеспечивающими ему «иммунитет» при политических изменениях в федеральных властных структурах. К сожалению, государственная служба как социально-правовой институт в современной России еще не создана.

На мой взгляд, происходит концентрация ресурсов (административных и финансовых) в руках федеральной бюрократии, работающей по принципу «экономика для избранных» вместо «экономика для всех».

Является ли Россия по настоящему федеративным государством? На этот вопрос можно ответить утвердительно по крайней мере с правовой точки зрения. Но при этом строители вертикали власти постоянно забывают, что Россия — это федеративное государство, в которое входит много народов, культур, где ценности могут быть одни, а интересы — разные. Под ценностями мы понимаем единое духовное пространство, оборону, территориальную целостность России. Вместе с тем у каждого субъекта федерации имеются собственные экономические интересы, налицо борьба за рынки сбыта и сырья, за распределение бюджетного финансирования и т. д.

*Давно созрела необходимость отказа
от предельной концентрации власти
и ресурсов в федеральном центре*

Добавьте к этому необходимость учитывать религиозные и ментальные особенности народов, географическое положение субъектов федерации, плотность населения и количество безработной молодежи и множество других факторов. Поэтому уже давно созрела необходимость отказа от предельной концентрации власти и ресурсов в федеральном центре. Но пока что мы видим прямо противоположный процесс. Вместо децентрализации власти идет борьба за дальнейший захват власти у регионов, за ее перераспределение в пользу федерального центра. В России предстоит еще немало сделать, чтобы создать такое федеративное устройство, которое обеспечит действительную прочность и незыблемость единства и территориальной целостности страны, эффективность деятельности федеральных и региональных органов власти и управления.

Весь этот комплекс проблем особенно наглядно проявляется в затянувшейся подготовке договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Чеченской Республикой. Подготовленный проект договора почти не известен большинству населения республики, а главное, он не учитывает должным образом интересы республики. Мне представляется также, что недостаточно разработаны сами принципы разграничения полномочий и предметов ведения между федеральным центром и субъектами федерации.

Например, согласно существующему договору Татарстан оставляет в республиканском бюджете половину доходов от НДС, 100 процентов налога от акцизов и т. д. Нечто подобное необходимо и для Чеченской Республики.

Что же касается сути споров о чеченской нефти, то ее можно прояснить на примере Тюменской области, где добывают 60 процентов нефти и 95 процентов газа России. Однако за счет этих природных ресурсов процветают только компании с офисами в Москве, а область не только не стала вторым Кувейтом, но и не имеет средства для самого необходимого.

Забирая у регионов львиную долю доходов, федеральный центр по собственному усмотрению распределяет затем трансферты между регионами. Тем са-

мым он не только усиливает свое влияние на периферии, но и создает благоприятные условия для роста коррупции. Ни для кого не секрет, что регионы, заинтересованные в получении дотаций из центра, просто отряжают «ходоков», которые договариваются с чиновниками. Соседний с нами Дагестан живет так уже не одно десятилетие.

Нельзя забывать и о проблемах, возникающих на пути возвращения Чеченской Республики в экономическое пространство и рынок труда России. Например, уже много лет искусственно тормозится открытие гражданского аэропорта им. Шейха Мансура в Грозном. Возобновление работы грозненского аэропорта неизбежно вызовет сокращение перевозок через соседние аэропорты. Сейчас даже чеченские обыватели убеждены в необходимости «продать» грозненский аэропорт иностранным инвесторам — иначе он никогда не заработает.

На какой-то срок (не менее чем на десять лет) необходимо изменить практику применения в ЧР налогового кодекса с целью уменьшить фискальную направленность налоговой системы и содействовать укреплению налогооблагаемой базы. Эти меры (вполне обоснованные после всех потрясений, пережитых и переживаемых Чечней) позволят высвободить средства для инвестиций в производство. В конечном итоге это может привести не только к росту производства, возобновлению широких экономических и социально-культурных связей с федерацией в целом, но и к снятию социальной напряженности.

Есть и другие, не менее важные вопросы, например, как будет развиваться ситуация, если одна из сторон не будет в должной мере выполнять положения договора? Ведь договор не закреплен постановлением Государственной думы РФ как законодательный акт на все времена.

Зная способы и методы работы с регионами, практикуемые федеральным центром, граждане Чеченской Республики не рассчитывают на счастливое будущее.

Все это, а также отсутствие противодействия дискриминации по национальному признаку и непоследовательная национальная политика федерального центра приведут к расползанию национального сепаратизма.

Коррупция и неэффективность государственной бюрократии — это извечные проблемы России. В 1990-е годы преступность нагло вползла в политику. Сомнительные личности и сегодня рвутся к власти и помогают им нечистые на руку чиновники. Главная причина неэффективности власти — несоответствие между новой конституционной организацией государства, новыми задачами и процессами XXI века, которые должна решать власть как в регионах, так и на федеральном уровне. Власть в России будет эффективна только тогда, когда станет открытой, понятной и предсказуемой, когда научится отзываться на проблемы людей, когда современные технология, культура и демократические традиции не оставят брешей для бездарности и недобросовестности.

На мой взгляд, для повышения эффективности государственного управления необходимо в первую очередь:

– пересмотреть принципы финансирования государственного аппарата как на федеральном, так и на региональном уровнях. Не увеличивая нынешние бюджетные расходы, добиваться более эффективного труда управленцев при одновременном ограничении роста численности государственного аппарата;

– выработать единые для федерального и регионального уровней принципы должностного роста государственных служащих, в том числе механизмы эффективного использования кадрового резерва и ротации кадров в единой системе государственной службы;

– создать нормативную основу и современную инфраструктуру функционирования государственной власти и управления, местного управления и самоуправления, подготовки, повышения квалификации управленческих кадров.

Реформирование государственной службы РФ объективно потребует обеспечить органы власти надежными, инициативными, профессионально грамот-

ными специалистами, способными эффективно выполнять возложенные на них функции.

Необходимым условием решения поставленной задачи является нормативно-правовое регулирование деятельности государственной службы, определение порядка подбора, перемещения, оценки кадров. Отсутствие такого механизма в самом федеральном центре приводит к стагнации процессов в регионах, и Чеченская Республика – не исключение. Но в нашем случае положение усугубляет уже сформировавшаяся властная квазиэлита, паразитирующая на наших проблемах, хотя проблемы эти не столько наши, сколько общероссийские.

Таким образом, для того чтобы коренным образом изменить ситуацию в Чеченской Республике, необходимо прежде всего провести ротацию властной верхушки. Необходимость в этом давно уже назрела и, думаю, федеральный центр также понимает это. Нужна новая чеченская бизнес-элита, современные менеджеры, способные управлять экономикой и республикой, имеющие государственное мышление. Такие люди уже есть.

В частности, при поддержке Президента ЧР нами создана инвестиционная компания ЗАО «Инвест-Кавказ-Групп» для обеспечения интересов промышленников и предпринимателей республики. Организация компании получила статус «президентский проект». В конце года планируется провести Съезд предпринимателей Чеченской Республики для стабилизации политической обстановки и изыскания внутренних резервов для обеспечения благоприятных условий по развитию предпринимательства. Первым шагом в этом направлении должно стать повышение эффективности государственной поддержки частного бизнеса на республиканском уровне.

Планируется провести в Грозном Международную техническую выставку «Чеченская Республика – 2006 год» с использованием научно-технического потенциала ведущих международных производителей промышленного и сельскохозяйственного оборудования и технологий.

Полагаю, что тем самым мы внесем достойный вклад в дело консолидации общества и власти в Чечне, а также поможем восстановлению экономики и социальной сферы Чеченской Республики.

*Чтобы коренным образом
изменить ситуацию в Чеченской
Республике, необходимо прежде всего
провести ротацию властной
верхушки*

*Ли́ка Ры́гина,
научный сотрудник Центра
исследований социальной
политики и гендера,
член Российской ассоциации
по связям с общественностью
(Саратовское отделение)*

В настоящем эссе предпринята попытка анализа риторики публичного позиционирования молодежного антифашистского движения «Наши» в координатах Я – Другой.

Кто не с «НАШИМИ»...

Политические технологии, позволяющие конструировать социальную реальность с помощью разнообразных визуальных и дискурсивных практик, стали одним из центральных пунктов повестки дня современного медиизированного и виртуализированного миропорядка. При этом фиксация и отбор соответствующих фактов требуют специального методологического подхода к описанию социальных и политических явлений и процессов. В качестве такого аналитического инструментария предлагается использовать концепт «Другого», который необычайно популярен сегодня в пространстве научных дискуссий: философы, антропологи, социологи, социолингвисты активно разрабатывают подходы к изучению и определению статуса Другого.

Норвежский специалист в области международных отношений Ивер Нойманн, предпринявший попытку классификации накопленного в этой связи багажа теоретических знаний, выделил ряд имманентных признаков изучаемого феномена: Другой существует всегда; определение Другого позволяет определить Я; Другой – историчен и контекстуален; отношение между Я и Другим комплексны и не всегда однозначны¹.

Раскрывая последнюю позицию, Нойманн обращается к трехуровневой модели французского культуролога Цветана Тодорова, включающей аскиологический уровень – анализ моральной оценки (хорош или плох «Другой»), уровень праксеологический – анализ действий по отношению к «Другому» (сближения с «Другим» или дистанцирование от него) и эпистемологию как знание/обоснование знания об идентичности «Другого». (С. 50)

Вариативность проявления «Другости» – еще один часто обсуждаемый вопрос. Весьма удачным здесь кажется разведение понятий Другого как *Another* – подобного, «еще одного», и Другого *Other* – как «иного», отличного от «оригинала» по ряду признаков, но имеющего с ним нечто общее. В контексте социального взаимодействия *подобный* выступает элементом некой общей логики («а вот другой пример...»), в то время как *иной* отражает альтернативную логику («это уже совершенно другая исследовательская парадигма»). Тогда принципом конструирования Я-идентично-

сти в первом случае будет конформизм, то есть признание общих, разделяемых Я и Другими оснований наименования и классификации элементов социальной реальности, а во втором — экспрессия личной позиции и указание на неактуальность для одного из участников взаимодействия некоего смысла, принятого ранее «по умолчанию»².

В качестве иллюстрации практической ценности названных объяснительных моделей мной был проведен количественно-качественный анализ материалов официального сайта антифашистского движения «Наши», позволивший фиксировать маркеры проявления Другости и ответить на ряд соответствующих исследовательских вопросов: кто по отношению к кому определяется как Другой, на каком основании, какими характеристиками обладает, какие отношения при этом выстраиваются. Опуская детали эмпирической процедуры, перейду непосредственно к описанию образов «Других» в самопрезентациях названного молодежного движения.

Прежде всего следует отметить, что собственно «Я» в данном случае является коллективным — «Мы»: «Мы — поколение молодых россиян. Мы — те, кто верит в будущее России и считает, что ее судьба в наших руках. Наша цель — сделать Россию глобальным лидером XXI века»³.

По официальным заявлениям, «Наши» сегодня — это более двух (трех) тысяч комиссаров и кандидатов в комиссары (цифры отличаются в разных текстах): амбициозных, образованных молодых лидеров, готовых активно работать на благо России, а также десятки тысяч сторонников — просто молодых людей в возрасте 17–20 лет, разделяющих идеи и задачи движения⁴.

Основная деятельность движения нацелена на формирование *новой генерации лидеров*, обладающих рядом специфических качеств: патриотизмом, историческим оптимизмом, стратегическим мышлением, социальной ответственностью, открытостью к новому, конструктивностью, лидерскими качествами и высоким профессионализмом в своей сфере деятельности. Все эти

компетенции нужны для реализации основной миссии — «оптом» сменить политическую, экономическую и информационную власть в стране. Предполагается, что «Наши» будут действовать как сеть взаимной поддержки, используя возможности участников, получивших доступ к позициям в системах управления, для продвижения новых его членов⁵. В этом случае определение *новая генерация лидеров* (от слова «ген», очевидно) как нельзя лучше представляет интенции данного молодежного движения.

Помимо позиционирования «Нашего-коллективного-Я», тексты сайта производят «Других» в форматах «иной» и «подобный».

Другие-подобные, такие же: Путин-Кремль, ветераны Великой Отечественной войны (ВОВ), молодежные движения схожей политической направленности и идеологии.

Путин-Кремль и ветераны ВОВ представлены как классический вариант Другого-подобного, который, согласно приведенной выше модели Ц. Тодорова, «хорош» и им гордятся; с ним ищут символического сближения; идентичность его более-менее известна. Один из комиссаров так поясняет отношение движения к президенту и его политике: «Путин — человек, стоящий на одной с нами платформе. Он также считает, что построение в России суверенной демократии возможно. Другое дело — тысячи, а может и миллионы, чиновников, которые работают на него»⁶. Символическое сближение с ветеранами производится в описаниях акций, приуроченных ко Дню Победы: «Тысяча ветеранов выстроились вдоль обочины Ленинского проспекта. Каждый ветеран должен был принять присягу у 60 «Наших». После того как юноша или девушка произносили заученный наизусть текст, ветеран вешал новообращенному на шею гильзу на ленточке»⁷.

С точки зрения феминистской критики и постколониальной теории дискурс такого рода может быть интерпретирован как акт присвоения Другого, приватизации символов и пространства Другого (Президента-Кремля⁸ — легитимной власти, ветеранов — носителей национальной исторической па-

Яннис Кунеллис. Без названия. 1988

мяти) посредством риторики идеологической близости с ним (в первом случае) и/или через прямое вовлечение Другого в производство собственного имиджа (например, в обряд символической инициации в сюжете с ветеранами).

Несколько в ином ключе представлены отношения «Наших» с иными подобными организациями и движениями — с «Идущими вместе», например: «НАШИ и «Идущие вместе» — два абсолютно самостоятельных и не связанных между собой движения. У нас и «Идущих» разные задачи, цели и методы их решения и достижения. Единственное, что можно назвать «общим», да и то с натяжкой — это тот факт, что один из пяти федеральных комиссаров, избранных в состав Федерального Совета движения «НАШИ», в прошлом руководил «ИВ»»⁹.

Вот так, ставшие, по сути, колыбелью «Наших», «Идущие» конструируются как «чужаки», политические маргиналы, присутствие которых в публичном пространстве, однако, важно для формирования «Нашей»-идентичности, так как само их существование заставляет определяться с тем, кто есть Мы и кто для нас будут Другие.

Другие-иные, согласно модели Ц. Тодорова, интересны, но до конца не известны, в моральном плане оцениваются нейтрально или отрицательно, от них стремятся дистанцироваться или противостоять им. В нашем случае Другие-иные представлены двумя типами акторов: Другие — соперники и Другие — противники.

Надо сказать, что категория противника (врага) постоянно присутствует в политическом дискурсе. Политический враг есть самое крайнее выражение инаковости, чуждости, «Другости». Некоторые исследователи считают оппозицию «свой — враг» ключевой для описания политической сферы, поскольку «наличие его [врага] образа придает видимый смысл политической борьбе, показывает степень успешности того или иного политика, задает очевидный для всех критерий оценки действий субъектов политического процесса»¹⁰.

От врагов, являющихся моральными антагонистами, отличаются соперники, с кото-

рыми можно соревноваться (побеждая или проигрывая), в то время как враг непременно должен быть уничтожен.

Соперники «Наших» в материалах рассмотренного сайта конструируются в двух плоскостях: временной — исторической и пространственной — географической.

В первом случае речь идет о коммунистах прошлых лет, которые «не понимали роли личной свободы в социальном развитии, что стало в конечном итоге причиной трагедий XX века и завело Россию в экономический и политический тупик»¹¹, а также о современной российской политической элите, отличающейся «окопным мышлением пораженцев», утратой веры в будущее, потерей национальных амбиций и чувства исторической ответственности, неспособной к творчеству, к обеспечению глобального лидерства страны¹².

Во втором случае называются глобальные соперники — США и страны Европы, стремящиеся к мировому господству, что не может не отразиться на суверенитете России, и локальные конкуренты — оппозиционные политические движения и организации («Идущие без Путина» и «Пора»).

Так, угроза со стороны США артикулирована в основном программном документе движения: «Россия — это центральное военно-стратегическое пространство Евразийского материка. Контроль над ним важен для тех, кто хочет доминировать в Евразии и во всем мире. Именно поэтому утвердить свою власть над Россией мечтали Наполеон и Гитлер. Сегодня контролировать Евразию и весь мир стремятся США, с одной стороны, и международный терроризм — с другой. Их взоры устремлены на Россию. Отстоять суверенитет нашей страны сегодня, как его отстаивали наши деды 60 лет назад, — задача нашего поколения»¹³. А вот локальные соперники — региональные движения, альтернативные «Нашим», — репрезентируются не иначе как политические симулякры: ««Идущие без Путина» — мыльный пузырь, растиражированный СМИ. В Питере у них 3 человека, в Москве также 3 человека, в Нижнем Новгороде про них слыхом не слыхивали... («Пора») еще од-

но детище Березовского и его молочного брата Джорджа Сороса, который сеет “доброе и вечное” на просторах СНГ. Одно “но”: на Украине “Пора” – реальность, у нас фантом»¹⁴. В связи с этим руководство движения вроде бы даже не принимает их

Описания деятельности этого движения в электронных и печатных СМИ оставляют открытым вопрос о его политической идентичности

в расчет: «Если бы хоть одна из этих организаций воспринималась нами как объект борьбы, ее бы уже давно не было. Просто потому, что калибры наших орудий несопоставимы»¹⁵.

Враги – противники «Наших» – это профашистские организации (нацболы, скинхеды, так называемые ваххабиты, РНЕшники), которые «копируют символику фашистов, исповедуют фашизм, устроены как тоталитарные секты, активно вербуют молодежь в свои ряды»¹⁶. К этой же группе отнесены некоторые представители либерального лагеря: «Под гитлеровскими флагами национал-социализма, которыми размахивают национал-большевики, собрались Хакамада и ее «Комитет-2008», молодежное «Яблоко», Березовский, Макашов и прочие безнравственные личности»¹⁷. С ними, как заявляет в нескольких интервью лидер движения В. Якеменко, «будем вести бескомпромиссную борьбу... Для нас открытые выступления и безнаказанность переносчиков чумы XX века, погубившей 20 миллионов русских, татар, белорусов, евреев, являются личным оскорблением. Мы положим конец противоестественному союзу олигархов и антисемитов, нацистов и либералов»¹⁸.

Приведенные цитаты обнаруживают основу разграничения «своих» и «врагов» – отношение к национализму, религиозной нетерпимости и сепаратизму, а также к радикальному либерализму, в том числе в его глобальном формате. «Наши» позиционируются как интернационалисты¹⁹, сторон-

ники религиозной толерантности²⁰, управляемой демократии и радители укрепления позиций России на мировой арене²¹.

Итак, схема классификации политических сил представлена на сайте молодежного движения весьма наглядно: есть Наши (мы, свои) и Другие (another), чем-то очень на Наших похожие, с которыми Нашим, порой, вполне по пути. Но есть и другие Другие (other) – конкуренты и/или враги, от которых следует дистанцироваться, а зачастую и противостоять им. Казалось

бы, можно поставить точку.

Но стройная композиция позиционирования «Наших» в координатах Мы-Другие рассыпается при обращении к вопросу о реальных и потенциальных ресурсах этого движения. Откуда комиссары рассчитывают получать поддержку? Да от тех же противников и соперников – от крупного бизнеса («Представители крупного бизнеса выразили свою поддержку движению. Некоторые из них согласились обеспечить материальную поддержку отдельных программ НАШИХ»²²), властвующих элит (так, руководители движения рассчитывают на финансирование своих программ из государственного бюджета, что вряд ли возможно без признания их значимости со стороны действующих политиков), из зарубежных, западных источников («Мы не против Запада – еще Ленин призывал “черпать обеими руками хорошее из-за границы”. Мы только за право черпать самостоятельно и что хочется»²³).

Да и собственно проект «Нашего-коллективного-Я» оказывается не столь однозначным при внимательном рассмотрении, так как иерархическая структура (Федеральный Совет, региональные комиссарские составы, кандидаты в комиссары, сторонники) сама по себе уже производит Других внутри движения, возможности и интересы которых, очевидно, могут не совпадать. Завершая, нельзя не отметить обозначенное в размещенных на сайте материалах печатной прессы принципиальное сходство риторики и методов работы «Наших» с

профашистскими молодежными организациями довоенной Германии. В связи с этим участники движения даже называют по соответствующей ассоциации «нашистами»²⁴. Проверка данной гипотезы не входила в задачи моего исследования, тем не менее названные противоречия самопрезентации «Наших», а также имеющиеся на сегодня описания деятельности этого движения в электронных и печатных СМИ оставляют открытым вопрос о его политической идентичности.

Примечания

- ¹ И. Нойманн. *Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейской идентичности*. Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004.
- ² См.: Гололобов И.В. «Воображаемое сообщество» как форма отношения к Другому: к вопросу о русской национальной идентичности. <http://hghltd.yandex.ru/yandbmt?url=http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php>
- ³ Манифест молодежного движения "НАШИ". *Далее – Манифест*. <http://www.nashi.su/pravda/83974709>
- ⁴ НАШ комиссар Михаил Куликов: *Пора расставить все точки над «i»!* <http://www.nashi.su/pravda/85865531>
- ⁵ Манифест.
- ⁶ НАШ комиссар Михаил Куликов...
- ⁷ Кашин О. Москва узнала НАШИХ. // *Коммерсантъ*. <http://www.nashi.su/smi/86722916>
- ⁸ «Меня лично можно считать человеком, пользующимся моральной поддержкой Кремля» – заявляет в интервью НАШ комиссар Михаил Куликов. <http://www.nashi.su/pravda/85865531>
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Мифы о враге в политике. – «Учительская газета», 1 февраля 2005. <http://www.ug.ru/?action=topic&toid=8127>
- ¹¹ Манифест.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ «НАШИ» будут мочить скинхедов. <http://www.nashi.su/smi/83912047>

- ¹⁵ Наши ли «Наши»? <http://www.nashi.su/smi/94348747>
- ¹⁶ «НАШИ» выпустили брошюру «Необыкновенный фашизм». <http://www.nashi.su/pravda/86333069>
- ¹⁷ Сообщение В. Якеменко о создании молодежного движения «НАШИ» для СМИ. <http://www.nashi.su/pravda/83917788>
- ¹⁸ «Они не пройдут, и победа будет за нами». «Наши» мобилизуются против либералов и Лимонова. <http://www.nashi.su/smi/83909833>
- ¹⁹ Репортажи об открытии «Нашими» в Грозном Центра гражданского общества (см. «Наши» в Грозном. В чеченской столице открылся первый в России Центр гражданского общества. <http://www.nashi.su/smi/91341655>)
- ²⁰ «Россия – центр объединения мировых цивилизаций. Восточное и Западное Христианство, Иудаизм, Ислам и Буддизм – все сошлось в России. Нужно ясно понимать, что культурное многообразие – важное преимущество России в современном мире. Сотрудничество религий и этносов способно обеспечить нашей стране мощнейший культурный потенциал для дальнейшего развития» (Манифест).
- ²¹ «Режим олигархического капитализма создан предшествующим поколением политических, административных, экономических и культурных лидеров. Наше поколение не намерено сохранять его. Напротив, мы должны ликвидировать его, поскольку этот режим несправедлив, несвободен и несолитарен по своей сути. Он воспроизводит слабое и неэффективное государство, неспособное защитить национальный суверенитет страны и безопасность и права его граждан. Он разрушает общественную солидарность и закрепляет неравенство возможностей для отдельных социальных групп». (См. Движение «Наши» – фундамент новой партии власти // РБК <http://www.nashi.su/smi/83912907>)
- ²² НАШ комиссар Михаил Куликов...
- ²³ Якеменко Б. Путь к России. // *Комсомольская правда*, 7 апреля 2005. <http://www.nashi.su/pravda/84011125>
- ²⁴ Движение «Наши» – фундамент новой партии власти // РБК <http://www.nashi.su/smi/83912907>

Мы продолжаем знакомить читателя с нашими изданиями, публикуя короткие аннотации и характерные отрывки, дающие представление о выходящей в свет книге, а также сведения об авторах.

Зоя Ерошок. Школа. О смыслах и чувствах.

Эта книга знакомит с историей создания Московской школы политических исследований, раскрывает нравственную суть и практический смысл ее просветительской деятельности.

В книге четыре раздела. Первый посвящен создателям Школы – Лене Немифовской, по имени которой ее часто называют, Юрию Сенокосову и Александру Согомонову, тоже стоявшему у ее истоков. Во втором и третьем разделах эксперты и выпускники рассказывают об уроках жизни, отвечают на вопрос, что дала им Школа. Биографические эпизоды, которые они считают знаковыми, их взгляды на события прошлого, размышления о сути настоящего и вызовах будущего вводят читателя в круг проблем, которые обсуждаются на школьных семинарах, и одновременно позволяют составить представление о самих экспертах и выпускниках Школы, об их оценке места и роли Школы в формировании гражданского сознания в России. Четвертый раздел, “Портреты”, дополняет это представление.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в ней обсуждаются актуальные жизненные проблемы.

ЧЕМУ МЕНЯ НАУЧИЛА ЖИЗНЬ

(и чему мне еще предстоит научиться)

*Альваро Хиль-Роблес,
комиссар Совета Европы по правам человека*

На первый взгляд, на поставленные вопросы достаточно просто ответить, однако на деле это становится чрезвычайно сложным занятием, поскольку заставляет окинуть взглядом целую жизнь, что оказывается не всегда легко, учитывая к тому же, что вполне можно споткнуться о камень, таящийся на жизненном пути, который нам еще предстоит пройти.

А потому догадливый читатель, наверное, поймет, что первым уроком, который жизнь преподнесла мне, была необходимость избегать ловушек и

не пускаться по этому поводу в досужие рассуждения, а второй урок, так и не усвоенный мною, состоит в том, что я далеко не всегда следую этой заповеди.

Если же перейти непосредственно к предмету и попытаться определить важный урок жизни, то я, вне всякого сомнения, поставил бы в первом ряду потребность и умение слушать. Слушать и уважать доводы другого. Слушать — не значит разделять чужие мысли, это значит лишь уважать мнение остальных. Но слушать подразумевает и нечто большее, чем слышать, это означает внимать тому, что нам говорят, вникать в приводимые аргументы. Иными словами, способность слушать предполагает готовность изменить свое суждение, если нас убедили, и не подходить к жизни на основе догматической непогрешимости моей личной правды.

Порой умение слушать предполагает также умение молчать самому и понимать молчание других. Это особенно важно, когда речь идет, например, об умении услышать мощный голос безмолвной природы, напоминающий нам о том вреде, который мы наносим ей постоянно, беспричинно и немилосердно.

Потребность слушать приводит меня к второму заключению, тесно связанному с первым, а именно: в любых ситуациях не следует поспешно судить ни о людях, ни об обстоятельствах, в которых нам приходится действовать. Необходимо выдержать паузу, преодолеть первый негативный импульс, избежать первого поверхностного суждения или впечатления. Сколько раз мне доводилось убеждаться в том, что мое первое мнение о человеке было ошибочным именно в силу поспешности, потому что я чувствовал себя чересчур уверенным в моих собственных первых поверхностных оценках.

Скажу и о пользе стремления видеть и воспринимать вещи такими, какие они есть в действительности, а не такими, какими нам хотелось бы их видеть. Всякий раз, когда я принимал желаемое за действительное, рано или поздно мне приходилось сталкиваться с суровой реальностью, как правило, ничего общего не имевшей с моими домыслами. Принять сиюминутную реальность — вовсе не значит разделять ее и тем более отказываться от попыток изменить ее, однако это очень помогает идти верным путем, если мы и вправду стремимся не оступиться.

Все это подводит меня к предпоследнему моему уроку или выводу. Все сказанное отнюдь не кажется мне несовместимым с твердостью наших собственных убеждений, с обязательством отстаивать идеи, которые вдохновляют нашу частную и публичную жизнь и направляют нас по тому пути, который, без сомнения, полон и удач, и ошибок, но неизменно ведет к поставленной цели.

Также очень важно стараться сознательно не причинять излишнего вреда другим людям, поскольку рано или поздно подобное поведение, будучи несправедливым само по себе и потому недопустимым, обернется против того, кто его себе позволяет.

Некоторые путают твердость с высокомерием, с чувством превосходства и тому подобными качествами. Однако жизнь меня научила совсем другому. Преданность друзьям нередко заставляет говорить им не всегда приятные вещи и подразумевает отказ от двойного языка, что представляется мне весьма существенным также и в политике, и в других сферах жизни.

Эти простые и личные рассуждения навеяны опытом различных видов деятельности, которыми мне приходилось заниматься на протяжении моей жизни и которые, без сомнения, обогатили ее, хотя я и сегодня еще не в состоянии оценить их во всей полноте. С одной стороны, это моя академическая деятельность, университетская жизнь в период франкистской диктатуры, наша борьба за демократию и свободу, а затем эпоха молодой демократии. Общение со студентами, постоянный диалог с людьми, у которых есть собственный взгляд на вещи, на потребности и приоритеты эпохи и бытия, несомненно, обогащают. Тем более при пылком стремлении тех, кто создает демократию, к установлению диалога в обществе, к отказу от второстепенного, к поиску точек соприкосновения, к развитию позитивных факторов и устранению негативных, ведущих к конфронтации. Так как речь в этом случае идет о практике по согласованию принципов, от которых невозможно отречься. Считаю излишним распространяться на сей счет, чтобы избежать неизбежного в подобных случаях лиризма.

Вторым фактором, имевшим для меня особое значение, стал мой опыт публичной жизни, неизменно протекавшей в окопах борьбы за права человека. Я использую эту воинственную лексику вовсе не потому, что верю в толк от любой войны, как и от милитаристских речей, за которыми обычно кроются постыдные интересы, а потому, что в защите прав человека есть что-то от никогда не затихающего боя.

Моя работа на посту народного защитника в Испании и мой нынешний опыт в качестве комиссара Совета Европы по правам человека позволили мне увидеть и непосредственно ощутить боль и отчаяние жертв войны, произвола и насилия власти, нищеты и холодного непонимания со стороны тех, у кого есть все необходимое, но кто не готов признать, что солидарность — не пустое слово. Ныне, как никогда раньше, для меня ясно, что любая политика, которая не учитывает подлинных потребностей человека, не уважает его права и достоинство, — это не истинная политика, а лишь средство для достижения иных интересов, не всегда достойных. Надо помнить, что закон сильного никогда не гарантирует торжество справедливости, истины и прав человека, а победить — не значит убедить.

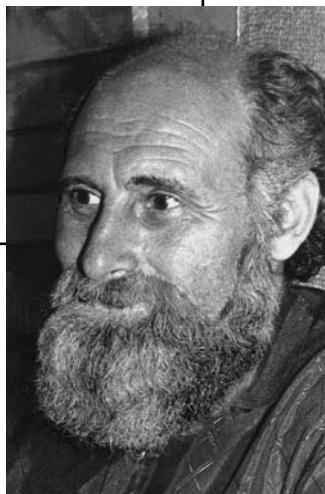
И наконец, последний урок, о котором уместно упомянуть, хотя, конечно, есть и немало других, которые здесь я предпочитаю опустить. А этот урок гласит: не утомляй без нужды. Ничто не раздражает больше, чем необходимость терпеть тех, кто не способен поставить точку в своих размышлениях, тех, кто всегда старается прицепить к поезду еще один, последний вагон. Так что позвольте мне более не растекаться мыслью по древу и поставить точку в этих кратких размышлениях. Прошу быть снисходительными и не судить строго за высказанные банальные истины.

*Перевел с испанского
Александр Казачков*

Либерализм и свободомыслие: допустимы ли идеологические табу в гражданском обществе?

... Открытое общество в моем понимании представляет собой общество, в котором люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта.

Карл Поппер

Ефим Смулянский,
независимый обозреватель
(Санкт-Петербург)

Вот уже более двух лет в Санкт-Петербурге работает постоянно действующий философско-правовой семинар под условным названием «Государство, в котором мы хотели бы жить», основной целью которого является разработка правовой системы идеального государства, состоящего из неидеальных (обычных) людей. В ходе его работы нам пришлось много времени уделять осмыслению сути таких важнейших понятий, как либерализм, демократия, открытое общество, гражданское общество и т.д. Такая работа является совершенно необходимой, так как исторически все это предельно запутано, а в головах у нас — полная неразбериха, вплоть до того, что почти невозможно разобраться, кто «правый», а кто «левый».

Сначала не мешало бы твердо уяснить для себя, что все перечисленные понятия это *идеи*, практически не реализуемые, но являющиеся целями, к реализации которых человеческое сообщество в своей эволюции, тем не менее, стремится.

Для того чтобы лучше прояснить их «физический» смысл, известным петербургским специалистом по теории права С.Н. Егоровым было предложено описание общественно-политического пространства при помощи трехмерной системы координат. Изложенный способ, на мой взгляд, позволяет достаточно определенно идентифицировать позицию любого общественного деятеля, так же, впрочем, как и отыскать свое место в политическом спектре каждому, кто захочет это сделать.

Первой осью предлагаемой системы координат является ось, определяемая нашим отношением к иерархии ценностей в системе «человек–общество–государство». На одном конце этой оси расположена политическая идея, смысл которой заключается в *признании человека* высшей ценностью, ради которой все построено и функционирует. В этой

парадигме *общество* – это совокупность граждан, не имеющих иных интересов, кроме их благоденствия, а *государство* должно обслуживать и удовлетворять насущные потребности человека, так же как и общество, не имеющее никаких прав на отдельную

«Я ненавижу ваши убеждения, но я жизнь готов отдать за то, чтобы вы могли их свободно излагать».

Вольтер

личность и никаких интересов, противоречащих ее интересам. У любого человека, кроме принятых на себя добровольных обязательств, существует только одна обязанность – не нарушать таких же, как и у него, прав других людей. Так как эта политическая идея предполагает наличие у каждого человека максимально возможного объема свободы, то она вполне обоснованно может быть названа **либерализмом**. Нетрудно заметить, что либерализм экономический (частная собственность, рынок, свобода предпринимательства и т.д.) – только часть этой всеобъемлющей идеи.

На другом конце этой же оси располагается идея, согласно которой *приоритет отдан государству*, определяющему роль и место человека-винтика в этой огромной машине. В данном случае у человека нет самостоятельных целей, зато любое предписание государства подлежит неукоснительному исполнению. В такой схеме *общество – это инструмент государства*, помогающий методами солидарной ответственности принудить каждого исполнять его волю. Название этой политической идеи известно – **коммунизм**.

Где-то между этими противоположными идеями на этой же оси располагается общественно-политическая формация, ставящая во главу угла *общество* и поэтому именуемая **социализмом**. У общества в этом случае существуют свои интересы, и в соответствии с ними оно диктует человеку правила, со-

гласно которым он обязан поступать, то есть человек может совершать лишь те действия, которые не противоречат интересам общества как целого. Исполнение же этих правил гарантирует своей мощью *государство*, являющееся по сути инструментом общества.

С.Н. Егоров назвал ось «**либерализм–социализм–коммунизм**» осью правовых ценностей.

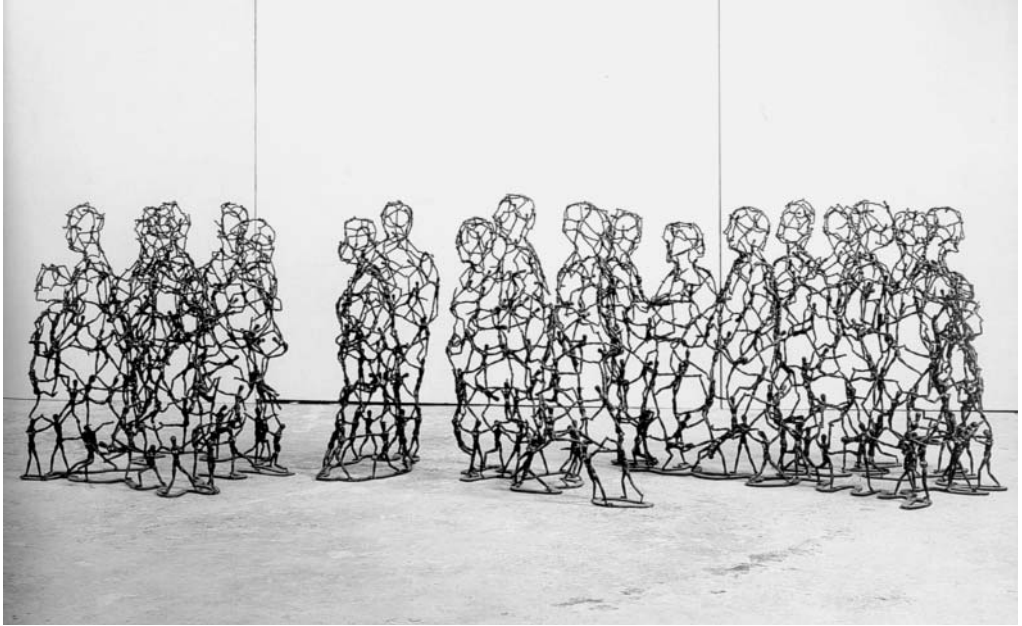
Как нетрудно заметить, роль, объем и характер функций государства вдоль рассматриваемой оси существенно меняются. А их анализ с точки зрения легитимизации

приводит к появлению *второй оси* политического пространства, которая проясняет, как государство образуется и что является источником власти (права). На одном конце этой оси располагается политическая идея, согласно которой не кто иной, как граждане страны являются источником государственной власти, когда, обладая равными правами на управление государством, они используют их либо непосредственно, либо через своих представителей. Такая политическая идея с эллинских времен именуется **демократией**.

А на другом конце этой оси расположена противоположная по смыслу идея, согласно которой государственная власть может осуществляться без участия граждан. В зависимости от способа достижения власти и процедуры ее передачи эту форму правления принято называть тиранией, диктатурой, монархией, директорией и т.д., что можно объединить подходящим определением **деспотия**.

Вторая ось – это *ось источников права*.

И, наконец, *еще одна ось*, учитывая, что при демократии равными правами на участие в управлении государством обладают те, кого мы называем обычно *гражданами*. (При этом понятно, что эти права только часть разнообразных прав, которые может и должен иметь человек.) Однако существует и пользуется немалой популярностью политическая идея, согласно которой эти равные права достойны иметь не все, то есть

Тони Крэгг. Прохожие. 1997

не все люди могут именоваться гражданами. В соответствии с этим в предложенной С.Н. Егоровым системе координат на одном конце третьей оси расположена идея **исключительности**, согласно которой есть люди первого и других сортов. Принадлежность к первому сорту может определяться в разных случаях различными признаками (национальностью, религией, происхождением, имущественным положением и т.д.), но *избранным* (привилегированным) принадлежит все (или почти все) права, тогда как остальным — никакие (или почти никакие).

А на другом конце этой оси находится соответственно контридея — **равноправие**, — по которой никакая исключительность в политическом смысле не допускается и каждый человек обладает точно таким же объемом прав, как и любой другой.

Эту третью ось можно назвать *осью использования права*.

Теперь, когда политическое пространство определено системой координат «**либерализм–коммунизм**», «**демократия–деспотия**» и «**равноправие–исключительность**», можно определить и *гражданское общество*

как сосуществование либерализма, демократии и равноправия. При этом нетрудно показать, что и остальные атрибуты гражданского общества естественно проистекают из одновременного существования этих трех его ипостасей, но при одной существенной оговорке.

Разумеется, в обществе, не являющемся в строгом смысле математическим трехмерным пространством, не действуют линейные процессы векторного исчисления. Здесь все гораздо сложнее. Например, идея исключительности хотя и может реализовываться, но на ограниченные периоды. А что касается государственной власти, то, хотя она и осуществляется в сегодняшней России практически без участия граждан, это власть отнюдь не деспотическая в классическом понимании.

Наиболее полно и точно суть взаимоотношений человека, общества и государства по стандартам гражданского общества была выражена, как известно, в провозглашенной ООН 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека. Однако даже этот *удивительный* документ, если подходить к нему с позиций идей гражданского обще-

ства, тоже не безупречен, что видно из сравнения статей 2, 18, 19 и 7 Декларации.

Сквозная идея, пронизывающая первые три указанные статьи заключается в том, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными... Декларацией, без какого бы то ни было различия... в отношении... политических и иных убеждений» (ст.2);

«Каждый человек имеет право на свободу мысли... это право включает свободу... исповедовать свои... убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком» (ст.18);

«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами» (ст.19).

На практике это означает, что любой человек не только имеет право исповедовать коммунистические, анархистские, фашистские, расистские и любые другие, даже самые экзотические, взгляды, но и *волен распространять их беспрепятственно*.

Однако статья 7 Декларации запрещает *любую* дискриминацию *любого* человека по *любым* основаниям, а также «какое бы то ни было подстрекательство к такой дискриминации». Опираясь именно на эту статью, наиболее ретивые блюстители общественной нравственности не только в России, но и в странах с более сильными демократическими традициями запрещают общественные организации и движения, распространение скомпрометированной символики, печатание предосудительных литературных и исполнение одиозных музыкальных произведений, демонстрацию «безнравственных» кинофильмов, видимо всерьез полагая, что, запретив, например, «Майн кампф», они чудесным образом превратят идеологических ублюдков в ангелоподобных последователей Фомы Аквинского.

Вообще говоря, кажется совершенно необъяснимой позиция людей, считающих,

что можно кому-либо предписать любить, скажем, только блондинок (или блондинов). Ну не любит человек блондинок, а любит «черных» или «узкоглазых», так что же ему — застрелиться, предварительно замкнув рот на замок? Позволю себе высказать совершенно крамольную, на взгляд иных демократов, мысль: какие-нибудь Макашovy–Баркашевы или «бацьки Кондраты» имеют точно такое же право на *свои* убеждения и их пропаганду, как Лев Толстой, Махатма Ганди или Андрей Сахаров. Необходимо совершенно определенно признать: проблема широкого распространения экстравагантных, мягко говоря, националистических, расистских и иных ксенофобских идей заключается не только в них самих или в личностях их проповедников, а еще и в *состоянии общества* — если оно готово эти идеи воспринимать, то они начинают цвести пышным цветом. Там же, где их с презрением отвергают, для них нет почвы. В конце концов, ведь был в российской истории период, связанный с деятельностью Владимира Соловьева, Гаршина, Горького (80–90-е годы XIX века), когда назвать в приличном обществе человека антисемитом означало оскорбление большее, чем пощечина. Теперь век совсем иной — в Соединенных Штатах пощечину можно получить, подав руку незнакомой даме, выходящей из автобуса, или поцеловав (при прощании) знакомую. США и НАТО «в защиту прав человека» позволяли себе бомбить мирные сербские города...

О России лучше помолчим — слишком близко и больно.

Ерго: общество, претендующее на высокий статус гражданского, не должно, загоняя болезнь внутрь, запрещать публикации расовых и иных теорий — эти болезнетворные бактерии такому обществу не опасны, оно не заражено вирусом иммунодефицита толерантности.

В заключение напомним слова великого гуманиста Вольтера: «Я ненавижу ваши убеждения, но я жизнь готов отдать за то, чтобы вы могли их свободно излагать».

Михаил Кузнецов: рациональный оптимист

Считается, что фамилия Кузнецов — вместе с ее аналогами на разных языках — самая распространенная в мире. Имя Михаил тоже одно из самых распространенных. Естественно, что и сочетание «Михаил Кузнецов» не из редких. И тем не менее я уверен, что через некоторое время (причем не такое уж долгое) оно будет ассоциироваться и с героем этого очерка.

Ему 26 лет. Коренной москвич. Окончил исторический факультет Московского областного педагогического университета. Профессиональный политик: возглавляет Московское отделение движения «Первое свободное поколение» (ПСП), один из организаторов и руководителей создаваемой партии «Новые правые». Выпускник Московской школы политических исследований.

Честно говоря, я не знаю точно, насколько решение учиться именно в педагогическом университете было для Михаила определяющим. Но даже если это была случайность, то вполне закономерная: стремление учить, просвещать составляет одну из доминирующих черт личности Кузнецова. Он никогда не работал школьным учителем, однако работа в политике, по сути, и стала для него формой учительства.

После университета Михаил около года прожил в Америке. Не в одной из ее «витринных» частей, вроде Нью-Йорка или Калифорнии, а в самой что ни на есть глубинке — в штате Колорадо, расположенном в глубине североамериканского континента. Это не было осознанным выбором — так сложились жизненные обстоятельства. И снова случайность оказалась закономерной: опыт жизни в таких местах, как Колорадо, весьма способствует пониманию основополагающего значения моральных ценностей. В США Майк (так зовут Кузнецова друзья) уезжал, как и положено интеллигентному столичному юноше, завзятым либералом, а вернулся убежденным консерватором.

Возвращался, кстати, ненадолго — уладить юридические вопросы, забрать вещи... Но оказалось, что Родина — это не абстрактное понятие из патриотических книжек о войне, а живая реальность. Что жить и работать лучше всего дома. Что здесь гораздо интереснее.

Некоторое время Кузнецов работал в крупном пиар-агентстве «Михайлов и партнеры». Это было полезно в профессиональном отношении и выгодно в материальном, но чего-то не хватало. Определение «рутина» кажется не очень подходящим для развивавшейся в то время в России рекламно-пиаровской сферы, однако это была именно рутинная работа. Во всяком случае, для человека с ярким общественным темпераментом. А Михаил Кузнецов оказался именно таким! Поэтому пиар для него остался вспомогательным ремеслом, которое полезно знать (и которым можно заработать на жизнь) — не более.

Главным же стала политика. Еще в студенческие времена Михаил стал активным участником движения «Первое свободное поколение», председателем которого был его друг и одноклассник Владимир Шмелев. В 2002-м, когда Майк вернулся из-за океана, движение переживало кризис. Часть его лидеров отошла от дел, ребята повзрослели и решили, что не хотят играть в политику. Разошлись пути ПСП и Союза правых сил, с которым движение тесно сотрудничало в 1999–2000 годах. Не очень понятным было направление дальнейшего развития ПСП. Михаил Кузнецов стал одним из тех, благодаря кому кризис был преодолен.

Участие в ПСП стало для него жизненным приоритетом в большей степени, чем для остальных его коллег. Причем настолько серьезным, что он отказывался от самых заманчивых предложений, если они могли помешать его общественной деятельности. В этом проявилась еще одна черта его личности: глубочайшее чувство ответственности.

Михаил Кузнецов возглавил Московское отделение ПСП и стал руководителем самого важного направления в его работе, связанного с развитием местного самоуправления в столице. Работа сложная и пока в основном неблагодарная: в девяностых годах в Москве был выращен коррумпированный авторитарно-бюрократический режим, которому не нужно никакое самоуправление. Не то чтобы московские чиновники не любят горожан, но они явно не считают их гражданами. Чтобы преодолеть эту губительную для города тенденцию, «первые свободные» политики задались целью сплочения граждански активных москвичей и решили в этой связи принять участие в выборах муниципальных собраний в районах Москвы 14 марта 2004 года. «Полководцем» стал Михаил Кузнецов. Понятно, что добиться даже скромного успеха было далеко не просто — слишком неравные силы. Но сама решимость уже заслуживает уважения!

Одновременно Кузнецов принимает участие в работе оргкомитета политической партии «Новые правые». И не просто участвует — он берет на себя решение самых сложных задач: организацию съезда, создание региональных отделений, подготовку к регистрации партии. И добивается зримых результатов: съезд проведен, отделения созданы в 47 регионах (и еще десяток на подходе), регистрационные документы сданы в Минюст... И это для него — не служба, а служение. Михаил вовсе не видит себя партийным функционером, он неоднократно отказывался занять пост исполнительного директора партии. Он всего лишь делал то, что наиболее нужно в настоящий момент.

Для этого Кузнецов готов жертвовать многим — и в материальном, и в моральном смысле. Самый яркий пример — Школа. Михаил давно мечтал быть участником Школы — два года подряд он приезжал в Голицыно «вольнотрушателем»: рано утром добирался до Голицыно из Москвы, а вечером возвращался обратно. В 2004 году он стал полноправным слушателем. «От звонка до звонка» отработал два федеральных семинара, стал одной из самых ярких звезд своего федерального класса, был приглашен на заключительный семинар в Стокгольм и Страсбург и... не поехал, поскольку на время семинара пришлось пик работы по подготовке к регистрации партии. Так что выпускником Школы он, формально говоря, не стал.

Впрочем, для Школы и для самого Михаила важнее, что он стал членом школьного сообщества: ищет новых слушателей, помогает в организации семинаров, ведет просветительскую программу для региональных журналистов...

Я погрешил бы против истины, если заявил, что Михаил Кузнецов всегда и во всем успешен, что ему удается все, за что он берется. Достаточно сказать, что партию «Новые правые» в итоге так и не зарегистрировали, да и сделать ее достаточно заметной в политическом пространстве пока не удалось.

«Новые правые» продолжают попытки занять достойное место в российской политике: не получилось оформиться в качестве партии — регистрируют общественное движение; продолжают функционировать в виде дискуссионного клуба; в союзе со столь же молодой партией «Свободная Россия» включаются в кампанию по выборам Московской городской думы. Во всех этих начинаниях Михаил играет ключевую роль, прекрасно понимая, что никаких гарантий скорого успеха нет.

Откуда же у меня уверенность в его перспективах, о чем я сказал в начале очерка? Из одного простого факта: Михаил Кузнецов *выстраивает* свою жизнь, основывая ее на твердых принципах. Он всегда верен себе, целеустремлен, позитивно настроен.

Последнее особенно важно: Михаил убежден, что политик обязан быть оптимистом. Не смотреть на мир через розовые очки, не замечая трудностей, но быть уверенным в преодолении любых препятствий.

Умение быть рациональным оптимистом — необходимое качество для политика. Не думаю, что этому можно научиться. Михаилу Кузнецову учиться оптимизму не надо, он наделен этим даром сполна. Поэтому я уверен, что он всегда будет победителем. У него просто нет другого пути.

Юрий Гиренко

Консерватизм

Истоки консерватизма

Наряду с либерализмом и социализмом консерватизм причисляют к числу важнейших метаидеологий, зарождение и концептуальное оформление которых связывают с эпохой модерна, преобразовавшей мир из «досовременного» в «современный». Откликаясь на потрясшие их события Великой французской революции, Эдмунд Бёрк (1729–1797), Жозеф де Местр (1753–1821) и Луи Габриэль Амбруаз Бональд (1754–1840) выдвинули ряд программных идей, позже составивших основу консервативной философии. По утверждению лорда Хью Сесила, автора вышедшей в начале XX века популярной брошюры о консерватизме, применительно к периоду до 1790 года вообще невозможно говорить о «сознательно разработанном учении консерваторов». Фактически его породила обусловленная революцией конфигурация политических событий, и в этой связи прав Иммануэль Валлерстайн, полагающий, что «консервативная идеология была «реакционной» в прямом смысле этого слова, ибо стала реакцией на пришествие современности». Что же касается самого термина, то его творцом выступил французский писатель Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848), в первой четверти XIX века издававший журнал «Консерватор» («*Conservateur*»), который ставил своей целью пропаганду идей Реставрации. В 1830 году одно из английских изданий впервые использовало этот термин для характеристики партии тори; примерно в то же время он пришел в Соединенные Штаты Америки, Германию и Россию.

Как и всякая идеология, консерватизм являлся в первую очередь не столько определенным состоянием ума, сколько политической программой. В изложении каждого из ее основателей эта программа выглядела по-разному, но во всех интерпретациях имелись неоспоримые общие признаки.

Во-первых, «классические» консерваторы отвергали тезис о народном суверенитете, составлявший концептуальную основу революционного брожения. Совершенная Великой французской революцией подмена суверенитета абсолютного монарха суверенитетом народа их категорически не устраивала. По мнению основателей консерватизма, идея народа-суверена приписывает индивидуам власть, принадлежащую исключительно Богу, а это с неизбежностью порождает социальные конфликты.

Во-вторых, ключевым признаком, подтверждающим «правильность» социальных установлений, консерваторы считали следование традиции. (Именно поэтому термины «традиционализм» и «консерватизм» почти сразу стали синонимами.) Только систематическое воспроизведение сложившихся норм, обычаев, представлений гарантирует стабильность социального порядка. С этой точки зрения наиболее эффективными инструментами противодействия революционной стихии оказываются три института — религия, монархия и семья.

В-третьих, первые консерваторы отстаивали трансцендентные основы социального бытия, напрямую связывая разрушение социальной ткани с повреждением органичной взаимосвязи земного и Небесного. В частности, Бональд, по замечанию Исаяи Берлина, «искренне пытался приложить интеллектуальные, нравственные и политические каноны, почерпнутые из сочинений Фомы Аквинского, к современным ему событиям».

В-четвертых, государство в построениях консерваторов всегда играло ключевую роль, ибо именно в нем они, как, впрочем, и представители иных идеологий, видят главный инструмент реализации своей социальной программы. Причем в данном случае подразумевалось государство особого типа: монархическое, корпоративное, опирающееся на религиозные институты. В рамках консервативной мысли принято

выделять умеренное и радикальное направления, ведущими представителями которых были соответственно Бёрк и де Местр. По словам авторов Британской энциклопедии, «в то время как консерватизм Бёрка по сути является эволюционным, консерватизм де Местра контрреволюционен. Оба мыслителя предпочитают традицию новшествам 1789 года, но традиции у них разные: первый сражается с Французской революцией ради поправленных ею традиционных свобод, а второй — ради традиционной идеи власти». Именно поэтому, в частности, беспощадно критикуя якобинцев, Бёрк выступал в защиту американской революции 1776 года. Необходимо отметить, что наиболее значительное влияние на эволюцию консервативной идеологии XIX и XX столетия оказал умеренный консерватизм.

Основные ценности консерватизма

Условия и особенности становления консервативной идеологии предопределили ее ценностное наполнение. Поскольку революция, в глазах первых консерваторов, стала следствием утраты связи между человеком и Богом и вытекающего отсюда распада социальной жизни на индивидуальные составляющие, они радикально противопоставили христианскую религию атеизму и агностицизму, социальное и духовное родство людей — общественной атомизации, чувственно-мистическое постижение мира — рационализму. Сэмюэль Хантингтон особо подчеркивает это тяготение консерватизма к *ситуативной самоидентификации*, поскольку он ориентирован в прошлое, а толкование последнего неизменно задается настоящим. Иными словами, представляя собой негативную реакцию на экспансию Просвещения, консерватизм формировал свой ценностный свод, отталкиваясь от идеалов своих противников: сторонники этой идеологии последовательно отвергали все просветительские ценности. При этом консервативной мысли был присущ наступательный характер; страстно нападая на «тупое безразличие, называемое толерантностью», де Местр отрицал присущий рационализму дух компромисса, считая синтез традиции и мо-

дерна абсолютно невозможным, что позволило некоторым исследователям сравнивать его с наиболее неистовыми якобинцами. По словам Берлина, такая деятельность «не пассивна, но активна; это не тщетная попытка воспроизвести прошлое, но колоссальное и успешное усилие подчинить будущее образу минувшего».

По мнению А.А. Галкина, базовой ценностью консерватизма является «недоверчиво-отстраненное отношение к человеческой личности, рассматриваемой как несовершенный продукт творения, «сосуд греха», нуждающийся во имя собственного блага в твердой руке». Соответственно данная ценность определила и все прочие: настороженное отношение к разуму, отрицание равенства как принципа социальной жизни, необходимость иерархии, потребность в сильных институтах принуждения. Разумеется, в разные эпохи консерватизм по-разному расставлял ценностные приоритеты, перетолковывая и заново интерпретируя собственные идейные принципы, но общий контекст во все времена оставался более или менее неизменным.

Учитывая сказанное, трудно согласиться с теми, кто полагает, будто в отличие от либерализма и социализма консерватизм не обладает устойчивым идейным ядром. Более того, у консерватизма есть серьезное преимущество: *в то время как социалисты и либералы отстаивают ценности нормативные, еще не имеющие места в реальной жизни, консерваторы борются за ценности предметные, осязаемые и состоявшиеся*. «Либерализм постоянно вынужден отстаивать свое право на существование, а консерватизм просто *есть*», — замечают авторы Британской энциклопедии. С этой точки зрения консервативную доктрину следует признать весьма жизнеспособной и вполне обоснованно претендующей на общественную поддержку.

Консерватизм и государство

Отношение классического консерватизма к государству произрастает из его понимания человеческой природы. Для того чтобы быть абсолютно свободными, люди слишком испорчены. По этой причине их посто-

янно приходится ограничивать, ибо полностью раскрепощенный разум с неизбежностью влечет за собой порок и разрушение. Наука, по утверждению де Местра, портит человека, она «наполняет его высокомерием и гордыней, отвращает от самого себя и подобающих мыслей, делает его врагом всякого повиновения, восстающим на все законы и установления». Порождаемый ею избыток своеволия ведет к ошибочному представлению о равенстве всех людей, которое, как полагал Бёрк, противоречит универсальному закону естественной конкуренции. Предназначение государства состоит в том, чтобы держать индивидуальный разум в узде, противопоставляя его безграничным притязаниям непостижимую тайну властвования. «Правительство — это настоящая религия. Она имеет свои догматы, свои таинства, своих священнослужителей. Позволить каждому обсуждать правительство — значит разрушить его», — говорит де Местр. По его мнению, не выдуманный просветителями «общественный договор», а изначальное превосходство сильных над слабыми выступает основой претензии на государственную власть. Признание правителями тех, кто выше по рождению, на чем и держится все общественное здание, не нуждается в рациональном обосновании и недоступно таковому. В основе государства, таким образом, лежит тайна; его пути не постижимы рациональными средствами, и потому все, что остается подданному — это слепое повиновение.

Понятно, что власть, утвердившаяся на подобном фундаменте, будет регулярно обращаться к насилию. Традиционный консерватизм, в отличие от неоконсерватизма, всегда выступал в пользу «твердой руки», интерпретируемой вполне буквально. С позиций классического консерватизма насильственные методы разрешения конфликтов и споров следует считать неотъемлемой частью общественной жизни. Регулируя степень применяемого к гражданам принуждения, государственный аппарат компенсирует два главных бедствия, поражающих современный социум: избыток свободной мысли и дефицит религиозной веры. Здесь исключительно важен описанный де Местром соби-

рательный образ палача, символизирующий карающую мощь государства: «Лишите мир этой непостижимой силы — в одно мгновение порядок обратится в хаос, троны рухнут и общество исчезнет».

Но, несмотря на принципиальную роль, которую отводит государству консервативная идеология, отношение ее последователей к государственной власти не всегда было столь однозначным. С одной стороны, именно государственные институты служили для них залогом социальной устойчивости и процветания. В их интерпретации государство, безусловно, отнюдь не тот «ночной сторож», о котором говорили либерально настроенные мыслители, поскольку оно активно, деятельно, зримо. С другой стороны, эксцессы Французской революции приучили консерваторов относиться к притязаниям государственной власти с большой настороженностью, так как, по их мнению, государство, игнорирующее роль первичных социальных групп — семьи, церкви, корпорации, — превращается в необузданного тирана. Впоследствии все эти сомнения, порожденные самой историей, были отражены в теоретических построениях неоконсерватизма.

В сфере практической политики консервативной идеологией с XIX века руководствовались довольно многочисленные политические партии, среди которых наиболее заметными были консервативная партия в Великобритании, христианско-демократические партии в Италии и Германии, либерально-демократическая партия в Японии. На протяжении своей истории эти организации неизменно высказывались в пользу органического и эволюционного подхода к общественному развитию, отвергая радикализм во всех его формах и ориентируясь скорее на умеренное крыло консервативной мысли. Присущие им мировоззренческие установки не всегда подкреплялись наличием четко выстроенной идеологии или политической философии, но данное обстоятельство не отражалось на влиятельности этих партий, поскольку они апеллировали к традиции в самом широком смысле этого слова. По-видимому, их авторитет будет весомым до тех пор, пока наиболее

значимой ценностью для граждан развитых государств останется политическая и экономическая стабильность.

Консерватизм и концепция свободы

«Всякий, кто заявляет, что человек рожден свободным, изрекает слова, лишенные смысла», — утверждал де Местр. С самого рождения люди вписаны в плотную сеть конвенций и условностей, регламентирующих их социальное поведение. Разумеется, наличие свободной воли неоспоримо, но греховная природа человека, изначальная ущербность его бытия, неуклонно толкает его к пороку. В этом смысле для консерваторов важнейшей задачей социальной организации выступает не поощрение свободы, как у либералов, но, напротив, ее всемерное ограничение. Если государство не преуспевает в этом деле, происходит революция — худшее из возможных общественных зол, предельное воплощение людского своеволия.

Иными словами, консерватор выступает *не против свободы* как таковой; тревогу у него вызывает *злоупотребление свободой*. Главная проблема здесь в том, что свободный человек ориентирован в будущее и, следовательно, склонен к трансформации настоящего, в то время как консервативное сознание заинтересовано не столько *в изменении, сколько в удержании положения вещей*. Впрочем, за свою долгую и непростую эволюцию консерватизм научился уважать свободную личность и порой даже ставить ее интересы выше интересов государства. Это особенно заметно в различных направлениях неоконсерватизма.

Неоднозначное отношение консерваторов к свободе хорошо иллюстрируется их воззрениями на частную собственность. Традиционный консерватизм видел в этом институте гарантию непрерывности социальной жизни, из которой произрастают семья, религия, государство. Но, последовательно поддерживая собственника в его праве распоряжаться своим имуществом, консервативная идеология фактически поощряла индивидуализм и социальную атомизацию, которые разрушали семейные ценности, церковную

жизнь, государственные устои, столь дорогие для каждого консерватора. В этом аспекте консервативная мысль смыкалась с либеральной, отстаивавшей неограниченное самоопределение человеческой личности и, как следствие, свободу частной собственности.

Неоконсерватизм

Рассуждая о главных тенденциях эволюции метаидеологий в XX столетии, Валлерстайн отмечает их *неуклонное и все более тесное сближение* друг с другом. Заимствования, которые консервативная мысль позволяла себе и у либералов, и у социалистов, привели к оформлению в 1960-е — 1970-е годы такого феномена, как неоконсерватизм. Наиболее существенному переосмыслению в нем подверглись традиционные для консерваторов роль государства и принципы социального управления. В отличие от классического консерватизма, неоконсерваторы с подозрением относятся к современному государству, призывая решительно сократить его регулируемую роль в экономике, политике, социальной сфере. Отстаивая децентрализацию и радикальное сокращение управленческого аппарата, они широко используют аргументы из арсенала либерализма. Причем государственное управление — это не единственная сфера, где новые консерваторы усвоили традиционно либеральные подходы, органично вписав их в собственную систему ценностей. Нежелание защищать наиболее ущемленные и нуждающиеся слои населения, а также перераспределять в их пользу общественный продукт, призывы к самостоятельной заботе о выживании в рыночных условиях, пропагандируемые неоконсервативными правительствами в конце XX века, также заставляют вспомнить об идеях либералов эпохи *laissez-faire*. Некоторые аналитики вообще склонны игнорировать связь неоконсерватизма с традиционной консервативной идеологией, считая его своеобразным ответвлением либеральной мысли.

Наибольшую известность в практической реализации подобного курса приобрели правительство Маргарет Тэтчер в Великобритании и администрация президента Ро-

Тони Крэгг. Обломки кораблекрушения. 1988

нальда Рейгана в США. Именно эти фигуры стали наиболее яркими выразителями неоконсервативной политики. В центре внимания практического неоконсерватизма всегда оказывались экономические вопросы. По мнению его приверженцев, максимально свободный рынок, поощряющий неравенство, в конечном счете выгоден всем, ибо постоянное реинвестирование прибылей наиболее состоятельной части населения повышает жизненные стандарты всех остальных. Рыночные отношения идеально соответствуют человеческой природе, а присущая им несправедливость органично вытекает из ее изначального несовершенства. Но государству не следует заниматься исправлением человека, поэтому его вмешательство в экономическую и социальную жизнь должно оставаться минимальным. Каждый сам обязан заботиться о себе; любые попытки коллективной заботы — например, деятельность профсоюзов или развертывание программ социальной помощи — лишь искажают естественное развитие рыночных отношений. Неоконсерваторы защищают индивидуализм во всех его проявлениях, старательно сдерживая при этом притязания государства или общества ограничить свободу личности.

Довольно заметной разновидностью консерватизма, зародившейся в США в конце XIX столетия и окончательно сложившейся к первой половине XX столетия, стал *либертариизм*. Эта доктрина базируется на идее максимизации личной свободы — прежде всего, свободы выбора. Предполагается, что для реализации данной основополагающей цели необходимо сокращение государственного аппарата и, соответственно, масштабов вмешательства государства в социально-экономическую сферу. В американском варианте либертариизм предусматривает также отказ от ограничений на аборт, на владение огнестрельным оружием и от установления скоростного режима на дорогах. Все эти положения входят в политическую программу либертарианской партии США, которая была основана в 1971 году. Основными идеологами либертариистского консерватизма выступали Фридрих фон Хайек (1899–1992) и Людвиг фон Мизес (1881–1953). Что каса-

ется современного либертариизма, то он представлен американским политическим мыслителем Робертом Нозиком. Центральная идея последнего заключается в том, что над «хорошо организованным обществом» постоянно нависают две угрозы: «безгосударственность», ведущая к хаосу, с одной стороны, и «разрастание» государства — с другой. По мнению Нозика, только «минимальное» государство в состоянии гарантировать индивиду свободу, которая является высшей ценностью.

Для понимания сущности либертариизма крайне важно то, что, сохраняя внешнюю форму классического либерализма, он придает ей выраженное консервативное содержание. Существование либертариизма отражает важнейшую закономерность: непостоянство социальной базы консерватизма, так как он выступает как идеология тех социальных групп, положению которых начинают угрожать объективные тенденции общественного развития. Поскольку группы эти различны, то и консервативную функцию могут брать на себя разные идеологии. Это обстоятельство еще раз подтверждает вторичность консерватизма, его производность от иных идеологий, а также прогрессирующий синтез консервативной идеологии с ее прежними конкурентами.

Консервативная идеология в России

По мнению ряда авторов, в отличие от либерализма, который всегда был в России наносным и заимствованным, теоретические построения русских консерваторов отличаются оригинальностью и самобытностью. Как отмечает Борис Миронов, «русская консервативная мысль от Н.М. Карамзина до Л.А. Тихомирова вовсе не была оторвана от русской жизни, она отражала воззрения народа на власть, архетипы русского сознания, а также трудности европеизации России». При этом следует подчеркнуть, что отечественный консерватизм не ограничивался скупым охранительством и не был монолитным идейным сводом, отторгавшим любые изменения. Как и в Европе, наши консерваторы испытывали сильное влияние со стороны либеральной мысли, твор-

чески усваивая некоторые ее подходы и установки. Так, защищая потребность России в сильной государственной власти, способной проводить либеральные реформы, Борис Чичерин в 1860-е годы сформулировал концепцию консервативного либерализма, в которой попытался синтезировать обе идеологии. Тем же путем ранее шли и славянофилы, в учении которых, по словам современников, сочетались два противоположных начала — власти и свободы.

Кредо российского консерватизма было сформулировано Николаем Карамзиным в «Записке о древней и новой России», опубликованной в 1811 году: «Всякая новость в государственном порядке есть зло, к которому надо прибегать только в необходимости». Несмотря на то что разграничительные линии, отделявшие консерватизм от прочих идеологий, в России были подвижны и со временем менялись, русские консерваторы всех эпох разделяли следующие убеждения: а) православие и вытекающие из него социальные нормы составляют абсолютную ценность; б) сильное и централизованное государство является политическим идеалом; в) основную угрозу для национального бытия и лежащего в его основе православия представляет экспансия. В принципе этот идейный свод благополучно пережил все катаклизмы российской истории XX столетия и почти в неизменном виде вошел в новое тысячелетие.

Объясняя отличавшую русский консерватизм организационную слабость, исследователи чаще всего ссылаются на то, что в роли политического лидера общества в России традиционно выступала единоличная власть, не слишком нуждавшаяся в идейной поддержке со стороны. Данное обстоятельство обусловило отсутствие в Российской империи сильных партий консервативного толка. Им же, кстати, во многом объясняется и современное положение дел, когда власть широко применяет консервативные идеи и подходы, в обществе идут активные дебаты на эту тему, значительная часть населения стойко придерживается консервативных взглядов, но при этом влиятельных политических движений, вдохновляемых консервативными установками, по-прежнему нет.

Политическое бесплодие консервативной идеологии в России было блестяще проанализировано Николаем Бердяевым: «Русский консерватизм невозможен потому, что ему нечего охранять. Славянофильская романтика выдумала те идеальные начала, которые должны быть консервированы, их не было в нашем историческом прошлом. Поэтому консерватизм наш не утверждал какую-то своеобразную культуру, а отрицал творчество культуры». Размышляя о судьбе русской консервативной идеи в эпоху глобализации, стоит задуматься над этим диагнозом вековой давности.

Литература

- Н. Бердяев. Судьба русского консерватизма // Н. Бердяев. *Sub specie aeternitatis. Опыт философии, социальные и литературные. 1900–1906.* — СПб.: М.В. Пирожков, 1907. — С. 227–236.
- Э. Бёрк. *Размышления о революции во Франции.* — М.: Политиздат, 1993.
- И. Берлин. Жозеф де Местр и истоки фашизма // И. Берлин. *Философия свободы. Европа.* — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- И. Валлерстайн. *После либерализма.* — М.: УРСС, 2003.
- А.А. Галкин. Консерватизм вчера и сегодня // *Власть.* 2000, № 2.
- В.А. Гусев. *Русский консерватизм: основные направления и этапы развития.* — Тверь, 2001.
- Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (материалы круглого стола). — *ПОЛИС (Политические исследования).* 1995, № 4, с. 33–59.
- Ж. де Местр. *Рассуждения о Франции.* — М.: РОССПЭН, 1997.
- Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения (материалы круглого стола) // *Отечественная история.* 2001, № 3, с. 103–133.
- Н. Cecil. *Conservatism.* — London: Williams & Northgate, 1912.
- S. Huntington. Conservatism as Ideology // *The American Political Science Review.* 1957, vol. 51.
- Modern Socio-Economic Doctrines and Reform Movements // *The New Encyclopædia Britannica.* — 15th ed. — Vol. 27, p. 393–435.

Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров

Индустрия информационных технологий: особенности и перспективы развития

*Ольга Дергунова,
президент «Майкрософт»
в России и СНГ*

С 1987 года я работаю в увлекательнейшей области — в индустрии информационных технологий (ИТ), начинала в Советском Союзе, продолжаю работать в России и странах СНГ. Наиболее важными и интересными для обсуждения я вижу следующие темы: чем эти страны выделяются в мировом пространстве, прежде всего в области развития информационных технологий? Какова роль в этом процессе не только тех, кто работает в этой области, но и пользователей? К каким изменениям в обществе приводят информационные технологии?

Многое из того, что происходит в нашей стране, является следствием особенностей ее развития на протяжении семидесяти лет советской власти. Тоталитарное прошлое до сих пор влияет на то, как ведется бизнес в современной России, на состояние и перспективы информационных технологий.

Что такое информационные технологии? Это инструменты, которые помогают структурам управления различными сферами деятельности, бизнесу, индивидуальным пользователям эффективнее реализовывать свои цели. Причем, чем более открыто общество, чем выше уровень образования населения, тем больше развита потребность в связанных с высокими технологиями товарах и услугах и тем больше стимулов для продвижения индустрии ИТ.

Многие десятилетия наша страна находилась в состоянии мобилизации всех ресурсов в длительные периоды войн, восстановления хозяйства, научно-технического и военного соперничества с Западом.

Все это вкупе с тоталитарной идеологией и закрытостью страны диктовало жесткую иерархическую модель управления всеми сферами жизни, включая образование, где приоритет отдавался точным наукам.

Количество людей с высшим инженерно-техническим образованием в СССР значительно превышало количество выпускников гуманитарных специальностей. Мобилизуя научно-технический потенциал для наращивания в первую очередь военно-промышленного комплекса, советский режим осознавал роль научных исследований и конструктор-

ских разработок. Уровень квалификации и количество научно-технических специалистов в России и сегодня беспрецедентны несмотря на их отток за рубеж. Но при существовавшей системе подготовки кадров их абсолютно не учили презентовать и популяризировать результаты своей научной работы, ораторскому искусству, методам продвижения разработок, то есть так называемым мягким навыкам (*soft skills*).

Вместе с тем людей с хорошим фундаментальным техническим образованием проще обучить *soft skills*, чем подготовить из гуманитария специалиста в области информационных технологий.

Итак, советский режим стимулировал развитие точных наук, но, с другой стороны, надолго вывел их из мирового процесса обмена идеями, научно-технического прогресса. Фундаментальная наука, за исключением той, которая была связана с военно-промышленным комплексом, фактически не имела практических выходов. Внедренческая цепь, состоявшая из звеньев *фундаментальные разработки – опытно-конструкторские разработки – серийное производство – продвижение на рынок*, обрывалась на первом звене, не имевшем продолжения. Поэтому кража информационных технологий в условиях «железного занавеса» была фактически единственным способом компенсировать отставание страны в этой сфере. «Специалисты НИИ» аккуратно воровали за рубежом элементную базу, программное обеспечение, за это их поощряли государственными наградами.

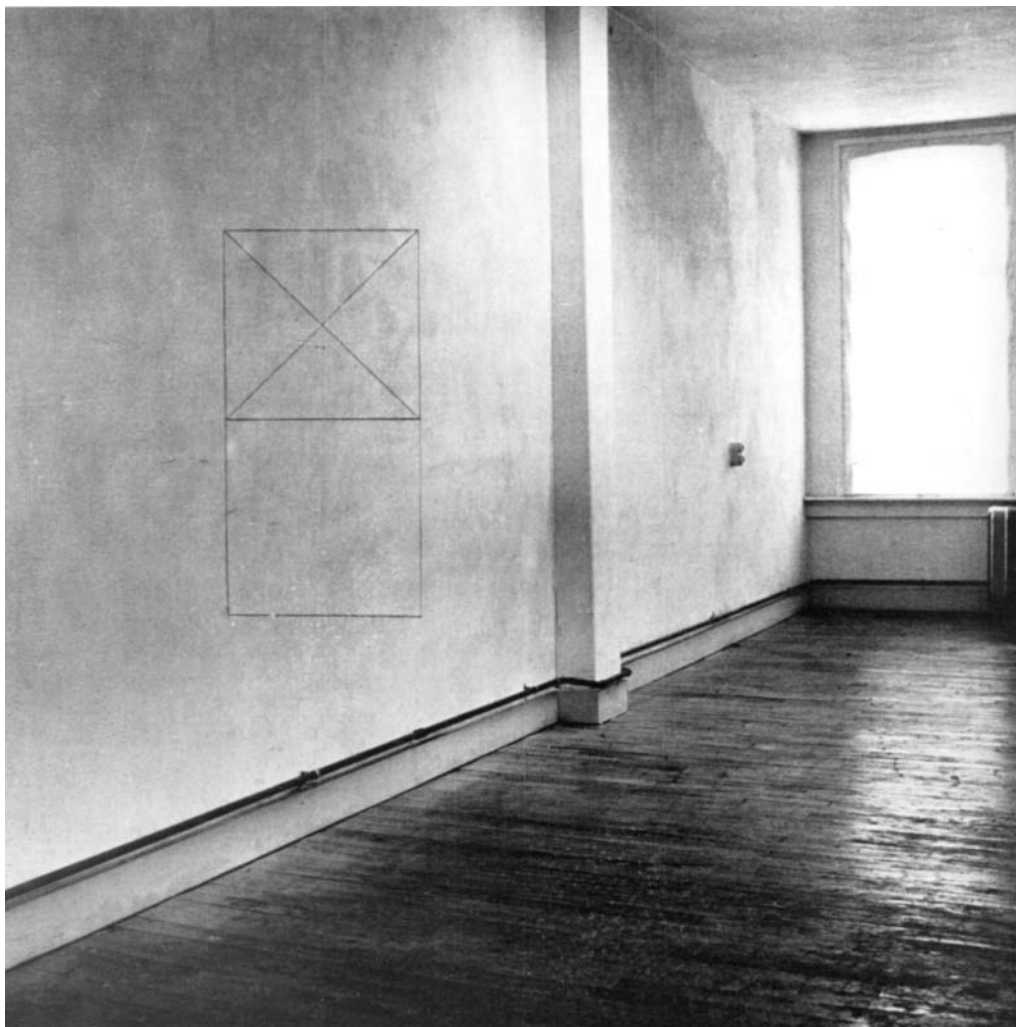
В результате в обществе сформировалось пренебрежительное отношение к интеллектуальной собственности. Истории новой России всего пятнадцать лет и не стоит ожидать, что отношение к интеллектуальной собственности быстро изменится.

После падения «железного занавеса» мы обнаружили бесконечное отставание в области технологий за исключением отдельных областей. И только когда у нас появились персональные компьютеры, люди получили доступ к информационным ресурсам в соответствии с собственным желанием, материальными возможностями и характером выполняемой работы. Это была точка перелома: сегодня нет больше отключаемой и опечатываемой по выходным дням машины; компьютер может стоять на рабочем столе и даже дома; чтобы послать факс, совсем не нужен стоящий рядом «гэбэшник»; ксерокс бывает маленького размера, а пишущая машинка вообще не нужна.

Уникальные возможности этой техники, ее широкая функциональность, способность к диалогу с пользователем резко изменили принципы управления. Изменились кардинально и требования к рабочей силе. Информатика вошла в школьную программу. Стало ясно, что информационные технологии – это инструмент, который можно превратить в капитал, помочь своему бизнесу и иной деятельности стать более совершенными. На этом понимании «капитализации технологий» и начала выстраиваться индустрия ИТ.

Что такое индустрия информационных технологий сегодня, как измеряется ее эффективность, какие у нее ключевые индикаторы?

Начиная с 1960 года практически половину ежегодного прироста производительности труда в Америке дают информационные технологии. Так было не всегда, кумулятивный эффект сработал после накопления критической массы компьютеров, сетей, людей, которые умеют с этим работать. В какой-то момент эта критическая масса перешла в новое качество и информационные технологии стали влиять на экономику страны.

Ян Диббетс. Коррекция перспективы. 1969

Несколько цифр: годовой оборот индустрии информационных технологий в России составляет 7 миллиардов долларов, годовой ВВП — около 600 миллиардов. Годовой оборот только индустрии ИТ в США составляет в настоящее время около 600 миллиардов долларов.

Означает ли это, что Россия безнадежно отстала? Нет. Это задает нам точку движения и показывает траекторию — куда нам двигаться. Потому что реально видна та отдача, которую получают от информационных технологий другие страны.

Я горжусь своей деятельностью, компанией «Майкрософт». В 1978 году, когда она создавалась, а Биллу Гейтсу было неполных 20 лет, люди усмехались над сформулированной миссией компании: «Персональный компьютер на каждый рабочий стол, в каждый дом». Цель казалась странной.

Но надо видеть и такую цель, которая отстоит от тебя на много лет вперед. Это и делает компанию успешной. Идти к этой цели через все препятствия, понимая, что она верна и ты в состоянии ее реализовать. Лишь тогда появля-

ется критическая масса сторонников и союзников, работа которых в конечном итоге приводит к реализации поставленной цели.

В компании «Майкрософт» работают люди, которые верят в то, что невозможное возможно. Они 24 часа в сутки занимаются только одним — разработкой новых технологий, непрерывно при этом «слушая» рынок, прислушиваясь к тому, что говорят заказчики и партнеры. «Майкрософт» не был бы успешным, если бы «продавливал» свои стандарты с помощью финансов, политики. Когда твою операционную систему используют восемьсот миллионов компьютеров, очевидно, что нужно научиться слушать рынок, уважать его мнение и чутко реагировать на любые изменения. И главное — люди, готовые мечтать и изобретать. Потому что новые программные продукты — это всегда большая мечта.

Часто спрашивают: Билл Гейтс — менеджер или изобретатель? Билл Гейтс не менеджер, он гениальный провидец, чувствующий, как будущие технологии изменят спрос и потребности пользователя. Он способен вдохновить и мотивировать миллионы людей вокруг себя, для того чтобы, работая в «Майкрософт» и других компаниях, они создавали новые технологии. Плюс умение достойно признавать свои ошибки и исправлять их. Это и выделяет Гейтса на фоне всех остальных.

Другая сфера его деятельности — это колоссальные социальные программы, которые он ведет лично как крупнейший благотворитель в мире. Корпорация «Майкрософт» тоже инвестирует в социальные проекты, но благотворительные фонды при этом четко разграничены: личные инициативы самого Гейтса и приоритеты компании.

Вернемся к 1978 году, когда миссия компании формулировалась: «Персональный компьютер на каждый рабочий стол, в каждый дом». В 2002 году миссия поменялась, потому что изменилась критическая масса технологий, доступных пользователям. Сегодня в мире работает около миллиарда персональных компьютеров — это на шесть миллиардов населения. К 2008 году ожидается, что число персональных компьютеров достигнет двух миллиардов.

В 2002 году миссия компании стала звучать по-новому: «Реализовать потенциал каждого человека в мире на использование информационных технологий и принесение пользы для бизнеса, учебы и государственного управления».

Почему изменилась задача — от обеспечения инфраструктуры (компьютер для потребителя) к реализации потенциала личности? Потому что основная ценность в индустрии — это человеческий капитал*. Капитал, который приносит результат, называемый инновацией. Человек придумывает, разрабатывает, мечтает, связывает разные устройства и технологии друг с другом.

Фактически наличие этого *human capital*, его возможностей реализовать себя в построении бизнеса, связанного с инновациями, и есть индустрия ИТ.

Производство и потребление здесь — два сообщающихся сосуда. Производство информационных технологий (разработка новых образцов продукции, появление новых услуг, программного обеспечения) невозможно, если нет способа применить его в обществе. Поэтому потребление так важно.

Ключевых индикаторов, определяющих успех индустрии ИТ в разных стра-

* См.: Дмитрий Сухиненко. О человеческом капитале. // *Общая тетрадь*, М., 2005, №1(32). — С. 33–35.

нах, фактически три. Количество компаний, работающих на эту индустрию; их суммарный оборот, показывающий востребованность информационных технологий в обществе. В России на эту индустрию работают десять тысяч компаний. Для сравнения: в одном только Чикаго число компаний, занятых этим бизнесом, превышает две с половиной тысячи, а больших городов в Америке, в общем, немало.

И третий показатель — какие они, эти компании? Например, каков их размер? В Америке 60 процентов дохода в этой индустрии дают пятьдесят крупнейших компаний США. Остальную часть — малый и средний бизнес. В России большин-

ство компаний, которые работают в этой области, представляют средний и малый бизнес. Крупных компаний практически нет по одной простой причине: в нашем обществе еще чрезвычайно низка востребованность информационных технологий. Масштаб спроса внутри страны пока не заставляет обеспечивать централизацию управления из одной точки в рамках одной корпорации. Для эволюционного роста компаний требуется достаточно насыщенная инфраструктура в каждой точке присутствия.

Сегодняшняя российская индустрия ИТ ориентируется, с одной стороны, на удовлетворение пусть слабого, но все-таки внутреннего спроса. С другой стороны, виден интерес нескольких достаточно крупных компаний к тому, чтобы вырасти и выйти «наружу».

Есть несколько факторов, которые определяют ситуацию в индустрии ИТ в каждой стране.

Первый и самый главный фактор — инновация. Слово *innovation* почти невозможно перевести на русский. *Innovation* — это не изобретение, не патент, не идея. Это описание процесса перехода от высказанной идеи к способности компании или индивидуума реализовать ее в виде успешного проекта до эффективной отдачи. И это не только технологические изобретения и технологические процессы, это и инновации в области маркетинга. Пример — компания «Жилетт», которая двадцать лет назад решила перекрасить свой бритвенный станок из черного в голубой цвет после проведения маркетинговых исследований. Простое перекрашивание бритвенного станка в голубой цвет, а потом в зеленый привело к 20-процентному росту оборота компании в течение пяти лет.

Еще один фактор — охрана интеллектуальной собственности. Ты изобрел идею, хочешь на ней заработать, построить свой бизнес. Должен быть легитимный способ сообщить всем остальным, что эта идея принадлежит тебе. Именно изобретателю, который инвестирует в развитие этого проекта, дается преимущественное право донести эту технологию миру и попытаться построить на ней бизнес-проект.

Что такое индустрия программного обеспечения? Например, компания «Майкрософт» присутствует сегодня в 15, а скоро будет в 24 городах России. Из десяти тысяч компаний, которые существуют в России в области этих

Если сегодня у руководителя организации нет культуры использования электронной почты, то, весьма вероятно, здесь не очень велики перспективы роста

технологий, три с половиной тысячи работают с нами на ежемесячной основе. Остальные хотя бы раз в полгода, так или иначе строят бизнес с использованием технологий «Майкрософт». На каждый доллар, который зарабатывает «Майкрософт» в России или в любой другой стране, в среднем 7,5 доллара зарабатывает наш партнер. То есть, используя «Майкрософт» как единую стандартную платформу, наши партнеры могут успешно строить свой бизнес.

Но как можно при уровне пиратства 87 процентов (средняя цифра по нашей стране) обеспечить инвестиции в разработку проекта, в содержание высококвалифицированного персонала? Как обеспечить маркетинг, гарантии сервиса для своего потребителя и при этом быть успешным предпринимателем? От пиратства в России страдает не только «Майкрософт». Это большая успешная компания — 32-миллиардный оборот в прошлом году, 10 миллиардов долларов прибыли, но и она существенно теряет из-за пиратства. Еще больше страдают другие, менее успешные компании. Прежде всего местные. Ведь если на 13 единиц проданного продукта приходится 87 единиц сворованного, то как оплатить труд разработчиков, других участников бизнес-процесса?

Пиратский бизнес — очень выгодный, криминализованный, с хорошо отлаженными моделями. Там убивают. Проблема пиратства — это проблема молчаливой поддержки обществом того, что происходит, хотя по мере роста интереса к собственной репутации все большее число компаний принимает решение о легальном использовании любых товаров и услуг.

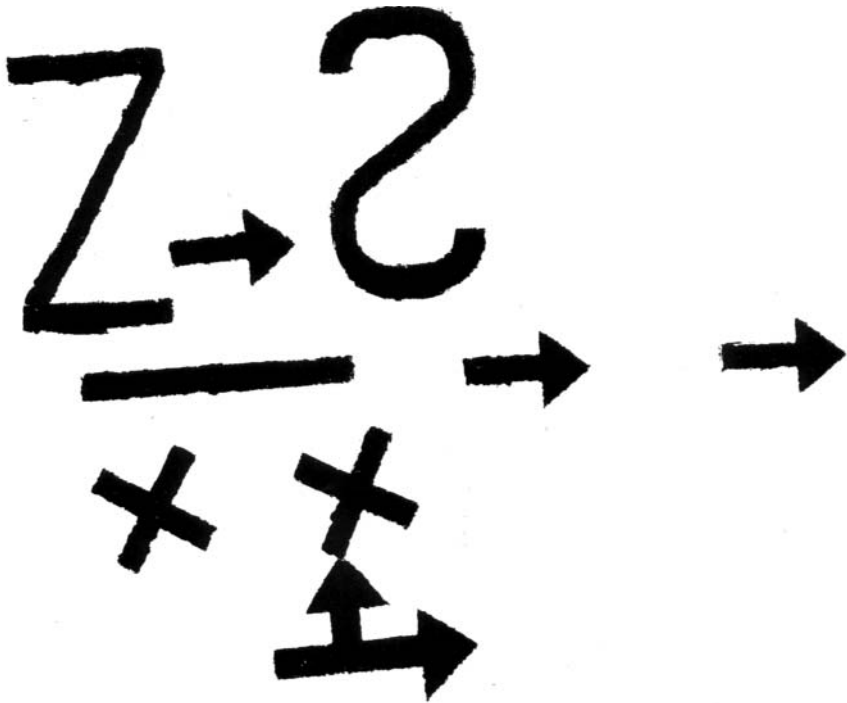
Пиратство пагубно влияет на состояние следующего фактора — предпринимательской инициативы, препятствуя в первую очередь образованию новых компаний в области информационных технологий. Ведь, если пиратство будет столь вопиющим, такая деятельность теряет всякий смысл: что бы ты ни разработал, ни придумал — у тебя это обязательно украдут. А если в компании всего пять человек? Законодательство и официальные структуры пока не в состоянии эффективно бороться с воровством на рынке интеллектуальных продуктов. Поэтому так важно участие в этом деле гражданских объединений, которые возникают в разных индустриях. Ассоциации бизнес-сообществ выражают и отстаивают их консолидированные интересы.

За последние пять лет в индустрии ИТ в России появилось несколько ассоциаций, каждая из которых на чем-то специализируется. Есть замечательная ассоциация «Руссофт» в Питере, в которую входят активные адепты и пропагандисты оффшорного программирования. Есть ассоциация поставщиков компьютерных информационных технологий (АПКИТ), где я являюсь членом правления.

Мы боремся с пиратством единым фронтом: нанимаем юристов, общаемся с правоохранительными органами. Таких ассоциаций должно быть больше, хорошо бы в каждом регионе.

Вернемся к собственно информационным технологиям: как они меняют нашу жизнь в области ведения бизнеса, государственного управления? Прежде всего, они влияют на качество человеческого капитала. Если ты не обладаешь определенным набором знаний и умений в сфере ИТ, значит твой бизнес, мягко говоря, далек от современных стандартов.

Современные студенты все чаще пишут рефераты в удобном для них текстовом процессоре и сдают в электронном виде своему преподавателю. Но многие преподаватели не в состоянии проверять рефераты! Если предыдущие десять лет надо было инвестировать в школьное и студенческое образование,

Яннис Кунеллис. Без названия (Z-S). 1961

помогая учащимся овладеть базовыми навыками информационных технологий, то сегодня необходимо «спасать» преподавателей. И не только их! Многие современные предприниматели и чиновники старше 35 лет не понимают, как применять информационные технологии в своих делах, не умеют ими пользоваться.

Хорошо, что новое поколение управленцев отрицает старые модели. Это дает надежду, что и люди старшего поколения, которые сегодня руководят бизнесом и государством, будут вынуждены измениться.

Если сегодня у руководителя организации нет культуры использования электронной почты, то, весьма вероятно, здесь не очень велики перспективы роста. Современный выпускник десять раз подумает, идти ли ему в такую организацию.

Именно конкуренция заставляет использовать информационные технологии. Это особенно важно для тех компаний, которые хотят выйти за пределы своего мира, ограниченного городом, районом, регионом, страной. Чем дальше ты выходишь за эти пределы, тем важнее становятся базовые понятия: экономическая система, производительность труда, скорость принятия решений, прозрачность твоих решений для партнеров, доступ к информации внутри организации для ускорения принятия решений. Люди задаются вопросом: при помощи какого аналитического инструмента следует подсчитать собственную эффективность?

И вот так, шаг за шагом, через эволюцию от бухучета к системе управления ресурсами бизнес начинает использовать информационные технологии. А информационные технологии, в свою очередь, начинают менять этот бизнес.

Максим Сергеев,
депутат городской думы,
г. Новоуральск
Свердловской области

«Послушным деньгам»* вдогонку

В о Владивостоке вышла книга выпускника Школы Германа Зверева «Послушные деньги» о муниципальных финансах. Первоначально я вознамерился было написать на нее рецензию. Но буквально с первых же страниц убедился, что способ изложения «Денег» настолько непросто и специфичен, что не оставил мне шансов обрести себя в роли профессионального рецензента. Критиковать труд человека, опередившего меня по многим позициям, дело неблагодарное, однако для депутата, знакомого с темой не понаслышке, — это хороший повод поделиться своими мыслями о поставленных автором проблемах.

Парадоксы и противоречия

Что есть местное самоуправление (МСУ) в своей ближайшей перспективе? Вопрос, на мой взгляд, далеко не праздный, особенно для муниципального депутата. Для меня оно — в той форме, в какой пребывает сейчас (перспектива, во всяком случае ближайшая, не сулит радикальных изменений к лучшему), — клон. Клон государственной власти. Ее калька. Начиная с политической составляющей (выборов) и кончая экономической (утверждением и исполнением бюджета и не только).

Чем принципиально различаются способы формирования органов МСУ и государственной власти субъекта РФ? Да ничем: то же делегирование, та же опосредованность. Тот же арсенал средств: скатали сруб, имея под рукой лишь кирпич да камень. Я сейчас не имею в виду сходь поселений с населением не более 1000 человек, где отправление власти происходит напрямую, непосредственно: стукнули в рельсу, собрались, погломонили, *самоуправились*, сами понесли ответственность — перед собой же. Полная закольцовка — объект и субъект властвования в одном флаконе. Вот оно МСУ, в своем, так сказать, первоизданном виде. Щемящее чувство сопричастности общему делу налицо. И в моем представлении (не побоюсь показаться в чьих-то глазах дикарем), на этом оно (МСУ) и заканчивается. Как только появляется некто, кому мы передоверили решение своих проблем, *самоуправление* теряет

* Г.С. Зверев. *Послушные деньги. Настоящая книга муниципального финансиста.* — Владивосток: Издательская компания «Золотой рог», 2005. 162 с.

свою *самость* и становится просто управлением. Ими — нами.

А вы видели, как нам утверждают бюджет?! Я имею в виду саму схему. Она та же, что и у субъекта РФ: испрашивание/получение (или неполучение) разрешения, причем скрупулезно, пошагово, постатейно. Только если в случае с бюджетом субъекта государство распоряжается своими деньгами, то на уровне муниципальном — чужими, муниципальными. А статус этих денег принципиально другой. И речь идет даже не о соблюдении нормативов и правил, а о том, сколько конкретно мы можем потратить на первое, второе и третье. Шаг вправо, влево — перерасход или нецелевое использование. Так что я согласен со Зверевым насчет «парадокса бюджетной децентрализации»!

Понятно, что все финансовые потоки тесно увязаны с полномочиями. Но полномочия эти поделены между государством и муниципалитетом настолько замысловато, что все жизненное пространство местного сообщества больше напоминает те еще ноты: здесь читаем, здесь не читаем, а здесь рыбу заворачиваем. Это касается и льгот, и образования, и здравоохранения, и многого еще чего. Как в этой ситуации можно выстроить более-менее единую и стройную стратегию развития, я лично не совсем представляю.

Далее. Инвестиционная привлекательность. Вещь для любой территории жизненно важная: больше инвестиций, больше прибыли, больше налоговых отчислений в бюджет. Так было раньше. Теперь бюджетная реформа из 15 налогов закрепила в качестве местных лишь два: на землю и на имущество физических лиц. Понятно, что земли сколько есть, столько и есть, больше ее не станет. А значит, и налог на нее не резиновый. Чего, кстати, не скажешь о налоге на прибыль. Налог на имущество (наших) физических лиц невооруженным глазом вообще не разглядишь — при нашем-то среднем классе. Безусловно, благоприятный инвестиционный климат пользу приносить будет и теперь, однако уже не напрямую, а косвенно.

А если при этом вспомнить о неминуемом межбюджетном выравнивании, то вообще руки опускаются: историческая память упорно выуживает продразверсточную ас-

социацию. Почему-то считается, что именно так и будет наконец достигнута долгожданная социальная справедливость. Блеф! Почему не постараться максимально мотивировать территории к развитию? Я уверен, что как раз в этой ситуации муниципальные образования (МО), изначально оказавшиеся в менее выгодном положении или управляемые не столь умело, приобретут дополнительные стимулы к сотрудничеству и, как следствие, развитию.

Получаем следующее. Самостоятельность уходит в ноль. Стимулы к развитию — туда же. Вот этими (генетическими) парадоксами я бы и дополнил предложенный Германом Зверевым перечень системных противоречий, который в общих чертах выглядит так:

- 1) противоречие между организационными формами МСУ (их пять) и методами бюджетного управления (их три);
- 2) парадокс бюджетной децентрализации: как бы бюджет, а если копнуть, смета.

Мотивация — королева...

Мотивация — одно из величайших достижений (открытий?) человечества. Судите сами: как средство стимулирования и средство манипулирования, как оправдание и обоснование, просто как приправа, с которой любое блюдо — чахохбили (с косточкой!). Без нее жизнь — черно-белый телевизор. Без нее — никак.

Управление муниципальными финансами — не исключение. Это тот стержень, который был бы призван армировать всю нашу деятельность по обустройству и развитию территории. Однако есть подводные камни.

Камень первый. Заложенный сверху — государством. Выставленные им правила жизни муниципалитетов натуго спеленали не только органы движения, органы дыхания, но язык и даже мозг. Люфт для попыток двинуться слишком мал, чтобы вообще говорить о какой-то заинтересованности.

Камень второй. Обусловленный генетически (см. выше), то есть самой схемой, согласно которой услугу заказывает один, оказывает другой, на деньги третьего, тогда как

правила игры составляются четвертым. Участвуют все, мотивов ноль. Именно поэтому проекция опыта частного бизнеса оказывается импотентной. О чем и говорят «Деньги» — субъектный расклад в этой игре не совпадает. Казалось бы, «делов-то»: ну не для себя, ну не на свои. А что-то хрустнуло и надломилось — пропал интерес. Поэтому правильно говорит Зверев: пользоваться чужими (от бизнеса) кальками нужно не слепо, брать нужно только то, что приживется и даст всходы. А главное — принесет плоды. Съедобные и сытные.

Камень третий. Вызванный, видимо, всей нашей историей. Дело в следующем. То, что может/должно регулироваться институтами, регулируется ограничениями, ими накладываемыми. Как в том анекдоте про охотников: в лес завозить организованно, из автобуса не выпускать, ружей не выдавать (еще напьются и перестреляют друг друга), дичь — штука в руки в порядке живой очереди. Получается парадокс: при всеобщей скованности движений всегда есть место для *усмотрения*. И чем жестче тиски, тем скованнее движения. Мотивация, короче, сиюминутная. Нам и так-то много чего не хватает: традиций, совестливости, дальновзоркости. А тут еще — матрица муниципального общежития, которая ну никак не способствует развитию стимулов управлять не просто по уму, но — по совести, и иметь не обиженных и завидующих соседей, а счастливых и благодарных горожан.

Поэтому мои размышления о мотивации были бы неполными, если бы я не вовлек в них другие субъекты, являющиеся неотъемлемой частью нашего пространства. Я имею в виду самих жителей и местный бизнес. Ведь от их заинтересованности в общем деле построения счастливого общества (в отдельно взятом МО) зависит много чего. Думаю, в этой связи властям неплохо бы осознавать принципиальные различия во взаимодействии с этими двумя частями муниципального сообщества.

Формула до смешного проста: подходя к бизнесу, ищи общие интересы, подходя к жителям — общие ценности. То есть первый для нас выступает в однозначной роли

партнера, который, кстати, многие вопросы решит гораздо быстрее и эффективнее (по причине все той же потребности в успехе). А со вторыми — сложнее. Отношения с человеком — дело тонкое, наиделикатнейшее. Ведь он и помощник тебе, и тот, из-за кого и для кого ты здесь (в чиновничьем кресле). Он и потребитель твой, и заказчик. Он в конце концов тот, за кого и перед кем ты отвечаешь. И тем не менее почему бы не использовать этот ресурс для решения его собственных проблем, да и чиновничьих тоже. Примеры разные: НКО, общественный контроль, ТСЖ, ТОСы, многое другое. Не использовать этот потенциал было бы и не по-хозяйски, и политически неверно.

Мотивация — гумус, чернозем, куда чего ни брось, все произрастет и заколосится. Надо только знать, что бросать. И не лениться.

Красная линия

Красной линией в «Послушных деньгах» проходит идея бюджетирования, ориентированного на результат (БОР). Идея великодушная, в моей депутатской душе получившая стопроцентный отклик. Это как раз то, о чем я так или иначе раздражаюсь проповедями на заседаниях, посвященных плану социально-экономического развития и отчетам о его исполнении. За что получил ярлык «теоретика» (в глаза, а в спину — «демагога»). И неудивительно: я вижу, как трудно перестроиться людям, проектирующим наше развитие, а особенно выполняющим принятое и утвержденное.

Я уж не говорю о том, что намечается все по минимуму, а осваиваются (средства) по максимуму. Это отдельная боль, и лечить тут, по-моему, бесполезно — зря морочиться; проще (и правильнее; кто связан с муниципальными заказами, тот поймет) удалять. Речь о том, чтобы:

- 1) ясно понимать, чего мы хотим;
- 2) представлять, что для этого необходимо сделать (хорошо бы еще в стратегическом и тактическом планах — раздельно) и вообще куда «направить бег колен»;

3) научиться понимать причинно-следственные связи и худо-бедно прогнозировать последствия наших усилий (во всем букете их плюсов и минусов).

Ведь если с первым (целями), как правило, проблем не возникает (хотим мы одного), то со вторым (путями) гораздо сложнее. Главная трудность — в ресурсном дефиците муниципалитетов. А еще — в сильно кастрированной самостоятельности. Нас подключили к аппарату искусственного жизнеобеспечения, который взял на себя поддержание наиболее важных функций организма, и при этом искренне удивляются: чего это мы развиваемся какими-то вялыми темпами?

Самое интересное начинается тогда, когда мы пытаемся предвкусить, чем наши планы (социально-экономического развития) обернутся. Если вы обратили внимание, это — третье. Вся система оценки выстроена по схеме: чем полнее мы потратились на мероприятие, тем лучше результат. Правильность выбранного направления и его адекватность общественным потребностям на этом этапе уже не анализируются. Поверьте мне, во многих городах подход именно такой, а зря. И если из всех искусств наиважнейшим для нас является искусство освоения выделенных средств (это — конек, владеем мастерски!), то разработка системы показателей и индикаторов воспринимается из области чуть ли не научной: «Вам там наверху делать особенно нечего, вот вы и придумываете всякие (нам) схемы и (себе) оправдания, чтобы отвлечь простых людей на местах от возмущения». А ведь понятия «эффективность» и «результативность» далеко не абстрактные. И приложи мы сегодня к этому определенные усилия, уже завтра нам не придется делать ненужные телодвижения и тратить лишние деньги.

Что же касается обозначенной Зверевым триады «затраты — результат — общественный эффект», то для многих властотерпцев на местах третье наглухо спаяно со вторым. Всякая попытка их разъединить означала бы осознание того, что любой результат промежуточен. На пользу людям — вот цель. Это прозрение автоматически приво-

дит к дополнительной ответственности — уже за эффект от полученного результата, к необходимости продления анализа до «самого конца» — до людей.

Выходы? Я думаю (надеюсь), есть. Во всяком случае, «Деньги» добавляют моим депутатским проповедям некую оптимистическую основу. Зверев довольно внятно обозначил пути выхода из кризисного (я настаиваю именно на этом эпитете) состояния МСУ. Однако я хотел бы остановиться на одном, с моей точки зрения, наиболее важном и интересном аспекте.

Мониторинг действий властей, расходования бюджета. Комплексный. С привлечением широкого ресурсного спектра: самой общественности, СМИ, НКО, других МО, то есть перекрестный мониторинг.

Книга представляет этапы его оценивания на уровне предварительного прогноза и итогового. Отлично. Я бы добавил «самого предварительного», направленного на получение информации о том, что же мы имеем в исходном состоянии. В том числе чем наш человек дышит и в «нужном» ли направлении. Это первый критерий.

Второй — рассматривать оценивание как внешнее (независимыми экспертами) и внутреннее. Думаю, имеет смысл отдельно выделить потребительское оценивание, то есть теми, кому, собственно, и оказывается муниципальная услуга.

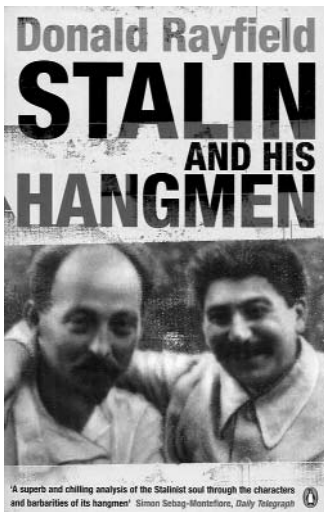
Важным свойством мониторинга должна стать его регулярность, системность и независимость. Что касается комплекса показателей и индикаторов результативности и эффективности действий власти, то без него не должна приниматься ни одна программа в МО. Именно на этом этапе необходимо ясно представлять, чего же мы ждем от своих действий. В отношении и промежуточных результатов, и конечных. И в отношении общественного эффекта. Это святое. Это навигационное оснащение нашего судна. Это то, без чего теряется смысл работы органов МСУ.

Есть о чем подумать, правда?

В заключение хочу выразить надежду, что книга найдет своего читателя в каждой закоулке нашей с вами необъятной Родины. Побольше мыслей, хороших и разных!

Сталин с нами

David Rayfield. Stalin and his hangmen. An authoritative portrait of a tyrant and those who served him. — London: Penguin books, 2005. — xxvi, 528 p.

Еще недавно для многих было очевидно, что сталинизм как жанр интеллектуального творчества безнадежно угасает. Тема выглядела не столько надоевшей, сколько исчерпанной: за годы горбачевской гласности, как представлялось, наше общество самым обстоятельным образом высказалось по данному поводу. Но в последнее время, однако, что-то изменилось. Сталинская эпоха вдруг опять начала будоражить исследователей и обычных людей, а на прилавках снова появились книги со знакомыми усами на обложке. Пытаясь разобраться в том, зачем он написал свою книгу, британский литературовед Дональд Рэйфилд указывает главную причину: «Несмотря на откровения перестроечного десятилетия, вирус стали-

низма до сих пор сидит в теле российской политики, неизменно оживая в периоды кризисов» (р. xxiii). С автором трудно спорить, ибо в подтверждение своих слов он ссылается на обстоятельства, известные каждому думающему россиянину. В отличие от гитлеровского геноцида, преступления которого считаются неоспоримыми, геноцид сталинский по-прежнему упорно ставится под сомнение, причем именно в той стране, которая от него наиболее пострадала. Кроме того, культ «государственной безопасности», старательно возрождаемый сегодня в России, также заставляет задуматься о перспективах нашего общества и его способности к самообновлению. Наконец, ползучая реанимация советской эпохи, осуществляемая нынешними руководителями страны, заметно обесценивает надежды на изживание и преодоление сталинского наследия.

У этого повествования своеобразный фокус. Автор, человек явно старомодный, пытается понять, какими моральными качествами нужно было обладать, чтобы стать бессловесным орудием Сталина; его интересует та смесь «расчета, страха, садизма, глупости и заблуждения», которая отличала — и по сей день отличает — многих и многих сталинских сподвижников и приверженцев. Поскольку главным поставщиком подобных кадров выступал институт ЧК — ГПУ — НКВД — МВД — МГБ, особое внимание Рэйфилд уделяет его высшим руководителям: Феликсу Дзержинскому, Вячеславу Мен-

жинскому, Генриху Ягоде, Николаю Ежову и Лаврентию Берии.

Как и следовало ожидать, в итоге получилась галерея весьма отталкивающих портретов. Многие детали и подробности, скрупулезно подобранные автором, давно известны, но когда читаешь его книгу, все равно делается страшно. Ибо в главном Рэйфилд прав: покаяние так и не совершилось и не похоже, что оно совершится в ближайшие годы. Между тем, «до тех пор, пока эта история не будет рассказана от начала и до конца, до тех пор, пока мировое сообщество не сумеет настоять на всесторонней и окончательной оценке сталинского наследия, Россия останется духовно больной и терзаемой призраками Сталина и его палачей. Или, что еще хуже, она будет мучиться кошмаром их возвращения» (р. 458). Как мне кажется, к этому выводу трудно что-либо добавить. И последнее. Листая книгу, я с удивлением обнаружил, что Дональд Рэйфилд отнюдь не историк. Он специализируется на грузинской и русской литературе, а ныне возглавляет коллектив ученых, которые составляют англо-грузинский словарь. Надо сказать, что художник подмечает порой гораздо больше, чем историк или политолог. Ведь, помимо всего прочего, сталинизм еще и эстетическое явление; с этой стороны на него смотрят довольно редко. И — напрасно. Автор, на мой взгляд, убедительно продемонстрировал это.

Андрей Захаров

Региональное книжное обозрение

Е. Г. Водичев. Европейский союз и Сибирь. Опыт реализации программ технического содействия в Сибирском регионе. – Новосибирск, 2004–463 с.

Отношения Россия – Европа на протяжении всей истории были непростыми. Сейчас мы переживаем некий новый этап, связанный с тем, что изменился Евросоюз, принявший в свои ряды сразу небывало большое число новых членов. Меняется динамично и Россия, причем вектор этих перемен порой не представляется достаточно ясным. А на пороге 2007 год, когда завершается действие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией. Будет ли оно продлено или потребуется выйти на какой-то новый формат для продолжения взаимодействия? Скорее всего, предстоит серьезное обновление всей системы отношений. Ведь Россия к этому моменту, как предполагается, уже должна стать членом ВТО и прежнее соглашение устареет. Неизбежно встает вопрос: что сохранить из прошлого опыта, как сберечь самое ценное из принципов и механизмов, сформировавшихся за многие годы, учитывая современные реалии.

На этом фоне книга, вышедшая в Новосибирске, приобретает особую актуальность и ценность. Не только российского, но – без преувеличения – глобального масштаба. Ее автор профессор Е.Г. Водичев с глубоким знанием предмета и научной тщательностью анализирует опыт почти полутора десятков лет реализации в Российской Федерации программы технического содействия странам СНГ со стороны Европейского союза – *TACIS*. Анализ строится в основном на материале крупного региона, можно сказать – комплекса регионов – субъектов Рос-

сийской Федерации, каким является Сибирь. От этого анализ, с одной стороны, обретает конкретность, высокую степень достоверности, убедительности, тем более что автор живет в Сибири и участвует в реализации исследуемых проектов, а с другой – репрезентативность. Не вызывает сомнений при всем своеобразии Сибири, что содержащиеся в книге наблюдения, выводы и обобщения полезны и применимы в других регионах, значимы для всей России. Они представляют интерес и для специалистов Евросоюза.

Программа *TACIS* вроде бы известна всем и давно. Отношение к ней неоднозначно: одни ее недооценивают и безудержно ругают, другие в чем-то переоценивают. Однако и те и другие, по замечанию одного из авторов вступительной статьи, зачастую недостаточно знают реальные факты. Особенно касающиеся эффективности программы. И это относится к «обеим сторонам Европы». Профессор Водичев дает возможность восполнить такого рода пробелы. Книга насыщена конкретной информацией, фактами, примерами, статистикой.

Автор рассматривает различные аспекты программы и сектора ее действия. Он начинает с принципов ее формирования и методологии реализации проектов, анализа тех структур, которые обеспечивают эту реализацию. Последовательно рассматривается стройная логическая цепочка проектов, которая сложилась и совершенствовалась в процессе практики: содействие развитию экономики, в частности реструктуризация энергетики, промышленных предприятий, агропромышленного комплекса, модернизация инфраструктуры, а также реформирование систем государственного и муниципального управления в

Сибири, инновационные и образовательные проекты. Не ставя перед собой задачу пересказать выводы автора, что невозможно да и не нужно, отмечу лишь некоторые моменты, которые привлекли мое внимание, поскольку представляются актуальными с точки зрения прежде всего дальнейшего развития взаимодействия ЕС и России.

Программа *TACIS* не была, конечно, решающим фактором преобразований в России, но она оказалась чрезвычайно полезной именно в переходный период, когда в стране формировались новые экономические и политические отношения, новое государственное устройство и рынок. Опыт сотрудничества европейских и наших специалистов, особенно в совместных коллективах, показал, что их образованность, уровень технических знаний, деловые качества можно оценить как равные, однако у наших специалистов отсутствовало чувство рынка, опыт менеджмента в непривычных новых условиях. Программы, включавшие, в частности, обучающий компонент, оказались в этом смысле эффективными.

Вместе с тем автор утверждает, что прямая трансляция западных технологий в нашу практику (во всех сферах деятельности) практически невозможна или контрпродуктивна. Требуется их адаптация к российским реалиям. Недостатки в реализации программы были связаны главным образом как раз с тем, что западные эксперты плохо представляли специфику России, даже ее потребности, а также степень готовности к восприятию тех или иных новшеств. Программа реформировалась уже в ходе ее реализации.

Ставя перед собой и читателями вопрос «что дальше?», автор говорит, что для современной России уже не годится сам термин «техническое содействие». Собственно, переход от содействия к партнерству уже свершился. Более того, как было сказано выше, партнерство неизбежно должно совершенствоваться, принимать новые формы. Думается, даже активизированные сейчас «дорожные карты» нужны, но уже в

ближайшей перспективе недостаточны. Книга профессора Водичева подтверждает, что главное — заинтересованность ЕС и России в сотрудничестве «на основе позитивной взаимозависимости» (как говорится в одном из документов ЕС). Формы же более продуктивного взаимодействия предстоит активно искать, поскольку до пересмотра Соглашения о партнерстве и сотрудничестве осталось совсем немного времени.

Александр Волков

Гражданское общество и государство. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. — 272 с.

Словосочетания «гражданское общество», «права человека» в наши дни уже не вызывают у собеседника вопросительно-неопределенное выражение лица или ироническую улыбку. Несомненный прорыв в публичность, который носит, правда, скорее лингвистический характер.

Евгений Ясин в предисловии к книге цитирует Послание Президента РФ Владимира Путина 2004 года Федеральному собранию: «Для части этих организаций (НКО. — А.Н.) приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других — обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов. Когда речь идет о нарушениях фундаментальных и основополагающих прав человека, об ущемлении реальных интересов людей, голос подобных организаций подчас даже не слышен. И это не удивительно: они просто не могут укусить руку, с которой кормятся».

А потом был Беслан, после которого президент сообщил, что для победы над терроризмом нам нужно единое и сплоченное гражданское общество.

Терминологическая путаница и своеобразные представления о гражданском обществе, все еще свойственные сознанию то ли самого президента, то ли его спичрайтеров — символические метки государственного мес-

сиджа в адрес неправительственных организаций.

Все в том же 2004-м году президент подписал Указ «О дополнительных мерах государственной поддержки правозащитного движения в России». А в Госдуме активизировались попытки по внесению изменений в Налоговый кодекс, регламентирующих процедуру регистрации выдачи грантов. По существу, эти красивые, лакированные под обертку шоколада документы серьезно тормозят развитие гражданского общества и самого правозащитного движения.

Книга состоит из двух частей. В первой — доклад Шерри Бут, супруги премьер-министра Великобритании, на семинаре в Высшей школе экономики о деятельности неправительственных некоммерческих организаций в Соединенном Королевстве и материалы последовавшей затем дискуссии. Семинар прошел осенью 2003 года. Вторая часть: размышления, исследования, комментарии экспертов, чьи имена хорошо известны в российской либеральной среде.

Евгений Ясин, очень остро ощущающий время, считает: «Эти материалы помогают представить, куда поворачивается дело, и потревожить наше утомленное стабильностью общество — пора просыпаться!»

Ощущение времени и того, что происходит с российским гражданским обществом, лучше всего прослеживается в двух выступлениях (одно — в первой части книги, другое — во второй) председателя Московской Хельсинкской группы Людмилы Алексеевой. Построено, существует ли гражданское общество в России? Как и куда развивается президентская или околопрезидентская мысль по отношению к гражданскому обществу? Что означает сотрудничество власти и НКО? И действительно ли тенденция к установлению контроля бюрократии над процессами развития гражданского общества есть «следствие безошибочного нюха на опасность утраты власти»? Людмила Алексеева, своеобразный камертон и вчерашних, и сегодняшних правозащитников,

не ограничивается лишь собственными оценками, а приводит в качестве аргументации и расширения-углубления картинку мнения своих коллег. И выясняется, что помимо внешних проблем у правозащитного движения полно внутренних. Но не мелких, а скорее свидетельствующих о глубине осмысления в процессе самоопределения. Руководитель одной из самых известных гражданских структур в России пермяк И. Аверкиев говорит о кризисе идентичности. Исполнительный директор Социально-экологического союза С. Забелин откровенно признается, что сегодняшние идеи гражданского движения объективно не нужны большей части наших соотечественников.

На этом фоне выступление Шерри Бут смотрится счастливой рождественской сказкой. Ну, а как иначе, если в Великобритании никакой регистрации общественных объединений вовсе не требуется. И что большинство этих организаций работают в сфере благотворительности. Нам бы ваши проблемы.

Шерри Бут отвечает на эту повисающую в воздухе тираду: «Если общество и экономика недостаточно развиты, то люди, работающие в НКО, будут в первую очередь думать не об эффективном предоставлении услуг, а о своей выгоде».

Тем не менее не хочется говорить об отсталости гражданского движения в России. Напротив, думается, что уровень осмысления и количество барьеров на пути гражданского общества и делают наши некоммерческие организации сильнее, разнообразнее в смысле форм и методов их работы.

Венчает книгу аналитический и справочный материал, повествующий о юридических аспектах регулирования НКО в России, о международном опыте некоммерческого сектора. Приводится даже краткое изложение законодательства США об организациях, освобождаемых от налогообложения. Любопытная информация.

*Андрей Никитин
(Пермь)*

Александр Архангельский,
«Известия» — специально
для «Общей тетради»

Контрапункт

ДЕМОКРАТЫ В КАВЫЧКАХ

А.В. Лукин. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов» (1985–1991). — М.: Научная книга, 2005. — 502 с.

Понятие «политическая культура» — одно из ключевых в языковом коде развитого общества; у нас оно до сих пор употребляется редко, в лучшем случае как красивая метафора, за которой с трудом просматриваются реальные смыслы. Культура для нас — это что такое? Это прежде всего искусство, литература, на худой конец философия. То есть мы говорим о культуре не в попперовском приземленном смысле, а исключительно в кантовском, возвышенном. Теперь задаем другой вопрос. Политика для нас — это что такое? По преимуществу — набор технологических приемов по завоеванию и удержанию власти, а также система лозунгов, способных пробудить гражданскую активность избирателя и направить ее по необходимому для правящего класса руслу. То есть о политике мы говорим только в белковско-павловском, приземленном смысле, и никогда — в аристотелевском, возвышенном. Сфера высокого, чистого, светлого — и свалка грязного белья; что может быть

между ними общего? Если угодно, общим между чистым и грязным является стиральная машина; но чтобы такой демократичный механизм всеобщей чистки мог быть придуман и сконструирован, прежде должна была сформироваться культура общественной гигиены. В социумах, где такая культура отсутствует, где дурно пахнущие бомжи и надушенные аристократы в белых одеждах между собой никогда не пересекаются, в стиральной машине нет необходимости; аристократам хватает прачек, полощущих белье по колено в ледяной воде, а смерды на то и смерды, чтобы смердеть.

То, что Александр Лукин, описывая процессы системного преобразования России в 1985–1991 годах, не просто использует понятие политическая культура, но и строит на нем, как на смысловом фундаменте, всю конструкцию своего исследования, большая его заслуга и явное научное преимущество. До тех пор пока исследователи не начнут сверять действия конкретных политиков с идеальной моделью здоровой политической культуры, этого не станут делать журналисты; пока этого не станут делать журналисты, на это не будут ориентироваться политики. Как бы кто ни отнесся к конечным выводам и начальным посылам А.В. Лукина, эту заслугу

автора ни один оппонент отрицать не станет, равно как никому в голову не придет отвергнуть саму методу, избранную исследователем: опрос, интервью с теми активными участниками демократического движения, которые готовы вместе с нами оглянуться назад, посмотреть на процессы, в которых они участвовали, и на самих себя с высоты приобретенного опыта. По крайней мере многим из них так кажется, что — с высоты; автор, кажется, поддерживает их в этом убеждении.

В конечном счете, слегка огрубляя и спрямляя, можно сказать, что А.В. Лукин приходит к такому выводу: источник политической культуры российских «демократов» — не дореволюционная традиция и не западная мысль, а сама же советская политическая система, повлиявшая на все, в том числе на механизмы адаптации новых явлений жизни к привычным представлениям «демократической» элиты. Автор ставит слово «демократы» в кавычки, чтобы отделить специфически российское явление, которое он пытается описать, от демократов западного и дореволюционного образца; вольно или невольно эти кавычки превращаются в оценочный знак: демократы в кавычках. Отсюда все противоречия и сбои в процессе реформирования общества, нетерпимость, однозначность реакций и одноцветность оценок, революционный задор и пафос нескончаемой борьбы до победного конца, отсутствие привычки к диалогу и компромиссу, то самое не-

терпение, о котором был написан знаменитый контрреволюционный роман Юрия Трифонова. В какой мере это объективная, научная правда, а в какой — следствие партийно-политической ангажированности А.В. Лукина, судить читателю.

Только одна цитата, иллюстрирующая ход мысли и обнажающая историческую логику автора: «Любая уступка режима, его попытки провести демократические реформы воспринимались как слабость, которой необходимо воспользоваться, чтобы добить «зверя», его вялые попытки показать силу — как новое доказательство его разрушительных целей... К началу девяностых годов идеи решительной борьбы с режимом все более захватывали «демократическое» движение... Наиболее радикально-рыночные планы преобразования экономики в стиле чикагской школы Ф. Хайека и планы уничтожения «империи», которые не снились даже ЦРУ, оказались наиболее популярными в «демократической» среде...» Образ сомнамбуличес-

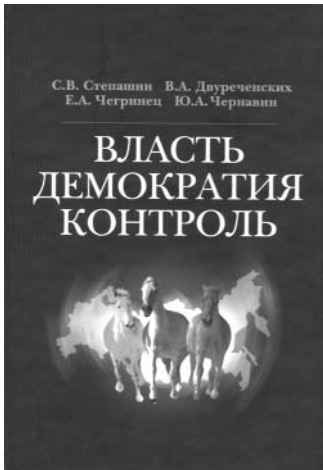
кого ЦРУ, планирующего уничтожение «империи» (тут кавычки меняют смысл, подчеркивают, что никакой империей поздний Советский Союз не был); образ зловещих «демократов», замысливших радикальные (читай: жестокие) реформы; образ самообновляющейся горбачевской власти, которую, как зверя в клетке, травят «демократы»... Это не наука, это отголоски давнего политического спора между ранним «Яблоком» и будущим ДВР, между несимпатичным автору (и это его право!) Гайдаром и столь же симпатичным ему Примаковым; принимать участие в таком споре как-то не хочется, поздновато. Даже когда сталкиваешься с такими пассажирами: «Проблемы, возникшие позднее, уже в результате такой политики, — распад государственности и вызванные им межнациональные конфликты...» А мы-то думали, что распад государственности был закономерным следствием краха коммунистической системы, сгнившей изнутри...

Допускаю, что здесь срабатывает политическая ангажированность рецензента; что люди, голосовавшие за Явлинского и Примакова, Лужкова и Шаймиева полностью поддержат автора и сочтут его конкретные выводы истиной в последней инстанции. Но в любом случае ценность книги А. В. Лукина в другом. Он реабилитировал понятие политической культуры; он точно диагностировал советские корни демократической культуры 1990-х и подтвердил свой диагноз многочисленными интер-

вью; он нашел яркие слова Жванецкого для определения тех процессов, которые шли в 1985–1991: невежество против несправедливости. Но как вспомнишь ту несправедливость, которая безраздельно правила до и вполне готова править нами опять, так предпочтешь невежество, оказавшееся способным сокрушить мертвое царство несвободы. В конце концов невежество можно постепенно образовывать, а несправедливость можно только разрушить.

КОНТРОЛЬ БЕЗ КАВЫЧЕК

С.В. Степашин, В.А. Двуреченских, Е.А. Чегринцев, Ю.А. Чернавин. Власть. Демократия. Контроль. — М.: *Финансовый контроль*, 2005. — 252 с.

Может быть, в голове моей уже все перепуталось, но, кажется, во времена коммунистической несправедливости, еще не побежденной демократическим невежеством, всюду висели плакаты с цитатой из Владимира Иль-

ича: «Демократия есть сплошной учет и контроль». Тов. Ленин умел давать гениальные формулировки, производящие должный агитаторский эффект, но не подлежащие воплощению в жизнь. «Учение Маркса все-таки сильно, ибо оно верно». (См. у Чехова: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».) «Учиться, учиться и еще раз учиться коммунизму». Что все это значит? А ничего. Потому что не определено, что такое коммунизм, с чем его едят. И не сказано, кто кого будет контролировать, от чьего имени, на каких принципах и с какой целью. Подразумевается: государство — гражданина, действующего на производстве, в интересах власти, на принципах революционной целесообразности. А должно бы подразумеваться: общество, в интересах граждан, на принципах прозрачной законности. Если, конечно, речь идет о демократии, а не о чем-то противоположном.

Собственно, авторы книги «Власть. Демократия. Контроль», непосредственно связанные со счетными палатами разных уровней, об этом и пишут. Как выстроить отношения с властью таким образом, чтобы она использовала контролирующие органы не в интересах правящих группировок, а в интересах государства; как, в свою очередь, противоречивые интересы государства соотносить с базовыми интересами общества; как превратить систему тотального контроля в систему демократического аудита. То есть за-

ложить основу ключевого, опорного элемента современной политической культуры, запустить самонастраивающийся механизм, готовый работать на граждан в целом, а не на отдельных граждан при исполнении. В штатском и в погонах...

Разумеется, теоретические построения авторов книги — это одно, а та политическая, экономическая, социальная реальность, внутри которой им приходится жить и действовать как практикам, облеченным полномочиями и ответственностью, — нечто другое. Они, как никто из нас, знают, с каким давлением властей, верховных и местных, приходится сталкиваться любому аудитору при решении сколько-нибудь конфликтного вопроса; они не абстрактно, а на собственной шкуре ощущают всю зыбкость и призрачность наших демократических институтов, которые должны защищать аудиторов от тотального покушения властей всех уровней, да не обеспечивают ничего. И не скоро начнут обеспечивать. Но в том и дело, что без теоретического упрямства, без идеалистической веры в цель, которая пока непоправимо расходится с наличными средствами, — никогда ничего не переменишь, несправедливость будет обороняться от невежества, а очищающая нравы политическая культура не станет таким же обиходным явлением, каким в новой России стали посудомоечные и стиральные машины. А ведь совсем недавно казалось, что и это невозможно.

8 сентября скончался Алексей Михайлович Салмин – один из основателей Школы, ее постоянный эксперт, поражавший всех, кто его знал или слушал его лекции, масштабом своего дарования и поистине энциклопедической эрудицией. Ушел из жизни талатливый ученый, имевший безупречную репутацию в профессиональной среде, верный и отзывчивый друг. Наша скорбь о его безвременной кончине глубока, искренна и бесконечна.

Лена Немировская
Юрий Сенокосов

«Держись моих правил...»*

...Люби то-то, то-то,
Не делай того-то,
Кажись, это ясно...

А.С. Пушкин

Вопрос о том, чему научила меня жизнь, в общем, пришлось кстати. Гипсовый ботфорт мешает вести привычный образ жизни, и в этом есть свои преимущества. Появилось время писать необязательные вещи. Их могут критиковать за что угодно, но ни один критик не посмеет сказать, что они пишутся левой ногой, — она в гипсе. Наконец, сейчас я точно знаю, как приступить к ответу на каверзный вопрос, а это обычно самое трудное. Не следует карабкаться в сумерках по склонам, в особенности — если моросит дождь, вот чему жизнь меня научила. Важное качество того, что мы называем жизненным опытом, — свежесть.

Жизненный опыт персонален и не предполагает обязательности или даже актуальности для всех. Он ценен как раз своей неповторимостью. В этом смысле усвоение таблицы умножения или преобразований Лоренца само по себе вряд ли можно отнести к жизненным урокам, если только постижение обязательных начал не сопровождалось какими-нибудь «жестокими и необычными», как гласит американская конституция, обстоятельствами. Встречаясь с бывшими одноклассниками, мы редко вспоминаем, чему нас учили в школе, зато почти всегда — чему каждый из нас там научился к чести или стыду учителей. В жизненном опыте больше от ноу-хау домашнего варенья, от борцовских приемов или же от секретов китайской кухни. Если ваш китайский сотрапезник говорит вам, что в какое-то блюдо надо обязательно добавить именно этот соус, это не всегда значит,

* Публикуемый текст был написан Алексеем Михайловичем три года назад — я обратился в то время к экспертам Школы с просьбой рассказать о том, чему их научила жизнь. А.М. лежал со сломанной ногой и написал большой текст, часть которого вошла в подготовленную в настоящее время к изданию книгу «Школа. О смыслах и чувствах». А оставшаяся часть печатается в этом номере журнала. Она воспринимается как его завещание, побуждающее нас к дальнейшим размышлениям о судьбах нашего общества и человеческой ответственности. — Ю.С.

что так полагается. Просто он только что попробовал, ему понравилось и он хочет разделить удовольствие с вами...

Лет двадцать тому назад в Вологодской области мы с одним из моих друзей допоздна засиделись у костра, а когда взглянули вначале на небо, а потом на часы, то оторопели. Время заката давно прошло, но заря на западе не только не гасла, но, напротив, ширилась, разгораясь какими-то странными огнями: лимонным, сиреневым, фисташковым. Полночи мы ждали конца света, а потом, конечно, не выдержали и пошли спать. Утро было вполне заурядным, как и весь следующий день, и все дни потом. Однако не только мы видели все это, и небесное явление живо обсуждалось. Одни специалисты полагали, что граница каких-то слоев стратосферы пролегла в ту ночь то ли ниже, то ли выше, чем обычно, и образовались серебристые облака. Другие грешили на несвойственное этим широтам северное сияние. «Есть множество такого, друг Гораций...». «There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamt of in our philosophy». Ни один переводчик «Гамлета» не сумел толком справиться с этими двумя строчками — размер оригинала тесноват сразу для «неба» и для «земли» по-русски, но не в этом суть. Я так и не разобрался, какая все же связь существует между рассуждениями профессионалов и виденной мною небесной феерией. Однако с тех пор я стараюсь не терять дара речи, сталкиваясь с не лезущим ни в какие ворота, и склонен считать это качество ценным приобретением не только для голкиперов и вахтеров, но и для обычных людей.

Неописуемый опыт может не только приобретаться раз и навсегда, как умение ездить на велосипеде. В нем, как и в этом умении, можно совершенствоваться. Старики часами пишут иероглифы на раскаленных плитах мостовой перед пекинским Тянь Тан — Храмом Неба. Они стоят поодаль друг от друга, не обращая ни малейшего внимания ни на своих товарищей, ни на праздных зевак, вроде меня. В руках у каждого кисть, на первый взгляд похожая на обычную малярную. Однако вместо мочальных метелок на концах этих орудий большие волосяные капли, делающие их многократно увеличенным подобием беличьих или колонковых кисточек для акварели и туши. Кисти окунаются в пластиковые ведерки с водой, ею-то старики и пишут триады иероглифов. Когда дописывается третий иероглиф, первый уже успевает испариться, второй испаряется на глазах, и плиты готовы для начала нового упражнения в каллиграфии. Возможно, эта технология родилась из-за дороговизны бумаги на ее исторической родине, однако следствие поливалентно и, как правило, быстро освобождается от обязывающей связи со своей причиной. Как бы то ни было, формула Маршалла Маклюэна, согласно которой средство — это и есть сообщение, очевидно, справедлива не всегда, не везде и не во всем. Только в высшем, евангельском, смысле первое и второе вполне совпадают. В зазоре между сообщением и средством — вся история человечества. «Язык выстуживает душу», — написал однажды И.В. Киреевский своему другу А.С. Хомякову, извиняясь за лапидарность очередного послания. Собрание сочинений Хомякова насчитывает восемь томов, собрание сочинений Киреевского — два. Я не знаю, имеет ли фраза Киреевского отношение к этому обстоятельству, однако, по-моему, ему удалось не в бровь, а в глаз уколоть светскую мысль, претендующую на органическую связь с русским Православием, вобравшим в себя традицию молчаливого умного де-

лания — исихазма. Обратившись к «насущным вопросам современной жизни», русская религиозная философия начала усердно претворять Православие в православие. Подвиг духа и одухотворенной плоти исподволь подменяется усилиями благочестиво настроенного интеллекта, размышляющего и рассуждающего о подвигах духа и плоти.

Самый ничтожный повод может вызвать к жизни текст, к содержанию которого не имеет ни малейшего отношения. Вообразите себе заседание литературного общества в университете одного из штатов американского Юга. Гостиная в профессорском доме, распахнутая на три стороны и естественным образом включающая в себя часть газона. Приглашенные рассказываются и растягиваются на стульях, в шезлонгах, на полу. Длинная рыжая девица вначале битый час читает прозаическую концепцию своей поэмы «Прекрасная Елена» с самоанализом, а затем минут десять саму поэму. Белый стих тяжеловат, темен и не всегда правилен, хотя в части сюжета безыскусная поэма не лишена оригинальности. В Троянской войне виноваты мужчины, а не богини. Пламя Илиона не искупает тлеющего пламени страстей, и Елена после каких-то гомерических перипетий находит приют на острове, связанном в эллинской поэзии с именем Сафо. Самоанализ же сводится к описанию того, что видела, ела и пила сочинительница, трудясь над той или иной строфой, и о чем она в тот момент думала. Так, строке «Бесплодный Менелай, насильник, жалкий воин...» (пер. мой. — А.С.) соответствует момент, когда к поэтессе на подоконник вскочил кот Трой с полевкой в зубах. Имя этого кота, тенью мелькнувшего в комментариях и затем безвестно слинявшего (словечко из словаря Владимира Даля в версии П.А. Бодуэна де Куртенэ), показалось мне довольно подозрительным. Я иногда пытаюсь угадать, из какого слова родилась идея текста и, если речь идет о стихотворении или коротком рассказе, какая строчка в нем была на самом деле первой, и какая — главной. Ради какого спутника, забрасываемого в пространство, сооружена многоступенчатая ракета-носитель, и ради взятия какой крепости — турысы на колесах. С отдельной строфой такие операции проделывать проще, чем со стихотворением в целом, и с плохими стихами проще, чем с хорошими. Стихам совсем не обязательно быть гениальными, чтобы расти из какого-нибудь сора. Текстам вообще свойственно расти неизвестно откуда. Из неуловимых впечатлений, объяснение которых, как у рыжей поэтессы, ничего не объясняет. От внешне случайного раздражения, как жемчужина или злокачественная опухоль. И потом они живут своей независимой от авторских замыслов жизнью, иногда рождая целые области бытия со своей многовековой историей, политикой, экономикой. Я говорю сейчас даже не о таких всемирно-исторических явлениях, как ведическая, библейская или кораническая цивилизации, а, например, о «культурах» Шекспира, Гёте, Б. Акунина и других читаемых авторов. При этом развивающиеся тексты вовсе не обязательно имеют исключительно литературный, вообще вербальный характер. Бетховен посвящает королю француз-

*Мы редко вспоминаем, чему
нас учили в школе, зато почти всегда —
чему каждый из нас там научился
к чести или стыду учителей*

ских скрипачей Рудольфу Крейцеру сонату для скрипки и фортепиано — усладу музыковедов и профессоров (но не студентов) консерватории. Толстой пишет свою «Крейцерову сонату», почему-то навеянную именно бетховенским опусом 47, и она дает пищу критикам и литературоведам и т. д. Тексты, помимо прочего, творят вполне материальные миры, предоставляя людям работу в разных отраслях промышленности, включая целлюлозно-бумажную и все, что ее обслуживает. Рекламные находки, то есть символы, а не чувство голода — двигатель сегодняшней пищевой промышленности. Любой автор — вольный или невольный трансформатор неведомых мусических стихий в малоизученные, но вполне осязаемые энергии культуры. И включается этот трансформатор подчас по самым невероятным, то есть непредсказуемым, причинам.

...Собрание долго обсуждает, по какой генеалогической линии — через Т.С. Элиота, Готфрида Бенна, конечно Йетса, или же через Мэри Годвин, сестер Бронте и т. д. — можно возвести к узловатому корню мирового литературного древа творение местной знаменитости. Свою версию — через Льюиса Кэролла по чеширской линии — благоразумно оставляю при себе. Между тем, запутавшись в сюжетных и концептуальных филиациях, общество переходит было к психоанализу, но тут толковище как-то быстро сворачивает на факультетские сплетни и архетипические, то есть бородатые, анекдоты и затухает — благо, пора разъезжаться. В самом деле, если нет ясной, например, терапевтической цели, из подсознания многого не вытащишь. Психология помогает объяснить историю, но не рассказать ее. Рождение сюрреализма сопровождалось надеждами на возникновение какой-то новой реальности, по крайней мере новой знаковой системы, превосходящей все остальные. Однако искусство обогатилось всего лишь некоторым количеством тиражируемых архетипов и правилами игры с ними, включая самоцензуру. Выплеск психокосма в мир культуры породил очередной жанр со своими графическими мэтрами и живописными маркизами, своими единоличниками и, конечно, эпигонами и мастерами рекламы. Рыли котлован под рукотворное море, нацедили громадную лужу. Впрочем, небо отражается и в море, и в луже.

С тех пор как в нежном возрасте я под бдительным руководством бабушки выучил «Где гнутся над омутом лозы...», слишком навязчивые призывы к погружениям в глубины вызывали у меня некоторый скепсис. Более полутора веков тому назад Сент-Бёв язвительно заметил по поводу Токвиля, что тот «не скользит по поверхности, но и не достигает самого дна». Какое дно может быть у бездны? Мне, в общем, импонирует отношение к этому вопросу подводников, считающих, что погружаться всякий раз следует на глубину, оптимальную для выполнения правильно поставленной задачи. На оккамову глубину: *nil supra necessitatem*. Это важно, а различие «большой теории» и «теорий среднего уровня» — дело вкуса. Что до дна бездны, то там хранятся такие сокровища, как чертеж вечного двигателя, рецепт счастья, секрет вечной молодости, коммунизм, неразменный рубль (не путать с неконвертируемым!), общая теория относительности в применении к Вселенной и полное собрание оксюморонов.

Восхождение на глубину требует и общей концепции, и ноу-хау, всегда оставаясь, в конечном счете, искусством конкретного и постепенного дела. Художник Павел Филонов, достигший к 1928 году вершины славы, расска-

зывает в письме молодой художнице Вере Ш., как он работает. «Пошли к черту всякое понятие о каком-то «общем» — позволь вещи развиваться из частного до последней степени развития, — тогда ты увидишь настоящее общее, какого и не ожидал. Когда вещь будет так сделана, то, если понадобится, сделаете вывод, т. е. проработаете в иных местах вторым, третьим слогом (у меня доходило до 9 слогов)». Это письмо стало культовым, как теперь принято говорить, у адептов «аналитического искусства». Оно существует во множестве неточных копий с ошибками, пробелами и темными местами. Веру Александровну Ш. я знал в детстве. Чуть ли не в любое время года она приходила к нам домой в какой-то рыжей мутоновой папаше, заломленной набекрень, длинном просторном пальто, курила «Беломор» или «Аврору» и говорила — всегда возбужденно и убеждающе — хрипловатым прокурненным контральто. К сожалению, меня тогда больше интересовали ее замечательная шапка и вензели, которые она рисовала в воздухе папиросой, чем ее слова. По-моему, она не очень любила детей и не уделяла мне специального внимания, как другие взрослые. Гораздо позже мне сказали, что много лет ей пришлось провести в лагерях. Годы спустя, студентом, я в немужейной обстановке добрался до одной филоновской картины, всю ее тщательно осмотрел и едва ли не ошупал, в том числе и в местах, обычно скрытых рамой. Никаких следов многочисленных лессировок («до 9 слогов»), признаться, на том полотне я не обнаружил. Недавно, перечитывая случайно попавшееся мне на глаза то самое филоновское письмо юной Вере Ш., я вдруг нашел то, на что в свое время не обратил особого внимания. «Знайте, — пишет маэстро, — что самое высшее содержание картины — это ее сделанность. Это является и ее наивысшей ценностью и ее критерием. Этот профессиональный критерий включает в себя и идеологический критерий вещи». Представление о том, как может быть написана картина, входит, очевидно, в ее концепцию, даже если написалась она на этот раз почему-то совсем по-другому. Как совсем не по замыслу сложилась жизнь корреспондентки Филонова, да и его собственная. В этом противоречии — единство стихии творчества и его свободы, созвучное «жизни жизни». То, что в эпоху Татлина и Гастева естественно было именовать «сделанностью», я бы назвал, пожалуй, выращенностью. Конфликт развитых частных рождает многое такое, о чем заранее и помыслить невозможно, и происходит это без царапанья половником по дну психологической лужи. Не говоря уже о психиатрической. «Гений, парадоксов друг» держит шизофрению на коротком поводке и в строгом ошейнике, иначе лужа оборачивается тем водоемом, который психиатрия не без оснований считает своим *tagte postum*. О квантовой механике, об уравнении Шрёдингера и т. д. рассуждать в этой связи не хочу — это не мой жизненный опыт.

Любой дельный сержант знает, что теория — необходимое, но не вполне достаточное условие успеха. Не всякий генерал, однако, догадывается, до какой степени недостаточное. Обычной и не всегда бескорыстной недооценке этой степени многим обьязано чудовище организованной культуры. В своем предсмертном интервью Ханс-Георг Гадамер говорит о жене Мартина Хайдеггера: «У этой женщины было нечто большее (чем у Хайдеггера. — А.С.), к счастью для нее, и образование было лучше, чем у мужа. Он был менее образован, хотя, как я узнал позже, он глубоко изучал философию». Надо понимать — не обязательно обладать достоинствами супру-

ги философа, чтобы написать «Holzwege», хотя и отсутствие этих достоинств едва ли стоит возводить на пьедестал. Умение создать строгую теорию того, что уже сделано при отсутствии или сомнительном участии таковой, — особый дар, не каждый раз получаемый в паре с творческим. Однако только так консервируются и затем доставляются потребителям интеллектуальные продукты. Об этом я часто не без огорчения думал, когда в докомпьютерный период своей жизни старательно подгонял какую-нибудь по возможности красивую формулу под описание трудоемких расчетов, сделанных, что называется, вручную.

В представлении о строгой теории слишком нестрого сблизилась две пары: идиографический и номотетический подход, с одной стороны, и гуманитарный и естественнонаучный — с другой. В школе я преимущественно увлекался астрономией и географией, наивно, хотя и вполне искренне, считая их науками-кузинами, занимающимися пространством, и еще за полгода до выпуска намеревался стать астрофизиком. Почти случайный выбор в пользу землеописания далеко увел меня от предмета первоначальной симпатии, так что энигма отношений между Творцом и творением впоследствии являлась мне не столько в контексте осмысления феноменов микромира и Вселенной, сколько в измерениях истории, языка и политики. При этом мне всегда казалась не очень убедительной мысль о несовместимости естественно-научного и гуманитарного методов, хотя основанные на них культуры и разбегаются, как галактики или как поезда, уходящие в разных направлениях с одной станции. Метафоричное, тяготеющее к уникальному (и в этом смысле родственное вульгарному жизненному опыту) гуманитарное знание отнюдь не чуждо поиску и формулированию «законов» — оттого и охотно математизируется, — только эти законы имеют в нем иной смысл, чем в естественно-научном. Они значимы в нем в той мере, в какой определенные суждения принимаются за аксиомы в данном контексте. Или, точнее, — в какой различные императивы и табу могут облекаться в форму суждений. Математика, как от печки, танцует от аксиомы, гуманитарные науки, претендующие, в отличие от жизненного опыта, на обобщение, хоровают вокруг тайны. Главное в них — постоянная реинтерпретация аксиоматических суждений с учетом максимально обобщаемого опыта.

Все знают, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и т. п., и так или иначе определяют для себя, чем Восток отличается от Запада. Без этого не обойтись ни в туристической поездке, ни при выработке политических решений. Луиан Пай в свое время предложил семнадцать признаков, по которым западные культуры отличаются от незападных. Спустя почти полвека эти признаки выглядят как описание того, что Пай подсознательно воспринимал как главное в западной политической культуре своего времени, и они не являются таким частным случаем какого-то более общего описания различия между Западом и Востоком, которым можно безоговорочно пользоваться в каком бы то ни было контексте. Потеряв мнимую безусловность и, в этом смысле, ценность, «признаки» Л. Пая, как факт изучаемой истории мысли, обрели новое значение и новую значимость в новом же контексте. Если бы мы могли исчерпывающим образом описать различия между культурами на каком-то научном языке, мы и договорились бы на нем об устранении этих различий, как вторичных в отношении языка и создающих «шумы» при общении. Однако здесь гуманитарное знание в гно-

сеологическом понимании, вообще наука и искусство, исчерпывают свои возможности. Взаимодействие или, если угодно, суперпозиция любых живых, а не концептуализированных или в образе выраженных культур, в том числе индивидуальных, — процесс интерсубъективный, подобный политическому. Он включает в себя две в равной степени важные, но совершенно разные, с точки зрения этоса и пафоса, стадии. Если смысл первой состоит в выдвигании плодотворной идеи, способной лечь в основу диалога, и это исходная задача гуманитарного знания, а то и искусства, то на второй стадии главным становится достижение консенсуса.

Тексты... творят вполне материальные миры, предоставляя людям работу в разных отраслях промышленности, включая целлюлозно-бумажную...

Итоговая конструкция нередко оказывается менее изящной и вызывающей меньше эстетические восторги, чем первоначальный замысел. Главное ее преимущество в том, что она прочно стоит на земле и не обрушится при первом порыве ветра. Одностороннее развитие исследовательского или художественного начала в человеке, становящееся поветрием и общественной модой, воплощает в жизнь утопии, где человек и все человеческие сообщества — объекты. Гипертрофия политического опошляет общественную жизнь и лишает общества перспективы. Вне религиозной культуры эти начала не просто систематически расходятся, но и противопоставляются друг другу, что далеко не всегда очевидно в силу то ли врожденной, то ли воспитанной религиями Откровения привычкой к монизму. Практическая необходимость их синтеза — задача более фундаментальная и менее очевидная, чем так называемое разделение властей в государстве.

Сами же неявные аксиомы гуманитарного знания имеют онтологический характер, они утверждаются подвигами духа и отстаиваются подвижничеством, в том числе вооруженным. Не знаю точно, что хотел сказать Александр Блок своим образом поэмочного призрака в венчике из роз с дюжиной «апостолов» за спиной, но, на мой взгляд, «сказалась» у него аллегория двуединства православия и бунта. После 1917 года начнется повсеместная реакция против православия. Эмигрантское «противление злу насильем» насмешливым эхом отзовется в советском «добро должно быть с кулаками». Однако дело сделано. После драки даже добру не очень пристало махать кулаками. Карабкаться по тому склону, с которого только что скатился до самого низа, очень трудно — это вновь мне настойчиво подсказывает все тот же недавний жизненный опыт. Так это или нет, однако вряд ли кому-то придет в голову защищать с помощью кулаков или оружия основы математики. Правда, однажды при мне два математика чуть было не подрались из-за первой теоремы Гёделя, но это не в счет, и не только потому, что мне удалось их разнять. Не интеллектуально, а физически, но и не в этом дело. Дело в том, что саму теорему о неполноте никто из них не оспаривал, и стычка вышла из-за интерпретации общекультурного смысла этой теоремы для таких профанов, как я, а это уже скорее гуманитарная область. С другой стороны, имплицитные аксиомы гуманитарного знания косвенно, но иногда решающим образом определяют и направле-

ние развития естественно-математических наук. Принято иронизировать по поводу таких явлений, как «арийская физика» или «социалистическая биология», и такая реакция естественна, почти инстинктивна в рамках доминирующей парадигмы. Конкурируют между собой, однако, не только научные школы, но и парадигмы науки, и победа как первых, так и вторых зависит не только от доказательств теорем, но и от того, какое толкование имплицитных аксиом становится господствующим, и сколь повсеместно и надолго господствующим.

Говорят, что перевелись, как динозавры, крупные мыслители и политики. Эра раннего Интернета неблагоприятна для «властителей дум» — властителей-думм в стране-буфф. В особенности неблагоприятен период вторичного упростиельного смешения гуманитарных повадок с естественно-научными привычками. Но вряд ли столь же безоговорочно можно утверждать, что вообще исчезли крупные творческие личности, и речь идет не только о матери Терезе или папе Иоанне-Павле II, всегда находившихся в сфере mass-media.

Cogito, если обратить dubito на него, а не заставлять их через голову друга друга солидарно палить во внешний мир, как в копеечку, подобно двоянным «пушкам» в китайских шахматах «сян ци» — более зыбкая категория, чем хотелось бы допустить в рассуждении о торжестве разума. У трансцендентального — довольно илистое дно, а у феноменологии — дальтонизм в отношении хронического и ахронического; так бы я ворчал, если имел право противопоставить всему этому что-то более серьезное, чем жизненный опыт, вынужденный вполне практически осваиваться в пространстве и во времени.

Мне кажется, что я помню себя с двух с половиной лет отроду. Живо представляю, как во время поездки на пароходе — еще колесном — по Каме мы отстали и догоняли его на буксирном суденышке. Речники на плаву передавали меня из рук в руки по узкому деревянному трапу с шустрого закопченного буксира на наш сверкающий огнями и гулко шлепающий лопастьми по воде белоснежный гигант. В более зрелом возрасте я напомнил эту историю отцу. Вначале он утверждал, что никогда и нигде мы с ним не опаздывали ни на какой вид транспорта, а потом вдруг спохватился: «Да, в самом деле, тогда устроили какой-то пикник на берегу и условились, что буксирный катер потом догонит пароход, но ты не можешь этого помнить, наверное, у тебя это из чьих-то рассказов». Таковых я припомнить не мог и выложил козырную карту: «А ты помнишь, как назывался этот буксир? Так вот, назывался он “Свяга”»... «Отец побледнел», — так, пожалуй, должна была бы закончиться эта история, если бы я занимался беллетристикой. Если бы это была Лета, а не Кама. В действительности отец рассмеялся: «Ну, не знаю, как он назывался, только ты, скорее всего, назнал на какой-то эмоциональный стержень более поздние воспоминания, когда-нибудь попробуй написать о том, как рождается память». Именно это я сейчас и делаю, и я в самом деле не знаю, откуда взялись детали того воспоминания и как они соединились в едином, до сих пор живом образе. У отца были свои счеты с Мнемосиной — матерью всех муз. Во время войны он вел дневник, где подробные записи перемежались зарисовками, и впоследствии забавлялся и сокрушался, наблюдая, что делает жизнь с памятью его менее дружных с Клио однополчан, в том числе и тех, кто

по складу характера совершенно не склонен был что-то приукрашивать или утаивать.

Лет десять назад я перестал писать в газеты, появляться на телевидении и т. п. — за довольно редкими исключениями, когда трудно отказать друзьям или когда кажется, что в таком-то или таком-то случае нельзя промолчать. В большинстве случаев, кстати, можно, и иногда нужно, и молчать, и отказывать. Но как бы то ни было, собственное имя все же время от времени попадалось мне на глаза. Почти всегда (это почти социологическое наблюдение, которому недостает только статистической обоснованности) упоминание этого имени в контексте каких-то достоверно известных мне событий было либо бессмысленным, либо ошибочным. Это побуждает меня а priori довольно сдержанно относиться к тому, что для общего употребления и без явного специального умысла — корыстного или страстного — пишется и говорится об известных и неизвестных мне людях, особенно если речь идет об отдельных упоминаниях или даже специальных публикациях. Журналисты вынуждены домысливать то, чего не знают точно, причем времени у них, как правило, — до ближайшего выпуска. Но даже если кто-то становится постоянным героем телевизионных, радио или журнальных новостей, положение принципиально не меняется. И в беллетристике в принципе то же самое. У меня есть несколько знакомых — литературных героев, и пару раз я и сам попадал во второстепенные литературные персонажи. Не знаю, представителен мой опыт или нет, но все, кого я имею в виду, включая себя, очень условно соотносятся с персонажами, носящими наши имена или выступающими под псевдонимами. Ничего не поделаешь. Любой на свете рассказ сюжетен, большинство сюжетов шаблонны, а причуды памяти, не говоря о пристрастиях, дают сюжетам волю. У любого обиженного есть ограниченное только законом право в свою очередь сделать своего обидчика литературным персонажем.

Что бы, однако, ни происходило с памятью, я более или менее уверен в одной вещи. Когда мне было лет шесть или семь, я вдруг почувствовал, что начинаю быстро забывать уютное, верой и правдой служившее мне прошлое, и понял, что самые важные воспоминания необходимо освежать в памяти перед сном. Эту мысль я тогда записал, чтобы и ее не забыть, в дамском альбоме «для стихов» в бархатном переплете, который мне отдали на растерзание и куда я помещал стихи и сказки собственного сочинения, тоже сопровождая их рисунками. И, пока меня не переубедят, буду считать, что из раннего детства помню только то, что успел и что сумел тогда «перезапомнить». Много позже я даже изобрел доморощенную теорию, согласно которой детские впечатления в каком-то смысле двухмерны — что-то вроде цветастого ковра или картины с обратной перспективой. Здесь особая логика отношений между знаками, почти исключая причинно-следственный иллюзионизм и подчиненная лишь иерархической упорядоченности того, что представляется более важным и менее важным, более и менее ярким. Взрослея, мы вынуждены «перекодировать» наши воспоминания, строя их по другим ранжирам, в частности — по хронологическому. В нашей взрослой памяти остается, видимо, лишь то немногое, что мы успеваем перевести с одного языка на другой, подчинив иллюзии временной последовательности или, по крайней мере, сохранив как особо важный образ, не имеющий точного места на хронологической

оси. И только когда мы отходим к Всевышнему, в последний земной миг, не имеющий длительности, обе логики совмещаются: еще по закону гаснущего времени, но уже вне его — и преобразующаяся личность вспоминает все события завершившейся жизни. Этим рассуждениям решительно не хватает того, что требуется от настоящей концепции: повторяемости и воспроизводимости фактов, на которые она опирается. Но ведь жизненный опыт во всем этом не нуждается по определению, и если уж к нему обратились, он в своем праве — его неделя.

«Прошлое прошло, будущее будет». Эти плеоназмы имеют один смысл, если допустить, что жизнь сводится к посюсторонней составляющей, и другой — при альтернативном допущении. В этом случае смысл и тавтологии, и самой этой составляющей меняется: прошлое не проходит, а будущее в каждый данный момент «составляется» в некоей связи с непроходящим прошлым. Парадоксы, с которыми сталкиваются теоретическая физика и квантовая механика и которые так волнуют в последнее столетие научное сообщество, с гуманитарной точки периферийны в отношении парадокса, фундаментального в отношении целой культуры: напряженного противоречия между постулатами предопределения и свободы воли. Психологически подготовленные современной физикой к тому, что некоторые естественно-научные аксиомы оказываются менее надежными, чем казалось ранее, мы не можем не предположить, что эти два постулата могут непротиворечиво сосуществовать лишь при допущении обратимости времени. Если Бог всемогущ по определению, в его власти сделать и бывшее — небывшим, и в этом случае тема диалога человека со своим Творцом приобретает дополнительные оттенки. Человек, в частности, не может не допускать, что он, не ведая того, живет в странном положении условно освобожденного по милости Божией, в том числе, как знать, и от совершения преступления. Его приговор пересмотрен, а судимость, возможно, будет снята. Допущение такого рода может иметь существенные последствия для самооценки человека и его мотиваций, однако, едва ли большие, чем два упомянутых постулата по отдельности. Приятель, с которым я как-то поделился этими соображениями, предположил, что и синдром *déjà vu* проще всего объяснить, допустив обратимость времени. Не знаю. Одно дело — вывод, к которому нельзя не прийти на основе логики, даже если он и выглядит парадоксальным. Другое — тот, который естественнее всего сделать, поскольку он кажется наиболее простым.

Однако, даже соглашаясь с этими доводами, в обиходе мы чаще всего ориентируемся банальным способом. Зная кое-что о неевклидовых геометриях, мы все же строим дом, веря, что параллельные стены у нас не пересекутся. В противном случае нам, видимо, нелегко будет жить на этом неевклидовом свете и уж, безусловно, мы построим нечто, именно для этого и пригодное. В отношениях с прошлым в быту господствует императив, если не факт, простой причинности, с будущим — императив, хотя и не факт, причинности целевой. Презумпции прошлого и будущего с нами — одно всегда позади, как спина, а другое впереди, как нос, даже если мы им и крутим во все стороны. Взыскующий симметрии Янус мог бы не узнать свой чеканный профиль в земном зеркале. Хотим мы этого или нет, но весь свой жизненный опыт мы пытаемся уложить в прокрустово ложе анамнеза, диагноза и прогноза, даже если не являемся практикующими

врачами, а то, что не укладывается в него, чаще всего стараемся забыть как сонное наваждение. При этом попытки заглянуть в будущее не менее увлекательны, чем попытки разгадать знаменитые исторические загадки или припомнить то, что было до первого достоверного воспоминания.

Люди, обладающие пророческим даром, редко угадывают те конкретные пути, которыми приходит предвидимое ими событие, в том числе и время его свершения. Современники посмеивались над «Скифами» Александра Блока, и действительно в его гротескных обвинениях и угрозах, обращенных к вторгшейся к нам Европе, было что-то от пафоса обиженного ребенка.

*Итоговая конструкция нередко
оказывается менее изящной и вызывающей
меньшие эстетические восторги,
чем первоначальный замысел*

Однако времена переменились. Четверть века спустя Европа вновь пожаловала к нам, и тогда мы обернулись-таки к ней «своею азиатской рожей». Никогда не смейтесь над поэтами. Мне доводилось не только читать, но и слышать от опытных людей, что точный и полный смысл предсказания раскрывается только в момент, когда оно сбывается, а его правдоподобные, но неточные или неполные трактовки нередко отравляют жизнь, хотя иногда и подслащают пилюлю. Так или иначе, я и сам не раз убеждался, что действительное или мнимое знание будущего редко помогает знающему в том смысле, какой он в этот момент вкладывает в слово «помощь». Мало что-то знать, надо еще быть уверенным в смысле и качестве своего знания. Такую уверенность, казалось бы, естественнее всего встретить у верующего человека, но как раз верующий чаще всего старается не проявлять по собственной инициативе слишком обязывающего интереса к тому, что выглядит как знание «оттуда».

Короче говоря, наши отношения как с прошлым, так и с будущим трудно назвать образцово упорядоченными. И в таких условиях историкам и прогнозистам, не говоря обо всех остальных, приходится заниматься историей и прогностикой или хотя бы думать о прошлом и будущем!

Мы пытаемся написать ясную и правдивую биографию человечества, своей страны, своей «малой родины». И при этом справедливо полагаем, что без ощущения того, что такая биография изложена или может быть изложена, наша ощущаемая же самоощущенность под угрозой. Однако любая коллективная история, даже история семьи, — результат постоянного сопоставления и согласования чьих-то свидетельств, материальных памятников и жизненного опыта. Летописцы небеспристрастно отмечают необычайные события (землетрясения, затмения, войны, рождения наследников, убийства правителей и т. п.), а они все похожи друг на друга, но почти безразличны к мелочам быта, которые им кажутся банальными и самоочевидными. Эти мелочи становятся фрагментарным достоянием археологии, иконографии, вычитываются между строк тех же летописей и т. д. В обыденной жизни, между тем, история присутствует в двуединстве изменившегося и вечного. Крестоносец Робер де Клари, разорвавший Константинополь в 1204 году, пишет об аистах, которые вьют гнезда на колонне Юстиниана, что между Св. Софией и дворцом ромейских импе-

раторов. Ни этого дворца, ни колонны давно уже нет — здесь сквер, заполненный туристами, мелочными торговцами, дервишами. Остались только переделанная вначале в мечеть, а затем в музей Агия София и кружащая над ней аисты. Свидетельства этих метаморфоз и это пребывание безличной жизни, несоразмерной человеческой, в совокупности подсказывают идеальный образ истории как единого непрерывного процесса перемен, поддающегося непротиворечивому описанию.

Сторонники модных сейчас критических хронологий всего лишь в очередной раз доказывают иллюзорность этого идеала, недостаточность и вопиющую противоречивость фактов, призванных способствовать его воплощению в жизнь. Ученое сообщество сердится, подобно Юпитеру, отказываясь даже обсуждать их выкладки. Между тем они демонстрируют, в сущности, лишь то, что коллективная память человеческих сообществ оказывается на проверку не лучше индивидуальной. Принятие противоположной точки зрения требовало бы специального обоснования. Проблемы у новых хронологов возникают по мере того, как они начинают поспешно предлагать вместо большого мифа, не поддающегося систематизации, его логически упорядоченную и хронологически усеченную версию, отчасти основанную на повторяемости иконографических решений и сюжетных ходов истории. Писаной истории — истории хронографов и историков, нередко мыслящих стереотипно и на протяжении большей части истории возводивших эту стереотипность в принцип. Соотношение двух мифологий примерно такое же, как между греческой мифологией в совокупности дошедших до нас античных текстов и древнегреческими мифами в пересказе для детей Я. Голосовкера: последние намного гармоничнее. Как это нередко случается, полемисты в процессе спора обмениваются аргументами и меняются ролями. Сегодня старый непричесанный миф всеобщей истории, в той мере, в какой его фрагменты являются частью научного знания, противостоит в качестве науки новому эрзац-мифу, рожденному научной критикой, вышедшей за свои пределы. Вообще, всем, занимающимся историей, бесполезно время от времени бросать взгляд на напластования культурных слоев в раскопах и на этажи разнородных и разновременных руин в древнейших центрах культуры, дожившие до наших дней. Свидетельства этих объективных, хотя и неточных, хронометров иногда отрезвляют крайних субъективистов.

Писаная история — неременный атрибут уважающего себя сообщества. В каком-то смысле она похожа не просто на часы, показывающие правильное или неправильное время, а на те дамские часики, о которых упоминает в одном из своих трактатов Иммануил Кант. Для их обладательницы важнее, чтобы они были и чтобы все видели, что они у нее есть, чем чтобы они показывали время — правильное или неправильное. Так обстояло дело с часиками во времена Иммануила Канта. С историей так обстоит дело столько, сколько она существует. Однако у нее есть и одна дополнительная функция, которой не было и не будет никогда у хронометров — даже у будильников или часов с кукушкой: объяснять, почему произошло то, что произошло. При известии о чьей-то смерти людей, как правило, в первую очередь интересует то, что, если вдуматься, не является самым существенным, а именно — обстоятельства случившегося. Уяснение обстоятельств позволяет поставить всегда нелепое, с точки зрения земной жизни, событие в какой-то приемлемый смысловой ряд. Этот ряд показывает, помимо всего прочего, что

подобное не происходит с кем угодно ни с того ни с сего, без таких веских причин, как болезнь, старость, неосторожность и т. д. Факт недавней истории. М.С. Горбачев, вернувшийся в Москву после августовского путча 1991 года, заявил что-то не очень ясное насчет того, что всей правды о тех событиях то ли не знает, то ли не узнает никто и никогда. Его принялись обвинять в причастности к заговору, он начал оправдываться и т.д. Пошла писать губерния. Почему-то никто не предположил, что Президент СССР тогда вообще не проболтался, как подумали недоброжелатели, а проговорился по Фрейду, что далеко не то же самое. Действительно, разве главное в том, какие существовали комплоты и кто в них участвовал? В три дня рухнуло все вокруг — и что? Знает ли кто и узнает ли когда, какие в этом смыслы? Пусть ответят те, кто успел разобраться в причинах падения Римской империи. Вся история истории, с тех пор как она покинула лоно хронографии, — неравная битва с иллюзией очевидной причинности. История нам причинила. Художник нам изобразил. Поворачивается трубка калейдоскопа, и сыплются разноцветные кусочки битого стекла, пока не застынут в неустойчивом равновесии и, благодаря предуготованной иллюзии, не создадут новый искусно нарисованный узор. Даже прикладную философию истории создать едва ли проще, чем исчерпывающим образом описать механику калейдоскопа. В качестве первого элементарного упражнения можно попробовать начертить скомканный лист бумаги в аксонометрической проекции или хотя бы нарисовать его. Художник нам изобразил, история нам причинила. Неудовлетворительно описывая прошлое и плохо помогая в поисках причин событий, история, однако, активно соучаствует в создании того, что мы воспринимаем как будущее. Не знаю, как это происходит, но мне кажется, что между естественным стремлением честно и просто рассказать историю в очередном культурном контексте и столь же естественным желанием с интересом и без задних мыслей выслушать ее обычно возникает какое-то сочувственное напряжение. Возможно, к примеру, что в создание современной русской нации, если таковое произойдет до полной и безоговорочной победы глобализма, решающий вклад внесут те, кому удастся правдоподобно и увлекательно рассказать отечественную историю как историю семейную, а не изложить как государственную, что было важно при создании российской государственности. Историческая наука в таких ситуациях обычно не просто дружит с литературой, но заключает с ней брачный контракт. Именно историческая беллетристика, не беря греха на душу, может позволять себе кое-что домысливать, что непростительно для науки, претендующей на строгость. Иными словами — творить в духе пометки сэра Уинстона Черчилля на полях рукописи его парламентской речи: «Аргумент слабоват, добавить голоса!». Оригинального источника, кстати, я сам не видел, мне эту историю рассказали в Палате общин британского парламента, и она, сколько я могу судить, не противоречит образу Черчилля, что для истории уже немало. Если факты — плоть истории в широком смысле, то анекдот — ее кровь. Мне не раз приходилось читать в прессе о событиях, участником которых я был. Почти всегда ход этих событий излагался неверно, и если источников было несколько, еще и по-разному неверно. При этом суть события авторам часто удавалось понять и объяснить достаточно правильно. Очевидно, что в этих случаях решение подгонялось под ответ, полученный каким-то своим путем, ради придания ему необходимого информаци-

онного правдоподобия. Так, что называется, делается история у самых ее истоков, и здесь трудно что-то изменить. Разве что конкуренция различных концепций истории, не говоря о хронологиях, постоянно прерываемая то их компромиссами, то принуждением к миру, а то и взятием стана противника «на шпагу», не позволяет безраздельно господствовать наиболее примитивным из них и в силу этого наиболее пригодным к употреблению в качестве политических рецептов прямого действия. История, как дисциплина, должна не столько подсказывать, как действовать в политике, сколько мешать поступать по исторической аналогии в техническом, но не в нравственном отношении.

Что касается прогнозов, то я много раз спрашивал их любителей о том, зачем они им, если они понимают всю условность прогнозирования. Ответы обычно сводились к тому, что надо же от чего-то отталкиваться. Даже если допустить, что в некоторых случаях эта формула маскировала просто суеверие или детское любопытство, свойственное и вполне образованным людям, лучше нее, пожалуй, ничего и не выдумаешь. В самом деле, когда мы совершенствуемся в решении уравнений с неизвестными, наша главная задача — не определение их числовых значений. Действительно важно обрести навык решения уравнений определенного рода с тем, чтобы в нужный момент по крайней мере не совершить нелепую ошибку, источник которой — незнание не того, что нельзя постигнуть, а того, что стыдно не знать. В прогнозировании в этом контексте говорят о сценарных развилках. Умение читать дорожные знаки бесполезно даже для того, кто не знает, куда, почему и зачем он едет.

Обычно опасаются так называемых самоосуществляющихся прогнозов почти по поговорке: «Помяни волка, и он тут как тут». Считается, что убедительный прогноз создает ожидания, они провоцируют определенные действия и т. д. Однако серьезный прогноз и должен стремиться к самоосуществлению, иначе это не прогноз. Или, что, в сущности, то же самое — к неосуществлению. Прогнозу противопоказаны созерцательность и связанная с ней неконкретность постановки задачи. Еще одно сокровище, покоящееся на дне упомянутой выше бездны, — прогноз состояния мира, страны, деревни и т. д. вообще и на всякий случай. Мне в лицах рассказывали про одно собрание ученых и чиновников. Чиновники требовали ответить на вопрос, когда наступит хаос. Ученые удивились, но стали отвечать по возможности подробно и аргументированно, гадая, отчего это вдруг чиновники озаботились действием второго закона термодинамики. Те в свою очередь подумали, что ученые, как всегда, пытаются увильнуть от точного ответа на поставленный практический вопрос. В действительности дело было в неправильном ударе, и чиновников, конечно, интересовала вовсе не энтропия, а то, когда в стране наступит хаос. Это было время, когда в кулуарах власти все в очередной раз принялись спрашивать друг друга: «Ну и когда же наступит конец?» Иностранцы любят называть такие приступы мировой скорби на отечественный лад «русским пессимизмом». Однако, если отвлечься от удара, породившего целую комедию ошибок в миниатюре, нельзя не признать, что прогноз хаоса как предела Вселенной — задача более конкретная, чем прогноз хаоса в России. В первом случае речь идет об абстрактной, модельной вселенной, как физики ее сегодня знают или дума-

ют, что знают, а во втором — о конкретной стране, которую ни чиновники, ни ученые не знают и не питают на этот счет особых иллюзий. Точные науки, как они исторически сложились, вызывающе гносеологичны. Гуманитарное же знание продолжает скрывать, но не может скрыть своей онтологичности.

Чего-то стоящий прогноз требует создания того, что я, за неимением лучшей метафоры, называю социальным компьютером. Предположим, мы занимаемся стратегическим планированием на основе процедур, восходящих к моделям Томаса Саати, используемым, в частности, экспертные оценки. Чтобы их эффективно приме-

*Неудовлетворительно описывая прошлое
и плохо помогая в поисках причин
событий, история, однако, активно
соучаствует в создании того, что мы
воспринимаем как будущее*

нять, недостаточно знания самих этих моделей и даже умения приспособливать их к нетривиальным задачам. Нужна еще критическая масса экспертов, мыслящих стандартно, говорящих на одном языке и понимающих друг друга с полуслова. Не просто хороших, тем более — уникальных специалистов в своей области, а людей, принадлежащих к одному сложившемуся слою и в идеале взаимозаменяемых. Если, скажем, это экономист, он должен дважды в сутки следить за индексами Доу-Джонса, НАСДАК, другими стандартными показателями и т.д. И он должен быть готовым в любое время дня и ночи высказать стандартное экспертное суждение, отличающееся от суждений других экспертов в пределах десятых или сотых после запятой, а не с таким разбросом положительных и отрицательных величин, что средняя арифметическая экспертных оценок в пределе будет стремиться к 0. И это еще далеко не все. Внешними условиями относительно надежного прогнозирования и основанного на нем планирования являются также рутинно действующая бюрократия, рутинный политический процесс, относительно неизменная структура институтов и устойчивая правовая среда. Плюс к этому — сложившаяся система нравов и обычаев. Иначе эффект использования таких моделей можно будет сравнить с полезностью автомобиля в местности, где никогда не было ни дорог, ни бензина, ни даже ГАИ. «Социальный компьютер» — устойчивая, хотя и гибкая, самонастраивающаяся система властных, экономических, культурных и др. отношений между людьми, которая создается при их осознанном технологическом вмешательстве. Это последнее обстоятельство отличает «социальные компьютеры» от других, как более спонтанных и традиционных, так и от более жестких мобилизационных форм социальной самоорганизации. «Социальный компьютер» предполагает формирование как искусственных однородных сред (аналог — материалы с заданными качествами), так и искусственных иерархий, а также цепей отношений. Все это создается как через социализацию, так и с помощью социальной и политической инженерии (аналоги — селекция и генная инженерия). Элементарный пример: специалисты в области изучения такой субкультуры, какой является полиция, в какой-то момент догадались, что полицейских по ряду причин лучше отправлять на патрулирование попарно, и притом пары должны состоять из мужчины и женщины и т. п. Лозунгом со-

временного «социального компьютера» могла бы стать фраза: «Необходимая социокультурная среда в необходимом хронотопе». Это совсем не то же самое, что нужное число необходимым образом подготовленных и организованных людей в нужное время в нужном месте.

Прогнозировать, таким образом, естественнее всего поведение социальных артефактов в сфере их распространения, и их же поведение планировать. Да и то без греха далеко не всегда получается. Существуют, разумеется, и другие типы прогнозирования и планирования, в том числе не столько использующие артефакты, сколько создающие их в самом процессе прогнозирования и воплощения прогноза в жизнь. В сущности, так и приходится действовать командирам подразделений и частей, оказавшихся в окружении без связи с командованием, капитанам тонущих кораблей и, отчасти, кризисным менеджерам с широкими полномочиями. Так что подобное поведение само по себе не является в человеческом общежитии немислимым, даже если и оказывается из ряда вон выходящим. Другое дело — распространение этой практики на предельно большие системы в обычном состоянии. В этом случае публика может не заметить разницы между прогнозистом и пророком. Жозеф де Местр, к примеру, был признанным пророком в своей среде. Возможно, в нем видели даже не просто пророка, а провожатого, знающего путь к высокой цели и уверенного в ее достижении. Нового Моисея, ведущего к сокровищам, лежащим, как впоследствии выяснилось, все на том же дне бездны. Ни один из его прогнозов, насколько мне известно, не оправдался, желающих воплотить его пророчества в жизнь оказалось недостаточно, и сардинский посланник в России, подаривший нам «Санкт-Петербургские вечера», остался в истории в основном благодаря другим своим достоинствам. Однако потребность в вожатом зрела, смысл ее уточнялся, среда, взыскующая вожатого, менялась, и вслед за анемичными предтечами — Сен-Симон, Ламеннэ и др. — он вскоре объявился, звали его Карл Маркс. После нескольких десятилетий пустынноблудия его ученики вернули Израиль фараону. Вожатым такого рода для оправдания своей деятельности необходимо, в сущности, доказать применительно к своему уровню претензий то, что на своих уровнях более или менее очевидно для подчиненных упомянутых выше командиров и менеджеров средней руки: что «система» гибнет или обанкротилась. В данном случае — что обанкротилась и гибнет не более и не менее чем мировая система. Марксу с Энгельсом понадобилось написать сотню томов, так и не собранных в MEGA, а их последователям убедить своих последователей, что в этих *in quarto*, взятых в целом, такое доказательство действительно растворено, хотя ни каждое сочинение по отдельности, ни жизненный опыт вполне убедительного доказательства не содержат. Часто говорят, вслед за тем же де Местром, что причина великих революций — неверие. Однако искреннее неверие, как и вера, оборотной стороной которой оно является, по-своему оптимистично. Скорее корень в том, что сам де Местр (и вслед за ним Достоевский) определил как «полунауку». Протоиерей Михаил Ардов рассказывает в своей книге анекдотов о беседе Архиепископа Киприана (Зернова) — живо представляю колоритную фигуру этого архипастыря в интерьере Скорбященской церкви на Большой Ордынке в начале 1980-х — с каким-то советским послом. Советский дипломат сказал тогда, что религия его совершенно не интересует. По словам о. Михаила, Владыка Киприан заметил на это, что религиозными вообще бывают обычно люди или совсем

простые, или высокообразованные. Трудно представить, как воспринял это советский посол, но действительно, если первые чувствуют «пари Паскаля» нутром, то вторые принимают рассудком. Так или иначе, вера учит полагаться на Бога, неверие заставляет полагаться на себя, может быть – втайне надеяться на Бога. Так что речь в данном случае может идти не столько о неверии, сколько о каком-то недоверии, рождающем тревогу и парализующем волю. Недоверии и недоверии, вынуждающих принимать на веру знание самозванцев о причинах неминуемого конца света и о практических способах его предотвращения. Правословие наверху, недоверие повсюду. Под знаменем марксизма обречены были, видимо, соединиться не столько пролетарии, сколько ипохондрики, мизантропы и паникеры всех стран, независимо от классовой, национальной и расовой принадлежности. Почти любой из нас, заколебавшись, может оказаться исполнителем одной из этих ролей. Если не забывать о кризисной природе коммунизма, становится понятным, что крымские большевики из воспоминаний Ивана Шмелева, «кормившие» голодающих жителей сообщениями о том, что петроградские товарищи строят электрические аэропланы, чтобы привезти хлеб, были не просто лгунами и даже, может быть, не все были мерзавцами. Как капитаны гибнущих судов, они, возможно искренне, пытались затеплить искорку надежды у тех, кого этой надежды лишили.

Когда я говорю о марксизме, я имею в виду марксистское мессианство, а не классовый анализ, по разным причинам к нему притянутый. Классовые отношения многозначны, и любая инструментальная теория не исчерпывает, как правило, всех возможных причинно-следственных связей. Как писал сам К. Маркс, причины и следствия во взаимодействии утрачивают свои определяющие черты. Когда, к примеру, А.Т. Твардовский обрушивается на «небезызвестного В. Набокова, отрасль знатнейшей и богатейшей в России семьи Набоковых, представителя верхушечной части эмиграции» за его слегка ироничные воспоминания о И.А. Бунине, не сразу и скажешь, чего больше в этой классовой запальчивости. Солидарности одного разорившегося мелкопоместного с другим таким же мелкопоместным перед лицом разоренного аристократа или же чувства коренного жителя Подстепья в отношении ветерком подбитого петербуржца, который походя, лихо, как шампанское откупорил, спародировал солидного и монументального степняка.

Два типа прогностического планирования или, говоря модным нынче языком, два общественных проекта не наследуют друг другу и друг друга не исключают. Если, например, во французской и русской революциях, прозванных великими, рассудок бывал – в разное время и в разной степени – обличаем и в основном побеждаем безумием, то, скажем, в так называемой германской национальной революции первый достаточно систематически подчинялся второму, служа ему при всем параде. Французские революционеры создали – или намеревались создать – храмы разума. Русские инвестировали в Коминтерн. Альберт Шпеер придумал специальную «теорию руин». Символические сооружения тысячелетней империи должны были строиться так, чтобы и после их разрушения – столетия спустя – выглядеть величественно. Действительно, разрушенное через десятилетие после своего создания поле парадов в Нюрнберге выглядит, особенно на рассвете и закате, величественнее, чем церковь в Тулузе, превращенная якобинцами в «храм разума», да так толком и не восстановленная.

Или чем выглядел в любое время суток бассейн «Москва» в котловане так и не построенного Дворца советов. Руины рассудка в целом все же более монументальны, хотя и не менее печальны, чем пустыри безумия.

Это все, в общем, об историческом измерении моего опыта, а теперь — о политическом. Подобно автору эпитафии к этому тексту, я знал трех верховных правителей моей страны. Первый относился ко мне хорошо, однако это было после его отставки. Второй относился по-разному, в зависимости от того, что я ему говорил, что писал на его имя и какое было у него настроение. Третий, вероятно, не относился никак, если вообще имел представление о моем существовании, по крайней мере — после инаугурации. Из советских вождей один раз в детстве я видел Хрущева, он был отчего-то зол, угрюм, и показался мне неприятным. Машина Подгорного однажды едва не сбила меня, когда я законопослушно переходил улицу на зеленый свет, и Подгорный показался мне похожим на Хрущева. Впрочем, главой государства Подгорный вообще не был, хотя формально и считался таковым. Кто-то чаще, чем я, сталкивался с верховной властью, кто-то реже. Как бы то ни было, моего жизненного опыта решительно недостаточно, чтобы на его основе рассуждать о природе и обычаях верховной власти в России, и вообще верховной власти, в доверительном тоне. По другой причине не стану трогать и ту особенную власть, каковой является власть мнения: «союз артистического бомонда и политического истеблишмента», как гласит одна реклама. Рекламируется какой-то ресторан, видимо, по мнению зазывал, естественное место обитания такого союза. Мне не раз приходилось писать об этой среде, рождающей предрассудки, слухи, идеи — в большинстве случаев бесполезные, что ей не в укор. Любое говорящее сообщество, кроме клетки с попугаями, производит или оглашает по большей части бессмысленные идеи, в том числе массу вредных, но также, конечно, и те, без которых не проживешь. *All that jazz* — маркитанты власти, ее походная лавочка, где она что-то покупает, что-то присваивает, живя, как и полагается, главным образом в долг. Подобно женщинам до французской революции из рассказа г-на Казота, эта среда верит, что ни за что не отвечает, хотя, добавлю от себя, до любой революции склонна к публичным уверениям, что отвечает за все. Странно было бы требовать от нее, как и от рынка, коллективной ответственности, к которой ее время от времени призывают — иногда всерьез. Что до любого из нас, то боюсь, что отказ от ответственности перед Богом за сказанное слово не оправдывается ни ответственностью перед государством или народом, ни безответственностью перед тем и другим...

И еще кое-чему научила меня жизнь. Например, тому, что лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным, и что это справедливо не всегда и не во всем. Что о вкусах не спорят, лошадей на переправе не меняют и на дураков не обижаются. И что если бы этим принципам строго следовали, не было бы, наконец, ни языка, ни политики, ни истории — только сознание, микромир и макромир. Был бы физик, и не было бы лириков. Если я у жизни еще чему-нибудь научусь, то постараюсь об этом рассказать. Хотя, может быть, и не обо всем стоит рассказывать. Упрекал же Пушкин разговорчивого Стерна в том, что без его чрезмерной наблюдательности никто не обратил бы внимания на вещи, на которые внимание лучше не обращать.

CONTENTS

To Our Reader	5
Seminar	
Civil Society and Political System in Russia	
<i>Aleksander Auzan</i>	7
Discussion	15
Notes from the seminar	
<i>Evgeniya Ivan'kova, Ekaterina Zolotukhina, Aleksander Radevich</i>	20
Theme of the Issue	
Why Do We Need the Civil Society and What Are We To Do with It?	
<i>Gleb Tyurin</i>	24
Enlightenment: Yesterday and Today	
<i>Aleksander Sogomonov</i>	33
XXI century: Challenges and Threats	
Enemies of freedom underestimate us	
<i>Martin Wolf</i>	40
Contemporary Terrorism	
<i>Charles Guthrie</i>	43
Russian-American Relations: Problems and Opportunities	
<i>Dmitri Trenin</i>	49
Discussion	
Alternative Electoral Philosophy	
<i>Serguei Egorov</i>	56
Our Problems and All-Russian Problems	
<i>Magomed Alkhazurov</i>	61
Those Not Aligned with NASHI	
<i>Lika Rygina</i>	66
Announcement	
The School. On Meaning and Feelings	
<i>Zoya Eroshok</i>	72
Freedom and Culture	
Liberalism and Free-Thinking	
<i>Efim Smulyanski</i>	75
An Individual Experience	
Mikhail Kuznetsov: A Rational Optimist	
<i>Yuri Givenko</i>	79
Ideas and Notions	
Conservatism	
<i>Irina Busygina, Andrei Zakharov</i>	82
Horizons of Understanding	
Industry of Information Technologies	
<i>Ol'ga Dergunova</i>	89
In Pursuit of «Obedient Money»	
<i>Maxim Sergueev</i>	96
Books	
Stalin urth Us	
<i>Andrei Zakharov</i>	100
Regional Book Review	
<i>Aleksander Volkov, Andrei Nikitin</i>	101
Kontrapunkt	
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	104
In memoriam	
«Hold by My Rules...»	
<i>Aleksei Salmin</i>	107

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК
И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

СЕМИНАР

(Голицыно, июль 2005)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Ирина Бусыгина

Александр Зайцев

Андрей Захаров

Дени де Керголе

Михаил Кожокин

Татьяна Нестеренко

Сергей Степашин

Джефри Хоскинз

Клас Эклунд

Игорь Юргенс

Сергей Ястрежембский

квитанция кассир	<p> <u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278 </p> <hr/> <p> (Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) </p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>
квитанция кассир	<p> <u>АНО «Московская школа политических исследований»</u> (получатель платежа) ИНН 7703153998 КПП 770101001 Сч. № 40703810900001002316 в ОАО «НК Банк» г. Москва БИК 044579278 Сч. № 30101810900000000278 </p> <hr/> <p> (Ф.И.О., адрес плательщика, с индексом) <u>Подписка на журнал "Общая тетрадь" на 2006 г. (4 выпуска)</u> (наименование платежа) </p> <p>Сумма платежа 600 рублей</p> <p>Дата _____ Подпись плательщика _____</p>

Вы можете подписаться на журнал,
 заполнив купон и оплатив стоимость подписки или обратившись в редакцию
 по тел. 937-76-10, e-mail: lion13@mol.ru
 Внимание! Не забудьте указать Ваш почтовый индекс.
 Желательно убедиться в получении перевода по указанному номеру телефона.

Подписано в печать 9.11.2005.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: mpps@co.ru

<http://www.mpps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

